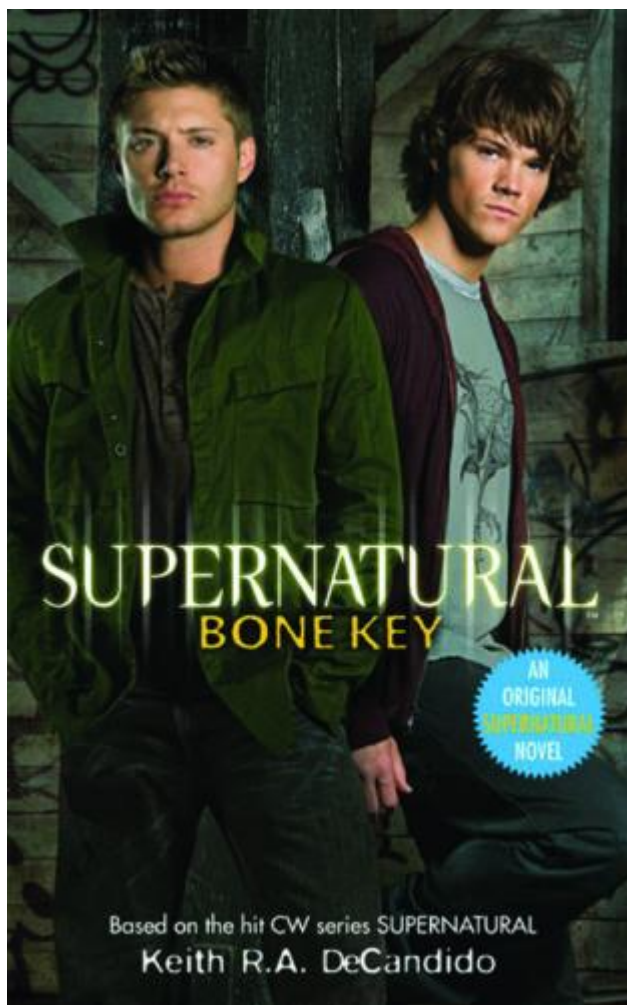

Костяной ключ

Посвящается Майклу МакКлауду – спасибо за время, отличное проведенное в ресторане «Причал для шхуны» и других местах во время моих частых поездок в Ки-Уэст.

*Мой дом - Флорида, Кей Вест^[1],
И его лучше нет на свете прочих мест.
Здесь девицы - прелестны, а пьянки -
спорт номер один.
(А вообще - номер два...)
Лучше здесь я спою
И пива налью,
Чем морозить свой зад среди льдин.*

— Майкл МакКлауд «Песня республики Конк»

События, описываемые в книге, происходят через неделю после серии 3.08 «Очень сверхъестественное Рождество»

ПРОЛОГ I

Двести лет назад...

Первосвященник забрался в каноэ, а мальчик сел на весла и повел лодку к священному острову.

Индейцы калуза сами соорудили этот клочок суши среди множества естественных островов, теснившихся около их родного полуострова. Они создали остров из того же материала, что и собственные дома и инструменты – из ракушек, которые дарила им вода. Та же вода дарила пищу и средства передвижения. Теперь священный остров был одним из немногих оставшихся убежищ. Когда-то здесь собирались воины, чтобы с благословения Трех Богов обсудить свои дела. Иногда первосвященник гадал, не покинули ли их Три Бога. Он быстро отгонял кощунственные мысли, но при взгляде на своего сына-вождя, сгорающего от болезни, завезенной чужаками, становилось слишком сложно не думать о том, что Три Бога покинули племя, что калуза больше не достойны божественных даров.

Сын скоро умрет. Если его не унесут неизвестные болезни, от которых уже умер военачальник, то это сделают соседние племена, крики или ямасы. Когда-то мелкие племена боялись могущества калуза, но потом появились чужаки. Они тоже боялись калуза, отвергавших их безделушки и одного-единственного бога. Но крики и ямасы были слабы: они приняли подарки незнакомцев, в том числе их оружие. Калуза были сильны, потому что их оружие приносило море, но металлические ракушки чужеземцев оказались крепче морских ракушек. Так, терзаемые набегами и болезнями, калуза медленно слабели. Они не могли больше ни защищать друзей, семинолов и текеста, ни поражать врагов.

Первосвященник понимал, что очень скоро погибнут все, возможно, уже через две зимы. К такому исходу надо было подготовиться.

– Мы прибыли, – сказал мальчик.

Первосвященник вскинул голову: погрузившись в раздумья, он и не заметил, как лодка причалила.

– Пойдем, – он медленно поднялся, отчаянно скрипя старыми костями.

Мальчик помог старику сойти на берег и подхватил большие тыквенные сосуды с необходимыми вещами:

– Скажи, что мне делать?

– Душа-тень и душа-отражение нам ни к чему, – отозвался первосвященник. – Они даны водным и сухопутным животным, чтобы те обрели новую жизнь. Однако остается душа видящая, и ее мы можем использовать, – он положил ладонь мальчику на грудь. – Сегодня мы отдадим свои жизни, чтобы однажды калуза смогли отомстить.

Мальчик почувствовал, как сердце полнится гордостью:

– Я лучше умру ради племени, чем от болезней иноземцев.

– Или от их оружия? – улыбнувшись, уточнил первосвященник. – Нет, ничего не говори. Мы все знаем, как ты храбр. Вот почему Три Бога выбрали тебя и вот почему, когда люди калуза уйдут, мы с тобой останемся, чтобы удержать их видящие души.

– Я готов, – кивнул мальчик.

Он достал раскрашенные деревянные маски, оставляющие открытыми только глаза, чтобы не стеснять душу. Маска первосвященника была красно-бело-синяя, с широко открытым

ртом, символизирующим беседу с Тремя Богами. Маска мальчика была красно-черно-белая, обозначая свирепость урожденного воина. Из тыквенного сосуда старик вытащил три кинжала, один протянул мальчику, а остальные оставил себе. Потом он начал танцевать, напевая заклинания, и мальчик повторял его движения. Завершив три круга, первосвященник полоснул лезвием по левому запястью и проделал то же самое с рукой мальчика. А потом они развернулись друг к другу лицом и одновременно вонзили кинжалы друг другу в грудь. Первосвященник чувствовал, как с кровью из него уходит жизнь, и знал наверняка, что Три Бога не оставили его, ибо в противном случае они не позволили бы провести ритуал.

Люди калюза отомстят за все. Когда-нибудь...

ПРОЛОГ II

Полгода назад...

Демоны стекались со всех сторон. Азазель сказал, что скоро все случится. Конечно, несмотря на его власть, никто ему не верил, потому что демоны лгут – кому как не демонам знать это лучше всего. Если даже Азазель и не врал, не вся адская братия считала, что у старого ублюдка выйдет что-нибудь путное.

Некоторые полагали, что слишком уж сложный это план – собрать всех детишек и стравить их, чтобы выживший возглавил армию Азазеля. Другим план просто не нравился – как же, подчиняться человеку! Да, этот человек будет избран и натренирован самим Азазелем, но при этом он останется человеком. Для многих демонов прошло слишком много лет со времен бытности людьми, а те, кто сохранил смутные воспоминания о земной жизни, совершенно по ней не скучали.

Но многие верили Азазелю. Они были готовы отдать ему свою веру, потому что это значило выбраться на волю. Они были готовы подчиниться человеку, потому что это значило выбраться на волю. Они бы до бесконечности стояли у створок ворот и ждали, ждали, ждали, если бы это значило когда-нибудь выбраться на волю.

Дьявольские врата соорудил самый ненавистный из людей – Сэмюэль Кольт. Он же собрал револьвер, который мог убивать демонов – не отправлять обратно в ад, что было само по себе несладко – а действительно уничтожать их. Дьявольские врата, перегородив путь между миром людей и адом, заставляли демонов искать более хитрые способы обрести плоть. Но многие из них были слишком ленивы, неопытны или тупы, чтобы изобретать эти способы. Либо просто не хотели смириться с тем, что придется ограничиться условиями призывающего заклинания и силой вызвавшего.

В общем, демоны собирались со всех сторон. И выжидали.

Кольт создал врата таким образом, что открыть их мог только его пистолет. И вот теперь, после целой вечности ожидания, металлический лязг дула-ключа насквозь пронизал весь ад. Демоны визжали, радостно вопили, пихались и толкались. Вот она – свобода! Свобода заполонить мир и устроить хаос!

Визжа вековыми петлями, ворота открылись.

Свобода! И демоны ползли, бежали, летели – наружу. Некоторые, правда, задержались, вспомнив, что Кольт окружил ворота металлической пентаграммой, но Азазель учел и это:

преграду сломал человек, который поведет их в бой. *(Это тоже сторонники Азазеля приводили в довод сомневающимся – как было мудро завербовать человека).*

Но человека наверху не оказалось. Не последовало ни приказаний, ни инструкций, ничего.

Они действительно оказались свободны.

Демоны разлетелись в разные стороны и тут же забыли о плане Азазеля, пьяные осознанием того, что можно разбрестись по миру и делать все, что заблагорассудится.

ГЛАВА 1

«Отличный способ отпраздновать Рождество и Новый год», – подумала Меган Уорд, прихлебывая крепкое янтарное пиво.

Пиво ей купил какой-то парень, наивно полагая, что ему за это что-то перепадет. От басов, казалось, вибрировали даже кости; громко били барабаны, гитарные аккорды взрезали воздух, словно бензопила. Меган не могла вспомнить названия трио, играющего сегодня в салуне «Хогс Брес», но их музыка ей определенно нравилась. Как и большинство тех, кто играл в барах Дюваль-стрит, это была кавер-группа, исполняющая классический рок. Сейчас, например, они принялись за «Magic Carpet Ride». Солистом была женщина: она пела низким хрипловатым голосом и аккомпанировала себе, безукоризненно справляясь с гитарными соло группы «Steppenwolf». Мощности колонок хватало, чтобы звук разносился по улице *(между «Хогс Брес» и пешеходной дорожкой находилась просторная покрытая гравием стоянка)*, так что музыку было хорошо слышно далеко вокруг громадного дерева, возвышающегося в центре огороженного, открытого бара. Меган нравилось такое положение дел по множеству причин, одной из которых была возможность легко игнорировать парня, поставившего ей пиво. Она не отказалась, конечно: дармовая выпивка – это вам не шуточки, особенно учитывая тощий студенческий кошелек, и все же она не собиралась развивать отношения. Особенно когда он сплюнул во время разговора – какая мерзость! И потом, это всего лишь пиво. Угости ее парень джином с тоником или водкой с апельсиновым соком, что ж, тогда может быть... Ну, а пиво? Купи губозакаточную машинку, дружок.

Когда приставучий верблюд сдался и отвалил к другой девчонке, Меган заняла высокий круглый столик, стоящий аккуратно между двумя барными стойками – главной, ближе к середине бара, и маленькой, около выхода на парковку. В субботний вечер здесь в обоих направлениях тянулись нескончаемые потоки людей. Некоторые, как и сама Меган, входили со стоянки, минуя вонючего парня, продающего свои стихи. Другие появлялись через заднюю дверь, выходящую на Фронт-стрит. По крайней мере, отсюда не было видно телевизора. Там куча помешанных на спорте придурков смотрела коллежский футбольный матч. Если бы Меган решила провести рождественскую неделю, наблюдая, как здоровенные лоботрясы вопят над игрой, она бы с тем же успехом вернулась домой в Атланту, к неотесанным отчиму и сводным братьям. Мама совсем разнюнилась, узнав, что ее маленькая девочка не приедет домой на Рождество, но Меган ясно ответила, что мамина «маленькая девочка» на самом деле взрослый человек, студентка двадцати двух лет, зарабатывающая степень бакалавра в Бостонском колледже. Кроме того, в их доме мама была единственным человеком, которому не хотелось дать по физиономии. Меган вовсе не винила мать за повторный брак после гибели папы в аварии. Мама плохо уживалась в одиночестве, а дочь-подросток оказалась неважной компанией, особенно когда захотела собственной личной жизни. Мама встретила Гарри на группе встреч – он тоже был вдовец, потерявший жену во время ограбления магазина. Гарри привел с собой

троих сыновей, и Меган затруднялась сказать, кто из них был хуже – Гарри-младший, бегающий перед ней чуть ли не голышом при любой возможности; Билли, который лапал ее за грудь и которого она однажды застала за копанием в ящике с ее нижним бельем; или малютка Джоуи, который установил в ванной камеру и выложил в интернет видео с Меган, принимающей душ. Мама, естественно, настаивала, что они не хотели никого обидеть – мальчики есть мальчики. Вот только Гарри-младшему было двадцать девять, а Билли столько же, сколько Меган, поэтому мамины оправдания звучали неубедительно. А после «невинной» шутки Джоуи Меган отсиживалась в своей комнате два месяца, потому что чертово видео скачала половина кампуса.

Так что никакого Рождества в кругу семьи. Впрочем, оставаться в Бостоне Меган тоже не собиралась: для девчонки из Джорджии тамошние зимы были слишком уж суровы. Вот так она оказалась в Ки-Уэсте – скопила заработанные в кофейне «Старбакс» деньги, нашла в интернете дешевый рейс, поселилась в милой гостинице прямо на Дюваль-стрит – поближе к многочисленным барам – и наслаждалась тропическим раем. Меган очень понравилось в Ки-Уэсте. И самое классное было даже не бары, превосходная погода, живая музыка, дружелюбные люди, легкое общение и фантастические морепродукты, а то, что каждый вечер здесь провожали заходящее солнце. Каждый вечер на дощатых мостках на Фронт-стрит собирался народ и, веселясь и распивая пиво, смотрел, как солнце садится в Мексиканский залив, а многочисленные продавцы и артисты дополняли действо, превращая его в чудесную вечеринку. Сначала Меган думала, что ей просто повезло попасть на какой-то праздник, а потом поняла, что такое здесь происходит ежедневно.

Сегодня, впрочем, Меган пропустила закат, захотелось спокойно посидеть и послушать музыку. Весь день она изображала прилежную туристку: посетила несколько музеев охотников за ценностями, Малый Белый дом^[21], дом-музей Хемингуэя и маяк. В результате ее просто не держали ноги. Единственное, до чего пока не дошло, это хороший секс. Меган никогда не везло с амурными делами, особенно после общения с новообретенными братьями-балбесами. Тем более, после истории с камерой в ванной она просто не могла себя заставить даже разговаривать с парнями в кампусе. В Ки-Уэсте к ней подкатывали множество раз, но с большинством ухажеров она бы в одном баре не задержалась, не то что в одной постели. Все симпатичные парни либо заняты, либо геи. Кстати, к Меган подбивали клинья и женщины, но она была не из таких, хотя бывало, что к ней клеились девушки в общежитии. Впору бояться, что если, в конце концов, не подойдет приличный парень, придется пересмотреть приоритеты.

Что ж, по крайней мере, остается шанс познакомиться с приятными людьми. И пусть никто из них не станет лучшим другом, но будет весело поболтать о музыке, учебе и всякой всячине. Каждый раз люди были новые, но Меган это развлекало. Она считала вечер успешным, даже если приходилось возвращаться домой в одиночестве.

Музыка смолкла.

– А сейчас небольшой перерыв, – сказала солистка. – Увидимся через пятнадцать минут!

Меган и основная часть посетителей заплотировали (*исключением были только идиоты перед телевизором*). Она допила пиво и принялась озираться в поисках официантки Лизы.

– Простите, здесь свободно?

Около столика стояла пара лет пятидесяти-шестидесяти, оба одеты в обычную для города одежду – рубашки с короткими рукавами, шорты и шлепанцы. Вопрос прозвучал с легким акцентом, который Меган не смогла определить. Европейцы, что ли? Они явно не собирались к ней подкатывать (*хотя в жизни Меган и более странные вещи случались*), поэтому девушка сказала:

– Да, присаживайтесь.

Они присели напротив Меган бок о бок. Мужчина был красив – смуглый и, как говаривал преподаватель истории, с орлиным носом. Меган в толк не могла взять, зачем нос называть «орлиным». Может, это звучало вежливее, чем «большой»? Мужчине, однако, он очень шел. А еще у него были темные короткие, но густые волосы, аккуратно причесанные и не испорченные всяческими средствами по уходу за шевелюрой. Его приятельница (*или жена?*) напротив щеголяла длинной, щедро обрызганной лаками прической. У нее были высокие скулы, и она все время улыбалась. Мужчина был очень худым, а она весьма фигуристая. Очень любопытная парочка!

– Меня зовут Альберто, – мужчина чуть улыбнулся. – А мою жену Федра.

– Спасибо, что позволила присесть, – улыбка Федры сделалась еще шире. – Я думала, так всю ночь и стоим.

Ее акцент был скорее бруклинским, чем европейским.

– Да ладно. Меня зовут Меган.

– Приятно познакомиться, Меган.

– Что привело в Ки-Уэст? – поинтересовался Альберто.

Меган не хотелось грузить их своими семейными проблемами:

– Понимаете, Рождество здесь гораздо веселее, чем в Бостоне.

– Я тебя очень хорошо понимаю! – Федра положила руку на стол, и Меган отметила ее безукоризненный маникюр, алый лак с блестками и уйму серебряных колечек. – Терпеть не могу снег. И весь этот хол-а-ад.

– А вы здесь как оказались? – в свою очередь спросила Меган.

– Мы уже несколько месяцев путешествуем, – ответил Альберто. – У нас произошли кое-какие жизненные перемены, поэтому мы решили продать дом и просто... двигаться.

– Ух ты, – Меган моргнула. – Это и правда круто.

– Думаем задержаться здесь, – Федра наклонилась вперед и заговорщицки прошептала: – Обожаю здешнюю атмосферу, здесь просто ва-а-схитительна-а.

– Да, чудесно.

Наконец, к столику подошла Лиза – невысокая женщина в черной рубашке с логотипом бара, очень загорелая, с длинными каштановыми волосами, стянутыми в неряшливый хвостик:

– Еще одно пиво, Мэг?

Меган вздохнула: она терпеть не могла, когда ее так называли. Однако Лиза, кажется, предпочитала исключительно односложные имена. Вчера Меган тусовалась здесь с тремя девчонками, и официантка живо переименовала Кристину в Крис, Мелани в Мэл, а Элизабет в Бесс (*хотя та звала себя «Лиз»*).

Лиза посмотрела на Альберто и Федру:

- А вы что будете, друзья?
- Можно мне «Маргариту»^[3]? – попросила Федра. – С солью.
- Мне стакан красного вина, – улыбнулся Альберто.
- Сейчас принесу, – официантка исчезла в толпе.
- Значит, ты живешь в Бостоне? – продолжила разговор Федра.
- Хожу там в колледж.

Минут десять Меган рассказывала про колледж, в общем, говорила все то же, что другим новым знакомым в уличных барах. Потом на сцену вернулась группа, и разговор был прерван музыкой. Музыканты начали играть неизбежную «Brown-Eyed Girl» – было просто нереально пройти по Дюваль-стрит, не услышав эту песню, по меньшей мере, раза три, не говоря уж о других шедеврах тяжелого рока. К удивлению Меган, Альберто за нее заплатил. За все время девушка успела заказать еще три *(или даже четыре)* кружки, а потом они снова разговаривали – в перерывах между песнями либо просто орали друг другу на ухо. К тому времени, как группа опять ушла на перерыв, Меган почувствовала себя слегка одуревшей. Ноги все еще болели, время неуклонно близилось к ночи. Пройдет несколько часов, прежде чем начнут закрываться бары, но Меган уже устала. Перед тем, как придти сюда, она достаточно набегалась, так что неудивительно.

- Спасибо за пиво, ребята. С вами правда здорово, но я, пожалуй, сегодня уйду пораньше,
- она отодвинула стул, но неожиданно не смогла удержаться на ногах. Альберто схватил ее за руку, не давая упасть. Голова шла кругом, бар вращался перед глазами, словно карусель.
- Ох ты-ы-ы ж... Неловко вышло...
- Меган, где ты остановилась? – мягко спросил Альберто.

Она поняла, что не может вспомнить названия гостиницы. Черт возьми, она сейчас даже имени своего не могла вспомнить! Боже, да что это творится! Всего пара кружек пива...

- Э..э... на Дюваль... за кафе... Маргаритавилль...
- Я знаю, где это, – кивнула Федра. – Идем, золотце, отведем тебя домой.

Меган отстраненно отметила, что некоторые, включая Лизу, бросают на нее сочувственные взгляды, а Альберто и Федра тем временем поставили ее на ноги и повели к задней двери.

«Почему туда? Там Фронт-стрит. Нам надо на Дюваль, через парковку...»

Хотя может, Фронт-стрит после заката была пустыня, и новые знакомые подумали, что Меган не нужно внимание толпы.

«Хочу в кровать. Под одеяло. И мишку под бок...»

Меган все еще спала с игрушкой – плюшевым медведем, которого подарил отец на их последнее Рождество. Еще одна причина, почему у нее возникали проблемы с парнями: все мальчишки, с которыми она встречалась, начинали смеяться, узнав, что их подружка спит с плюшевым медведем.

«Где мы?»<

Она не могла сообразить. Ноги шаркали по тротуару, Альберто поддерживал ее с одной стороны, Федра с другой, и это чувствовалось странно, потому что Альберто был высокий и костлявый, а Федра низенькая и округлая, и в итоге тело кренилось влево.

«Что происходит?»

– Все хорошо, Меган, – приговаривал Альберто. – Мы обо всем позаботимся.

Федра тоже что-то говорила, но Меган не могла разобрать. Они завернули за угол, и девушка поняла, что не совершенно потерялась. Она была на Фронт-стрит только во время заката и даже не представляла, как выглядит улица без толп народу. Откуда-то доносились крики и музыка, но они были очень, невозможно далеко. Внезапно Меган осознала, что Федра продолжает говорить. Нет, продолжает начитывать что-то речитативом. Она начала выхватывать отдельные слова:

– ...invictus... spiritus... phasmae... ligata...

«Почему латынь?»

Они остановились. Меган хотела спросить, что происходит, но не смогла разжать губы. Федра бормотала уже громче, Альберто снова заговорил:

– Не волнуйся, Меган. Скоро все закончится.

А потом она увидела в руке мужчины внушительный нож. Глаза Альберто залила чернота – смотрелось поразительно. Нож двинулся к ее горлу. Внезапно дурнота ушла, и Меган попыталась закричать, уже чувствуя, как лезвие касается шеи.

«Боже, нет! Спасите! Мама, где же ты?! Пожалуйста, кто-нибудь! Боже! Спасите!»

Вместо крика хлынул поток крови, и девушка упала на асфальт. Теперь она видела только собственную кровь, ужасно много крови, и слышала только латинскую скороговорку.

«Господи...»

Последнее, что она услышала, – восхитительный голос Альберто:

– Готово.

ГЛАВА 2

– С Новым годом, мальчики!

Сэм Винчестер приподнял стакан с шампанским – бокалов в посудном шкафу Бобби Сингера не водилось:

– И тебя, Бобби.

Дин Винчестер молча отсалютовал своим стаканом и проглотил его содержимое. Разглядывая явно неподходящую посуду, Сэм заметил:

– Знаешь, Бобби, я бы не подумал, что ты пьешь шампанское.

Бобби улыбнулся в бороду:

– Да, пиво мне больше по душе, но все-таки Новый год на дворе. Когда я был мальчишкой, мы всегда пили шампанское во время падения шара^[4]. До сих пор стараюсь припасти бутылочку к концу декабря.

Сэм перевел взгляд на экран маленького телевизора, по которому как раз показывали огромную толпу на Таймс-сквер. Многие щеголяли в дурацких красных колпаках и очках в форме цифр 2008. Дин тоже взгляделся в изображение: в этот момент в объективе показался ведущий.

– Эй, какому гению взбрело в голову заменить Дика Кларка^[5] на Райана Сикреста^[6]?
– Дин, мужик все-таки insult пережил.
– Я в курсе... но почему именно Сикрест? Ведь Дик Кларк вел «Американскую эстраду»^[7], а этот только и делает, что доказывает, что он не гей.
– Ну, еще он ведет программу «Американский идол»^[8], – возразил Сэм.

Старший Винчестер припечатал младшего брата взглядом, означавшим, что тот снова покусился на какой-то столь любимый Дином эпизод поп-культуры:

– Чувак, ты же правда не пытаешься приравнять это унылое шоу а-ля «Мы ищем таланты» к «Американской эстраде»?

Не горя желанием выслушивать гневную тираду, Сэм сменил тему:

– Вообще-то, есть у меня одна теория.

Дин поднял бровь:

– Ух ты! Валяй, яви миру шедевр.
– Это долговременный план, нацеленный на то, чтобы пересадить мозг Дика Кларка в череп Сикреста, – Сэм ткнул пальцем в экран. – Признай, места там навалом.

Он порадовался, что смог сохранить невозмутимый вид, а Бобби серьезно добавил:

– Знаешь, кажется, у меня и заклинанье есть подходящее.

Дин, наконец, расхохотался.

– Слава Богу, – сказал Сэм. – А то мы тут типа празднуем, а ты изображаешь буку.
– Буку? – Дин покачал головой. – Ну спасибо, весельчак. Нет, я просто... ммм... просто задумался.
– Вот это меня и пугает, – сухо отозвался Сэм.
– Выкуси.
– Да что с тобой, Дин? – спросил Бобби уже по-настоящему серьезно.
– Со мной две тысячи восьмой год в основном.

Дин не стал договаривать мысль, и Сэм знал, что брат не будет. Только что для Дина наступил последний год жизни – если только Сэм не спасет его. Дин заключил сделку с демоном перекрестка: он пообещал через год продать душу и оказаться в аду в обмен на то, чтобы младший брат воскрес. Сэма смертельно ранил Джейк, один из тех детей, что получили от Желтоглазого (*его, как оказалось, звали Азazelем*) сверхъестественные

способности. Все дети оказались вовлечены в смертельное состязание за право повести адские рати на мир живых. Джейк и Сэм оказались последними выжившими. Благодаря сделке, Сэму удалось убить Джейка и забрать у него Кольт, пистолет, из которого можно убить демона. Тогда же Дин с успехом опробовал Кольт на самом Азазеле, но в итоге жить ему осталось всего один год. Сэм был просто обязан вытащить брата: он застрелил демона перекрестка, когда та призналась, что контракт не у нее; он связался с Руби: та была если и не на стороне добра, то хотя бы убивала своих собратьев и пару раз выручила Винчестеров. И все же братья понимали, что едва ли Сэм преуспеет, и что скорее всего уже летом Дин будет загорать в преисподней. Старший Винчестер вел себя так, будто действительно доживал последний год: иногда это выражалось в поведении, рисковом даже по стандартам Дина, и тогда Сэм очень старался не вспоминать, на что ему выпало полюбоваться за последние месяцы; а иногда Дин – как и сейчас – впадал в меланхолию.

- Спасибо, что приютил, Бобби, – поблагодарил Сэм.
- Да не за что, – фыркнул Бобби. – Сами знаете, что вам здесь всегда рады.
- С тех пор, как мы пристукнули двух богов^[9], началось затишье.
- Повтори, – потребовал Дин.
- Что повторить?
- Ту часть, с богами. Просто мед на душу. Когда еще выпадет удача пристукнуть бога, не говоря уж о двух.
- Двух очень старых и очень слабых богов, – поправил Бобби. – Вы с ними справились только потому, что им не поклонялись веками. Боги могущественны, когда в них верят. Если б ты сейчас встретил Зевса в темном переулке, он бы не смог метнуть молнию. А вот пару тысяч лет назад от тебя бы и угольков не осталось.
- Дружище, ты мне всю малину портишь.
- Прости. Нечаянно вышло.
- Но ты прав, Сэмми, – подхватил Дин. – Приятно, когда выпадает такая спокойная неделька. Даже странно, честно говоря. По-моему, призраки просто обязаны что-нибудь учинить в новогоднюю ночь.
- Нельзя полагаться на календарь, – сказал Сэм. – Его придумали люди, а призраки предпочитают руководствоваться более естественными вехами: фазами луны, солнцестояниями, равноденствиями, положением звезд и всем таким.
- Надо думать, – Дин пожал плечами. – Но я не против расслабиться, хлебнуть шампанского и посмотреть на унылого Райана Сикреста.

Сэм снова поднял стакан, и они одновременно допили шампанское. Затем Дин удовлетворенно выдохнул и покосился на Бобби:

- Не пора ли переходить к тяжелой артиллерии?

Бобби ухмыльнулся и встал:

- Элен как раз поставила мне бутылек «Джонни Уокер Блэк».

Но не успел он отойти за обещанным виски, как раздался телефонный звонок. Братья полезли шарить по карманам, но их сотовые молчали.

- О черт, – проворчал Бобби. – Это вашему отцу звонят.

После того, как в 2006 году Джон Винчестер умер, Дин не отключал его телефон на случай, если кто-нибудь решит позвонить. Пару раз на этот телефон действительно звонили, но потом слух о гибели Джона разнесся по округе, и звонки прекратились

совсем. Через некоторое время (*точнее, когда на счету кончились деньги*) братья оставили телефон на попечение Бобби. Тот пополнил счет и продолжил следить за звонками и сообщениями.

Бобби сходил за телефоном и вернулся в гостиную, протягивая его Дину:

– Это тебя.

Дин, озадаченно нахмурившись, поднес мобильник к уху:

– Алло? – тут его глаза расширились, а губы расплылись в широкой улыбке. – Яфет! Какими судьбами, старик?

Сэм уставился на Бобби:

– Яфет?

– Псих один, – пренебрежительно отозвался пожилой охотник.

– Да ну? – проговорил Дин. – Хорошо. Конечно, посмотрим. На этот раз с братом. Да, у меня есть брат Сэм. Он тебе понравится, поверь. Круто. До встречи, – он отключил связь, все еще улыбаясь и покачивая головой. – Парни, это был привет из прошлого.

Бобби, как частенько в последнее время, недоверчиво уставился на старшего Винчестера:

– Эй, ты же не примешь всерьез этого хиповатого укурка?

– А почему нет? – удивился Дин.

– Какая часть словосочетания «хиповатый укурок» до тебя не дошла?

– Ла-адно тебе, Бобби. Парень чудной, но свое дело знает.

– Парень даже не помнит, что он, собственно говоря, делает.

Сэму наскучила неясность, и он поднял руку:

– Ау! Мне кто-нибудь растолкует, о чем речь?

Дин повернулся к нему:

– Яфет-Стихоплет – чувак, которого мы с папой встретили в Ки-Уэсте, пока ты был в Стэнфорде.

Сэм понимающе кивнул. Он знал, что отец с Дином уже ездили в Ки-Уэст. Братья тоже там побывали, но, разобравшись с делом, быстро уехали, не успев ни осмотреть остров, ни пообщаться с жителями. Сэм помнил, что брат очень сокрушался по этому поводу и, может даже, упоминал Яфета.

– Он продает свои стихи где-то на Дюваль-стрит, а заодно приглядывает за чертовщиной, – не давая Бобби вставить слово, он быстро добавил: – Совершенно верно, он так лихо прожил шестидесятые, что до сих пор из них не выбрался. Он не очень хорошо разбирается в теперешней жизни, но всегда замечает, если в городе что-то идет не так. – Единственное, что у него идет не так, это шала^[10], – бросил Бобби.

Винчестеры непонимающе уставились на него. Пожилой охотник отмахнулся:

- Вы слишком молоды, ребята. Слушайте, я вас не держу, но может, дождетесь настоящей работы.
- Вполне возможно, это и есть настоящая работа. Яфет сказал, что в городе чудит уже с полгода.

Сэм сдвинул брови:

- Со времен открытия адских врат?

Дин кивнул:

- Стало больше привидений. В Ки-Уэсте видят больше призраков, чем в любом другом месте по другую сторону от Южного Орлеана. Плюс странная смерть. Девушке перерезали горло, и в ране осталась сера, если верить Яфету.
- Сделайте мне одолжение, – попросил Бобби. – Разузнайте подробнее об этой странной смерти здесь, прежде чем рвануть во Флориду.
- Обязательно, – отозвался Дин. – Потому что мне совсем не хочется смотреть от двадцатиградусных морозов в город, знаменитый солнцем, теплой погодой, живой музыкой и вечеринками.

Сэм посмотрел на Бобби:

- Он дело говорит.
- Да ну? – Дин оглянулся на него с деланным замешательством. – Постой-ка, если ты со мной соглашаешься, что-то здесь нечисто.
- Очень смешно. Если это действительно наше дело, надо ехать. А нет, так хоть развлечемся.
- Никаких «хоть», – Дин просиял широченной улыбкой. – В Ки-Уэсте мы обязательно развлечемся. А в такое время особенно.
- Ладно, – сдался Бобби. – Делайте, что хотите. Но до утра-то оно подождет?

Дин открыл было рот, но брат перебил:

- Конечно.
- Эй, если мы выедем сейчас, сэкономим время.
- Мы оба пили...
- Стакан шампанского и пиво. Я великолепно водил машину и под большим градусом. Справлюсь.

Сэм знал, что у брата действительно очень высокая устойчивость к алкоголю, но все же продолжил попытки:

- А еще в новогоднюю ночь на дороге полно неменяемых водителей. Давай лучше выспимся хорошенько и отправимся утром.
- Ладно, как хочешь, – сдался Дин. – Пойду хорошенько выспаться.

Сэм посмотрел на Бобби, и тот без проблем угадал невысказанную просьбу:

- Бери компьютер.

Компьютер Бобби был поновее ноутбука Сэма и быстрее обрабатывал информацию. Сэм бы с удовольствием усовершенствовал свой компьютер, но у него просто не было нужных

финансов. Они едва-едва перебивались поддельными кредитками, что с учетом федерального розыска становилось все более небезопасно. Иногда Дин играл в бильярд и покер – не далее как вчера вечером он ввязался в игру с крупными ставками: деньги после долгих уговоров одолжил Бобби, и Дин выиграл пятизначную сумму. Это позволит им продержаться некоторое время, более того, можно будет останавливаться в приличных мотелях, а не в заброшенных домах, как приходилось не однажды. У Бобби ситуация с деньгами обстояла не так печально: он все-таки работал официально. Сбор отслуживших свое автомобилей оказался неплохим бизнесом.

Склонившись над клавиатурой, Сэм обдумывал еще одну причину, почему Дина надо спасать. Брат зарабатывал им на жизнь. Далеко не самая важная причина, однако, очень даже существенная. Сэм действительно не умел делать ничего особенного... законного, по крайней мере. Когда Дин ворвался к нему с вестью о пропаже отца, Сэм даже не преодолел и половины пути к юридической степени. Всего его умения были либо бесполезны для добывания денег и далеки от законности, либо применимы в тех областях (*военное дело, охрана порядка*), куда ему путь заказан на веки вечные. С другой стороны, нельзя окончательно вычеркивать кое-какие альтернативные способы заработка. Его полюбому разыскивают, так что парой мелких правонарушений больше, парой меньше... В Стэнфорде Сэм познакомился с парнем, который неплохо промышлял продажей письменных работ, так почему бы не последовать его примеру?

Сэм решил, что поразмышляет над этим позже. Он заставил себя сосредоточиться и, вбив пару запросов, нашел искомое: девушка по имени Меган Уорд, приехавшая в Ки-Уэст на отдых, была обнаружена на улице с перерезанным горлом. Бобби не был бы Бобби, если бы не сделал несколько электронных закладок с материалами из кабинетов судмедэкспертов. Обычно их внутренние сети засекречены, но Эш, компьютерный гений, погибший при пожаре в «Доме у дороги» Харвеллов, в свое время помог с этим разобраться. Младший Винчестер нашел страницу бюро судмедэкспертизы округа Монро и вывел на экран заключение о смерти. Девушке действительно перерезали горло, но, несмотря на вскрытую сонную артерию, на месте преступления обнаружилось невероятно мало крови, хотя тело явно не передвигали. Как и говорил Яфет, эксперты отметили наличие серы на ране, причем, странное дело, только на ране и больше нигде. Сэм ничего странного здесь не видел: демоны часто используют кровь в своих ритуалах и оставляют после себя серу.

– Бобби? – Сэм указал на экран.

– Ага, вижу. И на нашей улице бывает праздник.

Сэм вывел страницы на печать и потянулся:

– Ладно, пошел я спать. Спасибо, Бобби.

– Не за что. Просто беспокоюсь, что вы прокатитесь зазря.

Сэм передернул плечами и встал:

– Самое худшее, что может случиться, это что Дин оттянется там на полную катушку, – он осклабился. – После этого Ки-Уэст никогда не станет прежним.

Бобби даже не улыбнулся:

– Отлично, но все-таки поосторожнее там. По острову не зря ходит столько баек о привидениях. Если там обосновался один из сбежавших через дьявольские врата демонов,

заварушка будет жаркой.

– Знаю, – согласился Сэм. – Но у нас есть Кольт... и все будет нормально. Брось, мы замочили двух богов и семь смертных грехов^[11], с демоном справимся одной левой!

Бобби не купился на его браваду – Дину она удавалась куда лучше. Готовясь к тому, что придется жить без брата, Сэм пытался перенять его поведение, но получалось далеко не всегда. Черт, Сэм до сих пор ломал голову над начинкой под капотом Импалы...

Бобби сочувственно похлопал его по плечу:

– Не сдавайся, Сэм.

Сэм не знал, к чему отнести это напутствие: к его хлипкой попытке выглядеть самоуверенно или к поискам способов выручить Дина. А может, к тому и другому одновременно. Он молча кивнул и ушел спать.

ГЛАВА 3

Анжеле О'Ши никогда не хотелось поубивать туристов. Во-первых, она сама была такой, просто приехала сюда на весенних каникулах, когда училась на втором курсе колледжа. Пока ее приятели сидели на Дюваль-стрит, напивались и слушали дрянные кавер-группы, Анжела училась нырять с аквалангом, болталась за катером на водном парашюте и ходила по музеям. Летом она вернулась, собираясь пробыть здесь от силы неделю. Но не тут-то было.

Во время первой поездки она слышала, как один автор-исполнитель выводил в припеве: «Прилетел на выходные двадцать лет тому назад». Певец тогда сказал, что эта строчка подойдет многим жителям острова. Анжела посмеялась и подумала, что это, конечно, забавно, но просто смехотворно.

И вот теперь ту строчку будто про нее спели.

Анжела бросила колледж, и ей пришлось самой себя обеспечивать (*родители с радостью платили за учебу, но на этом их щедрость заканчивалась*). Она подрабатывала: днем в баре (*в такое время там было гораздо меньше народу и, соответственно, возни*), а по вечерам – на одну из многочисленных фирм, организующих экскурсии по домам с привидениями. В Ки-Уэсте все с ума сходили по привидениям, так что работа заключалась в том, чтобы водить группы туристов по якобы населенным призраками домам и травить байки. Анжела решила, что цитировать кем-то придуманные рассказы будет легче легкого, но на деле оказалось, что в компании «Потусторонние экскурсии по Кае Везо Инкорпорейтед» от работников требуют инициативы и актерского мастерства. Анжела не оплошала: в колледже она специализировалась по театральному искусству и сейчас без труда вносила собственные шприхи в страшилки про индейцев, пиратских капитанов, искателей сокровищ и лицедеев всех мастей, чьи духи будто бы населяли остров.

Работа пошла неплохо. Видимо, в любой группе обязательно можно было найти парочку идиотов и одного-двух грубиянов, которые были вечно всем недовольны и не оставляли чаевых. Сначала Анжела мирилась с этим, но через полгода ничего не изменилось. Не говоря уж о горе-скептиках, которые во всеуслышание критиковали услышанное, портя остальным все веселье. Ясное дело, на полном серьезе в страшные истории не верил

никто... Ладно, враки, многие как раз верили, ну и зачем портить им удовольствие? Едва ли какой-нибудь ботаник сумеет их переубедить...

Но сегодня дела шли из рук вон плохо. Начали они с дома старика Липински на Итон-стрит, который фирма купила, когда хозяин отправился в известное заведение. Семье дом принадлежал еще с девятнадцатого века, но его пришлось продать, чтобы оплачивать счета из дурки. Про дом рассказывали всякое, поэтому компания выкупила его, устроила магазин сувениров в бывшей гостиной, а в остальном оставила нетронутым, включая кукольную комнату в башенке. Пока Анжела вела группу по винтовой лестнице, один толстяк в плотной толстовке и джинсах жаловался:

– Мне не говорили, что здесь будут ступеньки! Я не могу много ходить по лестницам!

Только пятимесячный опыт помог Анжеле не ляпнуть: «А кушал бы салатики, было бы легче!». Вместо этого она, несмотря на очевидный ответ, спросила:

– Первый день в Ки-Уэсте, сэр?

– Ну... да. А как вы догадались?

Потому что только тупицам, приехавшим сюда впервые, может взбрести в голову одеться, как на Северный полюс.

– У нас здесь в основном ходят пешком, потому что все достопримечательности располагаются недалеко одна от другой. Но вы можете воспользоваться велорикшами.

Ее обязали упоминать велорикши, потому что брат одного из владельцев ПЭКВ содержал фирму, предоставляющую такие услуги. В идеале Анжела должна была сообщить и название фирмы, но она сочла это неэтичным.

Поднявшись по деревянным ступеням, натужно скрипящим под непосильным весом, все сгруппировались около двери. Анжела сняла цилиндр. Вообще-то, ее повседневную одежду составляли неизменные футболка и шорты, но на работу она носила здоровенный черный цилиндр, пышную черную юбку, черные колготки, белую рубашку с черным жилетом и тяжелые ботинки. Плюс многочисленные черные браслеты, много-много подводки для глаз и черная помада. Анжела не хотела выражаться под гота, но шеф настоял, и оказалось, что туристам нравится, когда их экскурсовод выглядит, как фанатка Мерилина Менсона. Пригнувшись, чтобы не задеть потолок, девушка ступила в комнатку, которая подошла бы только совсем маленькому ребенку.

– Вот здесь живет Рэймонд. Кукла Рэймонд, – она обвела жестом почти игрушечную мебель – диван в центре, на котором бы турист в толстовке в жизни не уместил свой обширный зад; стол, похожий на блюдечко на четырех ножках (*а на столе смахивающий на лампочку из гирлянды светильник, от мерцания которого комната выглядела только более зловещей*); кресло-качалка на трехлетнего ребенка и мягкое кресло.

А в кресле сидел Рэймонд.

Толстяк смахнул пот с широкого лба и проговорил:

– Большого уродца в жизни не видал. Господи, Марсия, ты видела что-нибудь кошмарнее?

Почти такая же толстая женщина степенно кивнула. Вид у нее был, будто она привыкла просто стоять тихо и не отвешивать. Мать Анжелы выглядела так же: жизнь с мужем научила ее. Теперь отец Анжелы делил психушку со стариком Липински...

Однако женщина не покривила душой: Рэймонд был на редкость уродлив. В своей полосатой рубашке он скорее походил на мартышку, чем на ребенка. У него были круглая голова, толстое лицо и слишком большая челюсть.

– Рэймонда подарили жившему здесь мальчику в 1904 году. Он стал любимой игрушкой, но приносил своему маленькому владельцу большие неприятности. Мальчик всегда был послушным ребенком, однако, получив Рэймонда, стал ужасным проказником, – она помолчала, зная ценность драматических пауз. – По крайней мере, все так думали. Потому что мальчик буквально в слезах утверждал, что это Рэймонд разбил дорогую вазу, Рэймонд накормил собак испорченным мясом, Рэймонд во время дождя нанес в дом грязи, а на Рождество поджег елку.

Последний пункт Анжела добавляла только в определенное время года. В оригинальной истории ничего не говорилось про елку, но девушка читала, что когда-то люди украшали елку настоящими свечками, так что устроить пожар было легко. С этим вполне бы справился ребенок или *(хе-хе)* ожившая кукла.

Прыщавый подросток в футболке с «Ван Хален»^[12] перебил:

– И люди верили? Это же ребенок!

– Может, ребенок, – она выдержала еще одну драматическую паузу. – А может, и нет.

Анжела снова нахлобучила цилиндр и под аккомпанемент отчаянного скрипа повела группу обратно. Она как-то спросила шефа, почему бы не заменить старую лестницу, но тот сказал, что скрипящие ступеньки в населенном духами доме – именно то, что надо.

Джонатан, как обычно, еще не подъехал, чтобы открыть сувенирный магазин, поэтому Анжела заперла дом и понадеялась, что Джонатан соизволит явиться к концу экскурсии. Она терпеть не могла после тура еще и продавцом выступать.

Чуть больше часа она таскала туристов по улицам, показывая еще шесть домов и рассказывая связанные с ними ужастики. Перед каждым домом толстяк ныл, что они слишком много ходят и стоят, и не пора ли сделать перерыв. Перед каждым домом две пожилые женщины, вроде, сестры, ловили каждое ее слово, ахали на всех нужных местах и приговаривали, как все поразительно. А потом на сцену выходил прыщавый паренек и давал логичное и научное *(может, даже правильное, но Анжеле это не особо волновало)* объяснение каждому случаю, вызывая неприязненные взгляды старушек. Когда очередь дошла до истории о капитане Нейлоре, девушке хотелось всех поубивать: глупое обожание престарелых сестричек воспринималось ненамного лучше высказываний Прыщавого, решившего поиграть в Дану Скалли^[13], и все это было цветочками по сравнению с толстяком.

– Дом этот купил капитан Терренс Нейлор, промышлявший грабежом тонущих судов. В девятнадцатом веке это занятие было одно из самых прибыльных в Ки-Уэсте. Корабли часто разбивались о рифы, и тогда люди выходили и спасали утопающих и имущество. Многие дома на острове построены на деньги таких вот капитанов.

– Ужасно, – пропыхтел толстяк. – Наживаться на чужом горе!

Анжела сжала зубы. С этим она тоже сталкивалась регулярно: с неприятием способов, которыми представители экзотической профессии зарабатывали на жизнь.

– Такая была работа. Необычная и хорошо налаженная. Они наживались на чужом горе не больше, чем теперешние пожарники. Если бы не они, в море погибло бы гораздо больше народу.

Кажется, толстяк не проникся, так что Анжела не обратила на него внимания и начала рассказывать, как капитан Нейлор вернулся призраком после своей смерти в 1872 году и как до сих пор постояльцы гостиницы «Нейлор Хаус» по ночам могут услышать его голос.

– Ветер, наверное, – вмешался Прыщавый. – Тропический бриз плюс шум деревьев плюс музыка на углу Дюваль. Только очень-очень тупые могут решить, что это привидение, – последнюю фразу он сказал, многозначительно поглядывая на старушек.

«Нейлор Хаус» стоял как раз через улицу от дома Липински. Закончив экскурсию, Анжела пересекла Итон-стрит и остановилась под фонарем:

– Огромное спасибо за то, что приняли участие в нашем туре.

Она посмотрела на переднюю дверь и увидела, что та открыта, а витрина магазина освещена, так что можно было полагать, что Джонатан явился, наконец.

– Хочу представить вашему вниманию магазин сувениров. Надеюсь, вы от всей души наслаждаетесь пребыванием в нашем городе.

Кто-то – слава богу, Прыщавый был среди них – решил не заходить, а остальные потянулись разглядывать витрину. Здесь продавали книги об острове, его истории, выдающихся личностях и фольклоре, а еще карты, почтовые и поздравительные открытки, диски местных певцов и разнообразные безделушки, столь любимые туристами. Пока народ бродил по магазину, Анжела подошла к прилавку и уставилась на бледного молодого человека с длинными волосами, бородой и пивным пузиком, выпирающим из-под тесной футболки. Что ж, он хотя бы помылся утром. Теперь он сидел, зарывшись носом в журнал о компьютерных играх с каким-то орком на обложке.

– Неужто ты пожаловал, – проронила Анжела.

– А что? – не отрываясь от журнала, буркнул Джонатан. – Я знал, что ты с ними проваландаешься до семи.

– А если бы я раньше закончила? Или кто-нибудь захотел что-нибудь купить в самом начале? Тебе надо быть на месте в шесть.

Джонатан мотнул головой:

– Да ладно...

Анжела вздохнула и направилась к давешнему толстяку, который вместе с женой разглядывал таблички в виде номерных знаков с написанными на них именами. Он выбрал одну с именем «ТЕРРИ»:

– Давай купим такую племяннице.

Его жена нахмурилась:

- Разве ее имя не с «ай» пишется?
- То есть?
- Ее имя пишется с «ай» на конце, а не с «уай»^[14].
- Да какая разница?

Анжела подошла поближе:

- Еще раз спасибо за посещение экскурсии, – соврала она. – Если возникли какие-то затруднения, не стесняйтесь обращаться к Джонатану.
- Спасибо, непременно, – отозвался толстяк.
- Отлично.

Тут к Анжеле подошли молодые люди – кажется, парочка – блаженно помалкивающие на протяжении всей экскурсии:

- Извините, Анжела, можно вас? – заговорил один.
- Слушаю.
- Кажется, я обронил браслет в комнате Рэймонда.

Второй раздраженно поцокал языком:

- Черт возьми, Паули, я же тебе говорил починить застёжку! Чем ты слушал?
- Да заткнись ты, Марио, я просто...
- Хорошо, хорошо! – Марио поднял руки. – Не слушай меня, ничего не знаю.

Анжела приветливо улыбнулась:

- Я могу подняться наверх и поискать его.
- Правда? – Паули сделал большие глаза и с надеждой улыбнулся. – Было бы просто здорово. Серебряный браслет с кельтским орнаментом.
- Нет проблем, – она только пожалела, что не увидит, как толстяк станет наседать на Джонатана, но надо думать, все будет великолепно слышно и с башенки.

В очередной раз преодолев лестницу, Анжела открыла дверь и увидела, что кто-то переставил мебель в комнате. Диванчик теперь стоял у стены, кресло-качалка была развернута на девяносто градусов, а мягкое кресло – повернуто к окну. Рэймонд все также сидел на своем диване.

Прямо на пороге лежал растянутый серебряный браслет с очаровательным кельтским орнаментом по кругу. Улыбнувшись, Анжела подняла его и, скрипя ступенями, спустилась в магазин.

Когда туристы закупились и ушли (*Марио и Паули поблагодарили ее за браслет, и Паули пообещал Марио, что теперь уж точно отдаст его в ремонт*), Анжела и Джонатан остались в доме одни – до восьми часов, когда подойдет следующая группа.

- Что за перестановка у Рэймонда? – поинтересовалась она у Джордана, снова закопавшегося в журнал.
- О чем ты? – он не поднял головы.
- О комнате Рэймонда. Ты переставил всю мебель.

Джонатан наконец оторвался от чтения:

- Анжи, какого черта? Я пришел за пять минут до тебя. Едва успел открыть дверь и включить свет, как завалились вы. Я наверху не был ни ногой.
- А кто тогда мебель переставил?
- Без понятия, – он опять уставился в журнал.

Анжела покачала головой и предприняла очередное восхождение. «Что за чертовщина!» Ступени, казалось, скрипели вдвое громче обычного. «Хватит, просто надумала себе. То ли Джонатан наврал, то ли во время экскурсии здесь побывали Стелла или Джин».

Поднявшись наверх, она слегка толкнула дверь, и та заскрипела еще почище ступенек. Звук был противный, и Анжела толкнула сильнее, отчего дверь врезалась в каменную стену. Комната выглядела точно так же, как в прошлый раз, а вот кукла куда-то делась. Девушка подошла к дивану, где обычно сидел Рэймонд. «Куда он делся?» Все двери, кроме передней, были заперты – мера предосторожности, чтобы уберечь товары и кассу. Дом был не такой уж и большой, и Анжела не заметила, чтобы кто-то прошмыгнул по лестнице после того, как она вернулась с браслетом.

«Но кто забрал дурацкую куклу?»

У Анжелы чуть разрыв сердца не случился, когда дверь за ее спиной с оглушительным грохотом захлопнулась.

– Ну все, Джонатан, повеселились и хватит, – девушка ухватила за ручку, потянула на себя – и чуть не вывихнула плечо: она легко открывала и закрывала дверь бесчисленное количество раз, но на этот раз та не поддавалась.

Анжела подергала ручку еще пару раз, а потом начала колотить в дверь ладонями:

– Эй! Джонатан! Открой чертову дверь!

Она полезла в карман жилета и выудила сотовый. Все, достало! Но на экране появились слова «НЕТ СЕТИ». Какого черта? Здесь никогда не было проблем с сотовой связью, только пару раз, когда шли дожди. И дом здесь был не при чем: всего месяц назад она в этой же самой комнате преспокойно с полчаса болтала по телефону с бойфрендом (*теперь уже бывшим*). Анжела раздраженно закрыла телефон, оглядела комнату и... и Рэймонд стоял на столе. Лампа переместилась на пол, хотя девушка не видела и не слышала, чтобы ее двигали.

– Да уж, полный бардак... Если кто-то...

Рэймонд прямо по воздуху метнулся к ней. Девушка была так ошарашена, что даже не попыталась отшатнуться, хотя и отрабатывала навыки самозащиты в колледже целых два семестра. Кукла оттолкнула ее к стене, девушка ударила головой о пол, и цилиндр покатился в сторону. Перед глазами поплыло, накатила тошнота, но Анжела нашла в себе силы задаться вопросом, как это древняя кукла, набитая соломой, смогла сбить ее с ног. Тряпичные ручки без пальцев легли на ее виски. Анжела попыталась сморгнуть мушки перед глазами, попыталась заговорить и спросить, что здесь вообще происходит, но с языка сорвалось что-то невнятное. А кукла снова треснула ее затылком о деревянный пол. С новой силой нахлынула тошнота, перед глазами кружились уже два Рэймонда с совершенно одинаковым выражением на обезьяньих личиках, а маленькие ручки крепко держали ее за голову и все били, били, били, били о твердый пол...

ГЛАВА 4

Сэм смотрел, как заходящее солнце окрашивает небо над Мексиканским заливом в оранжевые и алые тона. Дин вел Импалу по мосту Севен Майл Бридж, отрезку шоссе №1, соединявшему острова Ки-Васа и Литтл-Дак Ки. От дома Бобби они держались крупных автомагистралей так долго, как только могли, пока девяносто пятая трасса не закончилась в южной части материковой Флориды. Дальше была одна дорога – шоссе №1 или Оверсиз Хайвэй, как она называлась на данном участке – именно она соединяла все острова архипелага Флорида-Кис. Остров Ки-Уэст был самой южной точкой Соединенных Штатов. В прошлый раз братья приезжали сюда поздно вечером: просто избавили мотель от полтергейста и утром убрались восвояси. Чтобы преодолеть расстояние от Южной Дакоты до Флорида-Кис, понадобилось полных двое суток. Решив не возиться с мотелями, Винчестеры спали по очереди: пока один отсыпался, второй сидел за рулем. Так они проскочили Айову, Миссури, Иллинойс, Кентукки, Теннесси и Джорджию, потом въехали во Флориду и гнали через весь полуостров.

Второй день января подходил к концу.

- Красивый закат, а? – заметил Дин.
- Да, здесь вообще красиво. Мы столько времени тащились по магистралям, хорошо ради разнообразия полюбоваться приличным пейзажем.
- Когда мы проезжали здесь с папой, я вел себя точно, как ты. Он вел машину, а я таращился в окно, как собачонка.

Сэм хихикнул:

- Ты поэтому так жаждал вернуться? Чтобы стекла в машине опустить?
- И это тоже, – Дин широко улыбнулся и прибавил звук, чтобы перебить свист ветра (*он нашел рок-станцию Майами, и там сейчас крутили «Long Time» группы «Boston»^[15]*). – Дюваль-стрит – это как более спокойная версия Бурбон-стрит^[16]. Куча баров, куча живых выступлений и куча веселья.
- И куча привидений.
- Ага.

Они проехали мост, и вдоль дороги теперь тянулась высокая трава с парой случайных заправок. Сэм поудобнее устроил долговязое тело в кресле:

- Кстати, там всегда полно туристов. Где бы найти мотель, который мы можем... хм... себе позволить.
- Это как раз не проблема. Мы с папой охотились за водяным эльфом, который повадился кормиться в одной гостинице, и владелица осталась так довольна, что позволила остановиться у нее бесплатно, если нам случится быть неподалеку.

Сэм с облегчением кивнул:

- Вот и чудненько. Потому что, кажется, мы потратили последние деньги на прошлой заправке.

Дин тяжело вздохнул. Скачок цен на бензин сыграл с ними злую шутку, и именно из-за этого братьям пришлось рассмотреть ночевку в брошенных домах в качестве альтернативы к мотелям. Импала была для них всем. Жилище Бобби было для братьев желанным убежищем, но не домом, а Импала была домом. И этот дом требовалось

регулярно подкармливать. Бобби по доброте душевной разрешил им заправиться бесплатно перед отъездом, но среди многочисленных достоинств Импалы не значился экономный расход бензина, и за эти два дня Винчестеры останавливались на заправках не единожды.

Дальше к югу транспорта стало больше. Дорога была двухполосная, и машины по ней двигались в обоих направлениях, так что приходилось ползти с той же скоростью, что автомобиль перед тобой. Такая ситуация обычно выводила Дина из себя, но тут он держался.

«Должно быть, это действительно замечательное место», – усмехнулся про себя Сэм.

Главное, чтобы Дин остался доволен.

Они пересекли последний мост – через Сток-Айленд – свернули направо и въехали в Ки-Уэст. За окнами мелькали большие гостиницы и торговые центры. Вид показался Сэму удивительно городским, но тут Дин повернул на боковую улицу, и там все было именно так, как младший Винчестер и ожидал: деревянные домики, мягкие краски, архитектура восемнадцатого-девятнадцатого веков – Старый Город, центр Ки-Уэста, сосредоточие достопримечательностей, пляжей и баров. На Итон-стрит они миновали еще несколько домов, муниципальных зданий и наконец остановились около дома, скрытого железными воротами и деревьями. Напротив возвышался дом с башенкой и табличкой: «Потусторонние экскурсии по Кае Везо». Сэм выбрался из машины, в первый раз за целую вечность с хрустом распрямил колени и скорбно подумал, что его суставы никогда не привыкнут к такому издевательству над собой.

Братья вошли в ворота и по мощенной кирпичом дорожке подошли к украшенной качелями веранде. Дверь оказалась открыта. Ступив за порог, Сэм увидел перед собой комнату, уставленную книжными шкафами и всяческими предметами, имеющими отношение к морю. На стене напротив входа висела огромная картина с изображением идущего на всех парусах корабля, оснащенного здоровенным гарпуном. Слева между шкафами обнаружились две фотографии с видом вечернего побережья, а справа располагались стойка регистрации, дверь и большой гарпун. За стойкой никого не было.

– Эй! – позвал Дин.

Навстречу, высунув язык, выпрыгнул гигантский серо-белый бобтейл. Он остановился перед Дином и залаял. Дин расплылся в улыбке:

– Боже, Снупи! Это ты?

Он присел и принялся почесывать пса по затылку. Тот поставил передние лапы Дину на колени и начал лизать ему свободную руку. Сэм нашел в себе силы поинтересоваться:

– И эту собаку в самом деле зовут Снупи?

– Ага. В тот раз он был маленьким щеночком. Эй, а теперь ты у нас здоровенный вымахал, да?

– Но ведь тот, кто дал ему это имя, в курсе, что Снупи был биглем^[17]?

Из-за двери донесся голос:

– Его уже так звали, когда он к нам попал, и только на это имя он отзывается.

Сэм поднял голову и увидел красивую миниатюрную женщину, с удивительно белой для жительницы тропического острова веснушчатой кожей, ярко-рыжим хвостом кудрявых волос и зелеными глазами. Как и большинство местных, она носила футболку (*с черно-белым абрисом дома и надписью «ГОСТИНИЦА НЕЙЛОП-ХАУС»*), шорты и шлепанцы.

– Я хотела назвать его Бастофер Джонс^[18], – продолжала рыжая, – но он не приходит, когда его так зовешь. А на Снупи отзывается сразу. И что тут поделаешь?

Дин встал, а Снупи начал бегать вокруг.

– Как поживаешь, Ники?

Ники обняла его:

– Рада снова тебя видеть, Дино. Когда увидела на улице твой танк, сразу поняла, кто к нам приехал. Тебе надо будет загнать машину во двор, нельзя оставлять ее на ночь на улице, – она оторвалась от старшего Винчестера и смерила взглядом Сэма. – А этот большой парень кто?

– Я – брат... хм... Дино. Меня зовут Сэм, – он протянул руку.

– О, так ты Сэмми! – она потрясла предложенную ладонь.

– Ну... ээ... да, – Сэм неожиданно занервничал.

Ники заулыбалась, показав великолепные зубы:

– Когда Дино приезжал сюда, я узнала о тебе все.

– Не верьте ни одному его слову. На самом деле я хороший.

– Да, действительно твой брат, – Ники оглянулась на Дина.

Старший Винчестер тем временем снова почесывал обрадованного повышенным вниманием Снупи:

– Точно. И жить с ним не могу, и пристрелить жалко.

– Вам, так понимаю, нужно жилье?

Сэм кивнул.

– Повезло вам. Могу предложить три комнаты.

Дин непонимающе нахмурился:

– Это еще зачем? Зачем нам...

– Это... – быстро перебил Сэм, – нам двух хватит. Дело в том, что наш отец... он... – младший Винчестер покосился на брата, который выглядел смущенным.

У Ники вытянулось лицо:

– О нет... вот черт, сожалею. Его убил призрак?

– Типа того, – ровно сказал Дин.

– Проклятье. Мне так нравился Джонни. Он был милым.

Сэм мог бы подобрать много слов, чтобы описать Джона Винчестера, но слова «милый» среди них не значилось. Впрочем, он оставил мысли при себе и вслух только сказал:

– Вообще-то, нам и одной комнаты будет достаточно. Не хочется занимать много места.
– Да все нормально. На прошлой неделе пришлось бы потесниться, мест совсем не было, но вчера все выехали. Осталась пара человек, а остальные комнаты свободны. После Нового года всегда так бывает... а после двойного убийства через улицу – тем более.

Сэм бросил взгляд на брата:

– Двойное убийство?
– Ага. Погибли двое работников из фирмы потусторонних экскурсий, – Ники указала на дом с башенкой. – Их нашли с пробитыми головами. Хорошие были ребята. Девушка по имени Анжела и парень Джонатан. Наша гостиница является частью экскурсии, и мы иногда их кормили.
– То есть, тут тоже живет привидение? – уточнил Дин.
– Ну да. Потому-то фирма и купила дом. Вы же поэтому приехали?

Винчестеры обычно осторожничали, но Ники была в курсе ситуации, и Дин кивнул:

– Вроде того. Не знаешь, где сейчас околачивается Яфет?
– Его можно найти на стоянке при «Хогс Брес». Если нет, попробуйте поискать возле «Булл-энд-Уистл», – она зашла за стойку и достала две связки по два ключа. – Сумки есть?
– Все в машине, – отозвался Дин. – Достанем, когда загоним во двор.
– Ладненько. Пойдем со мной.

Ники повела их по коридору, и, пока они шли, Сэм не мог не заметить две вещи: первое, что у Ники в самом деле чрезвычайно короткие шорты, и двигает она обтянутой ими частью тела весьма заманчиво, а второе, что Дин не обращает на это ровно никакого внимания. Обычно старший Винчестер не страдал излишним тактом, когда в поле зрения появлялись соблазнительные особы, и его теперешняя реакция казалась более чем странной.

Свернув за угол, они спустились по трем крохотным ступенькам и оказались в просторном саду, набитом яркими цветами, огромными деревьями и удобными плетеными креслами. В одном сидела высокая широкоплечая женщина с короткими каштановыми волосами и густым загаром. Она была босая, в черных топе и шортах, с кучей сережек в одном ухе и колечком в носу.

– Эй, подруга, смотри-ка, кто к нам приехал.

Женщина вскочила на ноги и, широко улыбнувшись, заорала:

– Малыш Динни! – словно эхо заметалось между деревьями. – Ты вернулся!

Сэм покосился на брата:

– Малыш Динни?
– Закройся, – пробормотал Дин и расплылся в улыбке. – Как дела?

Ники обняла женщину так собственнически, что Сэм внезапно понял, почему брат не пытался к ней клеиться:

- Это Сэм, брат Дина. Сэм, это Бодж, моя спутница жизни.
- Очень приятно.
- Взаимно!
- Я дала им шестой и седьмой номера, – сказала Ники.
- Здорово! – громогласно одобрила Бодж.

Отлепившись от партнерши, Ники повела их по кирпичной дорожке среди деревьев к небольшим двухэтажным домикам. В домике было две комнаты – на первом и втором этаже. В комнате на первом этаже обнаружилась всего одна двуспальная кровать, из чего Сэм понял, что жить предполагается по отдельности. То есть, они когда-то спали вместе, но полноценного сна не выходило, потому что Сэм разваливался на всю кровать, а Дин брыкался.

– Я возьму второй этаж, – младший Винчестер решил, что беганье по лестнице послужит неплохой разминкой.

Ники протянула ему связку с номерком 6:

- Серебряный ключик от главного здания. Мы его запираем около десяти, а вам надо будет как-то войти, если вернетесь позже. Второй от комнаты.
- Спасибо, – Сэм опустил ключи в карман и посмотрел на брата. – Надо разобрать вещи.

Дин взял свои ключи, и они вернулись в главное здание. Загнав Импалу на подъездную дорогу, Дин замер и зажмурился, наслаждаясь горячими солнечными лучами. Он понимал, что это то же солнце, что в Южной Дакоте, но оно, черт возьми, чувствовалось по-другому. Северное солнце просто дразнило, шекотало теплом, пока ледяной ветер выбивал дрожь, а здешнее солнце было ласковым и приветливым.

«Хорошо, что я сумел вернуться перед тем, как все закончится...»

Дин вздохнул и присоединился к брату, помогая вытащить из багажника небольшие сумки со сменной одеждой, туалетными принадлежностями и всякими мелочами. Ощущения старшего Винчестера по поводу скорой развязки менялись день ото дня – даже час от часа, черт побери – но сейчас он был доволен: он спас много жизней, сделал много хорошего и уберег брата.

Вот что самое важное. Сэмми надо защищать. Когда маму убил желтоглазый демон, папа сунул Дину в руки крохотного шестимесячного брата и приказал: «Унеси брата и побыстрее! Не оглядывайся! Ну же, Дин, пошел!» Иногда казалось, что этот приказ определил всю жизнь Дина. Теперь он определил и смерть.

Во время той первой поездки в Ки-Уэст Дин встретил в салуне «У капитана Тони» потрясающую девушку. Ночь запомнилась, особенно после того, как Ники и Бодж не согласились на его закономерное предложение устроить тройничок. Имени девушки Дин не запомнил, зато великолепно запомнил очертания ее груди, запах травяного шампуня и пота, вкус ее губ. Она приходилось то ли родной сестрой, то ли двоюродной, то ли какой-то другой родней участнику группы, игравшей в то время в баре, и должна была через пару недель вернуться в Алабаму.

Дин решил как-нибудь заглянуть в бар. А вдруг снова повезет. Братья опять прошли через сад, и Дин вспомнил, что когда-то здесь жил еще и попугай. Где он теперь интересно? Прячется?

- Раз уж мы разобрались с жильем, предлагаю перейти улицу и посмотреть, что там можно сделать.
- Как скажешь, Дино, – хохотнул Сэм.
- Собственными руками прикончу, – пообещал Дин.

Он совсем позабыл, что Ники и Бодж обожают давать знакомым всякие ласкательные имена. Ясное дело, Сэм теперь своего не упустит. С другой стороны, они наверняка и для Сэма что-нибудь сообразят, и тогда можно будет отыгаться.

Сэм, скрипя ступеньками, поднялся к себе. Дин открыл сдвижную дверь и вошел в душноватую комнату. В Ки-Уэсте было намного теплее, чем в той же Южной Дакоте, но по меркам Флориды прохладно, поэтому Дин просто открыл окно. С папой он останавливался здесь летом, и кондиционер был жизненно необходим. У двуспальной кровати была белая плетеная спинка, повторяющая узор ограды в саду. Дину это понравилось. По крайней мере, можно будет привести кого-нибудь к себе, не боясь потревожить спутника. Обои и ковер оказались одинакового пастельного цвета, а на стене висели морские пейзажи и корабельный руль. Дин включил вентилятор на потолке и оставил дверь открытой, опустив только сетку от насекомых. Он хотел предупредить Сэма насчет местных mosquitos, но потом решил, что будет забавнее, если брат сам обнаружит их присутствие.

- Какого черта ты делаешь в моем доме?!

Дин развернулся и увидел мужчину в белом костюме и синей фуражке. И стену, просвечивающую сквозь него. За годы охоты Дин видел великое множество привидений, но ни одно не было таким... таким четким.

- Ну...
- Я задал тебе вопрос, юноша. Это мое жилище, и я бы желал узнать, что ты тут делаешь!
- А вы?..
- Капитан Терренс Нейлор, естественно! А теперь отвечай на мой вопрос, тысяча чертей!

ГЛАВА 5

Грег Митчелл не раз говорил своей жене Кристе, что Ки-Уэст – отличное место для новогоднего отдыха, но только на третий день их пребывания здесь она признала, что муж прав. Как всякий счастливо женатый мужчина, Грег примирился с тем, что никогда не услышит, что в чем-то прав, поэтому признание жены стало для него значительной победой.

Скептицизм Кристи исходил из того, что Ки-Уэст не очень подходил для подводного плавания. Они ныряли на Гавайях, на архипелаге Теркс и Кайкос, на островах Кука и в Папуа-Новая Гвинея и в множестве других мест, куда более приспособленных для ныряния с аквалангом. Но в тех местах не было такой замечательной ночной жизни. Каждый вечер они заходили в новый бар, пили хорошее пиво и слушали хорошую музыку. Однажды они даже отважились на караоке, исполнив хором «Time of My Life» и «Paradise by the Dashboard Light»^[19].

Вот и сегодня они хотели снова понырять, но поднялся сильный ветер, и вода была беспокойная. К счастью, им позвонили в отель и предупредили, так что было время обдумать другие планы. В итоге решили побыть прилежными туристами и осмотреть достопримечательности.

– Хочешь в «Малый Белый дом»? – предложил Грег.

Они с супругой сидели в изножье кровати в своем номере отеля «Хаятт» на Фронт-стрит.

– А дом Хемингуэя?

– Ну, можно. Хотя это всего лишь Хемингуэй, – едва слова слетели с губ, Грегу захотелось взять их обратно.

– «Всего лишь»? Эрнест Хемингуэй – величайший американский писатель!

– Только если не учитывать других американских писателей.

Они годами спорили об одном и том же. На самом деле, они начали спорить еще даже до того, как решили встречаться – а именно на уроке американской литературы в колледже. Учитель, естественно, был на стороне Кристи, зато большая часть класса поддерживала Грега.

Криста собиралась добавить что-то еще, но закрыла рот и махнула рукой:

– Не будем ссориться. Слушай, что бы ты не думал о творчестве Хемингуэя, он здесь жил, и тут в его честь обустроили великолепный музей. И там полно кошек.

Грег моргнул:

– Кошек?

– Точно, – подтвердила Криста. – Целая куча кошек. И все шестипалые.

– Да ты шутишь! – Грег вытаращил глаза. – Какая прелесть! Кошки с полидактилией – это нечто!

Грег всю жизнь был кошатником. В Лоуренсе, Канзас, у них остались три кошки, за которыми на время отъезда хозяев присматривала сестра Грега.

Криста покачала головой и встала, подхватив внушительную черную сумку. Дорогое изделие не вполне подходило под футболку, шорты и сетчатые сандалии, но Криста настаивала, что ей нужно где-то носить все, что может пригодиться, и Грег давно прекратил попытки ее переубедить.

– Почему ты не говоришь просто «шестипалые», как все нормальные люди?

– К чему я и клоню, – он подцепил потрепанную кепку с вензелем из первых букв Канзас-Сити, которую носил еще в детстве, и поспешил за женой. – Это Хемингуэй называл таких кошек шестипалыми, а более или менее образованный человек использует термин «полидактилия».

Супруги захлопнули дверь *(если ей не грохнуть хорошенько, может и не закрыться, а в номере остались ценные вещи)* и пошли к лифту. Не переставая рыться в сумке, Криста снова заговорила:

– Да, но этот термин неточный. «Полидактилия» – это когда пальцев больше, чем положено. А шестипалый – это как раз про тех кошек, которые с шестью пальцами... ага! – последний возглас относился к найденным в глубинах сумки солнечным очкам.

Грег терпеть не мог, когда Криста надевала солнечные очки, потому что они закрывали ее чудесные голубые глаза. После спора на уроке литературы они друг другу не приглянулись, но в следующем семестре столкнулись на вечеринке у общего друга.

Криста покрасила волосы, и Грег ее не узнал – вот и принялся ухаживать за девушкой с великолепными голубыми глазами. Только проговорив всю ночь – уже после того, как вечеринка затухла – он сообразил, что это она выступала его главным противником. Ее глаза были словно озера лунного света, и она только хмыкнула, когда Грег впервые сказал это вслух.

Грег щелкнул по лифтовой кнопке костяшкой пальца:

- Я думал, мы больше не спорим о Хемингуэе.
- Мы и не спорим. Мы спорим о том, что ты строишь из себя самодовольного заучку.
- Я бы сказал, что это связано с темой Хемингуэя, – улыбнулся он.
- А я бы сказала, что нарушила договор ради удовольствия назвать тебя заучкой.

Грег покачал головой и рассмеялся:

- Я тебя люблю.

Она сверкнула глазами, прежде чем спрятать их за темными стеклами очков:

- И я тебя.

Они с удовольствием прошлись по Фронт-стрит до Уайтхолл, через пару кварталов попали на Оливия-стрит, минули несколько домов и ресторанов и один из входов в Малый Белый дом, который Гарри Трумэн^[20] иногда предпочитал резиденции Кемп-Дэвид^[21] (*проходящей когда-то под названием Шангри-Ла*). Через улицу от дома Хемингуэя возвышался огромный маяк. Грег смерил его взглядом и сказал:

- После Хемингуэя идем туда.
- Ну... ладно.

Почувствовав ее замешательство, Грег оглянулся:

- Что не так?
- Ты же понимаешь, что там нет лифта? Тебе придется идти пешком до самого верха.
- И что? – негодуя уточнил Грег, заранее настроившись на обидный ответ.
- Да ничего, но когда на полпути ты устанешь тянуть по ступеням свое пузико Будды, не вздумай мне плакаться.

Грег смущенно похлопал себя по брюшку, которое два года назад жена ласково окрестила «пузиком Будды», и проворчал:

- Я думал, тебе нравится пузико Будды.
- Я от него без ума, милый, но бегать по лестнице с ним неудобно.
- Вот как. Чепуха! Я поднимусь по всем лестницам и посмеюсь над твоим отношением к моей спортивной форме.
- Если еще сможешь смеяться, естественно, – она улыбнулась и легко поцеловала его в щеку.

Надо сказать, Грег не утомился и после поцелуя:

- Замечательно, пошли уж любоваться вашим хваленым писателем.

Криста придержала язык и направилась к билетной кассе, стоящей около огораживающей дом стены. За кассой виднелись открытые ворота, увитые плющом. Заплатив за вход скучающей молодой женщине, которая, кажется, рассердилась, что ее оторвали от чтения «Энтертэйнмент Уикли», они вошли в ворота и поднялись к самому дому. Навстречу вышел улыбающийся парень с большим носом, маленькими глазками и неровными зубами:

– Здравствуйте! Добро пожаловать в дом-музей Хемингуэя! Впервые здесь?

Вокруг не было ни души. Грег уже заметил, что нынешним утром на улицах ходило куда меньше народу, чем обычно, и решил, что виноват прошедший Новый год – еще одна причина, почему они с женой решили отдыхать здесь уже после праздника.

– Да, впервые.

– Меня зовут Дэвид, и я веду экскурсию. Экскурсия начнется через пятнадцать минут, а пока я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы, – и, словно предвидя первый вопрос, он начал: – Дом был построен в 1851 году Асой Тифтом, морским архитектором и охотником за ценностями. А Эрнест Хемингуэй поселился здесь в 1931 году.

– А зачем тут каменная стена? – поинтересовалась Криста. – Для охраны?

Грега рассказ не интересовал: он искал кошек и удивлялся, что ни одной не видно.

– Дань моде, – объяснил Дэвид. – Здесь была обычная сетка, но мистер Хемингуэй не хотел, чтобы его дом разглядывали. Он был довольно знаменит, а публика в Ки-Уэсте более непринужденная, чем, скажем, в Голливуде, так что...

– А где кошки?

Дэвид внезапно занервничал:

– Ну... боюсь... видите ли...

– Что? – не удержался Грег.

– Вы в порядке? – обеспокоенно поинтересовалась Криста.

Дэвид отер пот со лба:

– Все хорошо... Может, вы хотите знать еще что-нибудь о мистере Хемингуэе?

– А здешние кошки действительно потомки того кота с полидактилией, которого держал Хемингуэй?

– Боюсь, моего мужа кошки интересуют больше Хемингуэя, – вставила Криста.

Дэвид скривился:

– Ох, зря вы это сказали.

– Что? Почему... – внезапно Грег почувствовал ладонь на своем плече и оглянулся, но... за спиной никого не оказалось, хотя рука все еще ощущалась.

– Убирайся! Убирайся! Убирайся! Убирайся! – голос выплеснулся будто бы из ниоткуда, отражаясь от каменной стены и словно отдаваясь в костях.

Рука толкнула Грега, и он, не удержавшись на ногах, скатился со ступеней к воротам и поморщился от боли, вспыхнувшей в правой руке при столкновении с тротуаром.

– Боже, Грег! – Криста подбежала и опустилась рядом с ним на колени. – Ты цел?

Грег кое-как сел и осмотрел предплечье. Ссадина болела и кровоточила. Он перевел взгляд на Дэвида, который выглядел так, будто привидение увидел:

– Что это было, черт побери?

– Я сказал, убирайся к чертовой матери! – прорычал голос. – Я по горло, черт возьми, сыт чертовыми кошатниками!

Вот теперь Грегу сделалось серьезно не по себе:

– Что?... Кто?..

«Это какая-то запись, пущенная через динамик! Запись!»

Он попытался найти разумное объяснение, но сам ему не поверил. Если голос передают через колонки, он не проникает в самую душу.

– Она пусть останется, а он – на выход! – приказал голос.

– Ээ... – заикнулся Дэвид. – Ну... хорошо. То есть, конечно, мистер Хемингуэй.

Грег хлопнул глазами:

– Мистер Хемингуэй???

Это точно фокус. Грег неуверенно поднялся, опираясь на жену:

– Это розыгрыш. Хемингуэй мертв, урод, а я, между прочим, руку ободрал и...

– Естественно, я мертв, глупец! – не замедлил отозваться голос. – Но это мой дом, а не кошачий рай!

Криста заговорила так, будто действительно общалась с Хемингуэем:

– А я думала, вы любили кошек.

– Моего кота любил, – поправил голос. – И это не значит, что мой дом надо было превращать в долбаный зоомагазин!

Грег снова почувствовал руки у себя на груди – уже две, хотя никого, кроме ошарашенной Кристи и перепуганного Дэвида, поблизости не было. Он попытался схватить невидимого противника, но только цеплялся за воздух. Руки сильно толкнули его. Грег не хотел вывалиться через ворота спиной вперед, но невидимка упорствовал. Снова придавив больную правую руку, Грег вскрикнул. Криста выбежала со двора за ним, и ворота тут же с грохотом захлопнулись, от чего несколько листьев плюща оторвались и спланировали на дорожку.

– Господи, Грег! Я вызываю 911! – Криста начала рыться в сумочке.

Грег придержал ее руку:

– Нет, нет, не стоит. Давай просто пойдем в аптеку и купим какой-нибудь бинт или пластырь.

– Ты уверен?

– Чем я точно не хочу заниматься, так это пытаться объяснить медсестре, что здесь

произошло.

– Как скажешь, – улыбнулась Криста. – Пойдем, думаю, где-то на Дюваль есть аптека.

Она помогла мужу подняться на ноги. Грег оглянулся на дом и увидел, что, по всей видимости, женщина в кассе не сочла привидение Хемингуэя достаточно уважительной причиной, чтобы отвлечься от кинозвезд.

– И что это было?

– Даже знать не хочу! – воскликнула Криста. – Но ты был прав: зря мы сюда пришли.

Грег покачал головой, шагая по Оливия-стрит к Дюваль.

– Ух, ты.

– Что?

– Ты за эту поездку уже второй раз признаешь, что я в чем-то прав.

– Я признаю, что ты прав, строго раз в году, – отчеканила Криста. – В 2007 году я согласилась, что Ки-Уэст – хорошее место для отдыха. А этот раз был на 2008 год.

– Как скажешь, любовь моя.

ГЛАВА 6

Редко бывало так, что Дин Винчестер не мог подобрать нужных слов. Но теперь, стоя перед призраком капитана Терренса Нейлора, пытающегося завести разговор, единственное, что Дин смог выдать:

– Ну... странно.

– Ты не ответил на мой вопрос!

Дин, наконец, отступил и, повернув голову к двери, но, стараясь не выпускать привидение из поля зрения, заорал:

– Сэм!

Через минуту на лестнице загрохотали шаги, и в дверях показался младший Винчестер:

– Что такое, Дин? Я... Ой. Это же привидение.

– Спасибо, капитан Очевидность, – пробормотал Дин.

Нейлор сложил призрачные руки на призрачной груди:

– Может, хоть один из вас соизволит объясниться?

Сэм медленно перевел взгляд с Нейлора на брата:

– Он говорящий.

– Похоже на то.

– Прекратите обсуждать меня, когда я перед вами стою! – проревел Нейлор.

– Нууу... – протянул Сэм. – Вы не... Видите ли, вы мертвы.

– Ты не представляешь, но я в курсе, – раздраженно отозвался Нейлор. – И довольно ясно помню, как меня поглощала пучина и соленая вода заливалась в рот и нос. Довольно неприятное ощущение, так что вряд ли я его забуду.

– Так вы знаете, что вы призрак? Что вы привидение? – нахмурился Дин.

- Ну, разумеется, знаю! А ты все еще не ответил...
- Это отель, – вмешался Сэм. – Гостиница.

А Дин вспомнил, что когда-то Бодж рассказывала ему историю гостиницы, и добавил:

– Некоторое время здесь жили ваши предки, а лет тридцать назад какой-то парень решил устроить в доме музей. Идея не пошла, и тогда одна пожилая леди выкупила дом и сделала из него гостиницу. Сейчас тут работает милая молодая пара, – по здравому размышлению Дин решил, что не стоит упоминать, что «милая пара» – это две женщины.

Нейлор свел брови:

- Просто смешно. Как могут посторонние люди селиться в моем доме?
- Его малость обновили, – неловко проговорил Сэм.

Нейлор только головой покачал:

- Что ж, вы, по крайней мере, не ударились в визг.
- То есть? – насторожился младший Винчестер. – Вы тут уже проявлялись?
- Прошу прощения?
- Вы и раньше с кем-то разговаривали? – быстро переспросил Дин.
- Ясное дело! Ну, не то чтобы именно разговаривал. Я пытался, но никто не потрудился высказать ни малейшего понимания. Это раздражает, особенно когда девушки начинают пронзительно визжать.
- Вы здесь постоянно? – продолжил расспросы младший Винчестер.
- Когда я умер, моя душа пришла сюда. Я всегда насмеялся над ясновидцами, к которым хаживала моя Агнес, и не верил, что кто-то может беседовать с душами в аду или в раю. Я вообще даже и не думал, что душа может пойти куда-то еще, но после смерти попал сюда.
- Так бывает, – подтвердил Сэм. – Привидения часто возвращаются в места, которые были важны для них при жизни.
- Для меня никогда не было места важнее дома, юноша, даже корабли, на которых я служил, не в счет. Я сам построил этот дом на деньги, заработанные добычей ценных вещей, построил вот этими двумя руками, – он продемонстрировал руки, должно быть, бывшие при жизни мясистыми и мозолистыми.

Дин хотел что-то сказать, но капитан не позволил ему и слова вставить. Старший Винчестер решил дать ему выговориться, ведь несчастный ублюдок молчал почти полторы сотни лет.

– Я купил собственный корабль и женился. Агнес родила мне детей, а потом я вышел в отставку и мог за ними присматривать. Но потом... потом ее унесла чухотка, и я снова вышел в море, – он вздохнул. – Война Северной Агрессии закончилась весьма печально, и наше дело изменилось в худшую сторону.

Дин едва удержался от того, чтобы не фыркнуть. Он знал множество современных южан, которые упорно продолжали называть гражданскую войну именно так.

– Молодое поколение не знало рифов, их самих приходилось спасать. Крепла продажность: благородные судьи ушли на пенсию, и их заменили глупыми юнцами, ничего не понимающими в традициях. А потом случился тот проклятый шторм...

Сэм выглядел так, будто совершенно не улавливал нить повествования; Дин понимал, о чем толкует Нейлор, только потому, что был в Ки-Уэсте раньше. Он поднял руку:

- Э... капитан? Слушайте, нам с братом нужно поговорить наедине, ладно? Мы выйдем?
- Так это действительно гостиница?

Сэм кивнул:

- Действительно. Мм... как вы думаете, капитан, какой сейчас год?
- Я представился в тысяча восемьсот семьдесят первом от Рождества Христова. Полагаю, мы приближаемся к границе веков?
- На самом деле, мы ее уже минули.
- Дважды, – услужливо подсказал Дин. – Сейчас две тысячи восьмой год.

Нейлор погрузился:

- Уже столько времени прошло?
- Боюсь, что да, – Дин сгреб брата за плечо и потянул к двери. – А сейчас, если позволите...

Старший Винчестер прикрыл дверь, и братья вышли в сад.

- Похоже, та же история, что с цыпочкой Молли и фермером Грили^[22].

Сэм помотал головой:

- Есть большая разница. Молли и Грили появлялись раз в году. Они были осязаемые и могли разговаривать, потому что копили энергию весь год и выплескивали ее за один день. Плюс они были привязаны к одному месту. Но то, что творится здесь... – Сэм поскреб затылок. – Что он там болтал про ценности?

Дин улыбнулся, довольный возможностью ради разнообразия просветить Сэма, а не наоборот:

- Он брал вещи с тонущих кораблей. Очень доходный бизнес в позапрошлом веке.
- Они специально топили корабли? Ужас какой!
- Нет, дубина! Корабли тонули сами. Здесь рифов до черта понатыкано, и время от времени кораблям не удавалось проскочить мимо. Они же деревянные были, помнишь? А охотники за ценностями, вроде Нейлора, их спасали.

Сэм оглянулся на дом:

- Так он пират?
- Сначала я тоже так подумал, – хмыкнул Дин. – Но все было легально, хоть и регулировалось неважно. Умельцы имели неплохой куш. Половину хороших домов на острове построили как раз такие вот «пираты» и их семьи.
- Хм, – Сэм уперся руками в бока. – И что теперь?

Дин пожал плечами:

- Ничего теперь. Яфет говорил, что местные приведения стали активнее, теперь видно, что он не врал.

- Стали активнее – это еще мягко сказано. Они... я не знаю... суперактивные.
- Да, – согласился Дин. – Здесь налицо страшное колдунство.
- Тем более похоже на проделки одного из сбежавших демонов, – вздохнул Сэм и достал из кармана телефон. – Позвоню Бобби.
- Валяй. А я разберусь с новым соседом по комнате.

Оставив брата звонить, Дин вернулся в дом и приоткрыл дверь:

- Капитан?
- Ну что, пообщался с братом? – ехидно поинтересовался призрак.
- Слушайте, вы бы не могли переселиться в другой дом? Просто мы с Сэмми... понимаете, мы бы не хотели, чтобы здесь были посторонние.
- Возможно, я отвечу утвердительно на вашу просьбу, юноша, если сможете объяснить, почему вы отреагировали на мое появление не так, как прочие.
- Есть пара причин, – отозвался Дин. – Во-первых, мы с братом охотники. Сражаемся с демонами, вампирами и другими тварями.
- Обычная работа для вашего времени?
- Если честно, нет. Мы вроде как скрываемся от радаров общественности.
- От чего?
- Сообразив, что в бытность капитана живым радаров еще не изобрели, старший Винчестер поспешно поправился:
- Мы – тайное сообщество.

Нейлор закатил глаза:

- Как проклятые масоны, ты хочешь сказать?
- Типа того, – Дин решил, что такое сравнение все же лучше, чем ничего, хотя за материальные средства масонов он бы выше головы прыгнул.
- Ты сказал про пару причин. Какие еще?
- В норме такие призраки, как вы, не общаются с людьми так... так благоразумно. Я большую часть жизни занимаюсь этим делом, и никогда не беседовал с привидениями вот так. А значит, на острове есть что-то или кто-то, кто творит беспредел с мертвыми.
- И вы намереваетесь с ним сражаться?
- Да, план такой.

Нейлор снова сложил руки на груди:

- Если вы преуспеете, что станет со мной?
- Вернетесь туда, откуда пришли, или... – Дин вздохнул, колеблясь, – или мы посолим и сожжем ваши останки, и вы все равно отправитесь в загробную жизнь.
- Я приму ваше предложение, юноша.

Дину надоело чувствовать себя, будто в кабинете директора, и он огрызнулся:

- Меня зовут Дин. Дин Винчестер, а не «юноша».

На лице Нейлора впервые появилась улыбка:

- Замечательно, мистер Винчестер. Мои условия таковы: пока вы остаетесь в моем доме, я не буду покушаться на ваше личное пространство, но когда вы с братом сделаете, что намеревались, выкопайте мои останки из-под орехового дерева в саду, посолите, сожгите и освободите мою душу из этого ужасного места.

- А я думал, дом был самым важным местом в вашей жизни, – обнаглел Дин.
- Был. Это уже не жизнь, и дом больше не мой. Много времени минуло, не находите, мистер Винчестер?

Дин намеревался так поступить в любом случае (*и потом, назойливый призрак помешал бы Ники и Бодж вести дела*), так что легко согласился:

- Конечно. Как скажете.
- Теперь я по идее должен поплевать на ладонь и предложить вам рукопожатие.
- Давайте не будем и сделаем вид, что так и произошло.

В этот момент дверь поехала в сторону, и в комнату зашел Сэм, на ходу запихивая телефон в карман.

- Ну что там Бобби сказал?

Сэм вопросительно покосился на Нейлора, но Дин отмахнулся:

- Все на мази.

Припечатав брата взглядом а-ля «мы еще поговорим», Сэм сообщил:

- Бобби ничего подобного не слышал, но сказал, что покопается в библиотеке и посмотрит, чем можно помочь.

Дину больше нравилось, когда Бобби что-нибудь советовал с ходу: в таких случаях можно было перейти непосредственно к надиранию задниц.

- А еще он сказал, что этот раз – первый, когда Яфет в чем-то прав, со времен его предположения, что «Битлз» распадутся.

Дин хохотнул и предложил:

- Ладно, пошли посмотрим, что у нас там через улицу, а потом поищем Яфета.
- Удачи, джентльмены, – вмешался призрак. – Да пребудет с вами Господь... ради всех нас.

И он исчез – не истаял в воздухе, не улетел, а просто только что был здесь, а в следующую секунду никого не стало.

Старший Винчестер оглянулся на брата и широко улыбнулся:

- Ой, здесь было привидение!

Сэм пропустил дурацкую шутку мимо ушей:

- С чего ему желать нам удачи?

На обратном пути Дин пересказал разговор с капитаном и признался:

- Странно это все.
- В смысле?

– Мы солим и сжигаем тела, потому что привидения пугают народ, но я никогда не думал об этом с точки зрения самих привидений. Помнишь тот случай в Нью-Йорке примерно с год назад?

Сэм улыбнулся:

– Я помню, как ты квохтал над коллекцией пластинок^[23].

Дин не обратил внимания на подколку – хотя у Манфреда Афири и правда была восхитительная виниловая коллекция:

– Мы тогда не сожгли кости, потому что тело понадобилось, чтобы доказать факт убийства.

– Помню. Думаешь, зря?

В главном здании они помахали сидевшей за стойкой Бодж и вышли на улицу.

– Без понятия. В смысле, у Манфреда остались наши номера, так что он бы позвонил, если бы привидение снова разбушевалось, но все-таки... – Дин со скрежетом открыл ворота и покачал головой. – Мы правильно поступили, что не позволили ее духу уйти?

Сэм уставился на него сверху вниз:

– С каких пор в нашем тандеме ты сделался сопливым нытиком?

Дин закатил глаза:

– Поцелуй меня в одно место, Сэмми. Ты понял, что я имею в виду.

– Понял, просто не ожидал такое услышать от тебя.

– Что, мне уже развести философию раз в сто лет нельзя?

– Если только раз в сто лет, – улыбнулся Сэм.

– Вот спасибо.

Винчестеры пересекли Итон-стрит и приблизились к дому с башенкой. Впрочем, дверь оказалась закрыта, в кустах обнаружилась полицейская лента, а на окне висела табличка: «ЗАКРЫТО. ДО ДАЛЬНЕЙШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ».

– Двойное убийство и правда нехорошо сказывается на бизнесе, – пробормотал Сэм.

– Точняк. Лучше подождать, пока на улице станет чуть меньше народу, и воспользоваться нашими непревзойденными воровскими навыками.

Младший Винчестер метнул на него испепеляющий взгляд:

– Хорошо. А что пока? Поговорим с этим твоим Яфетом?

– Можно, – Дин хихикнул. – Помнишь, как Манфред не мог расстаться с шестидесятыми?

– Ага.

– С Яфетом еще хуже.

Сэма передернуло:

– Понятно. Я уже начинаю бояться.

Дин широко улыбнулся и повел брата к Дюваль-стрит.

«Ах, вот это жизнь!» – старший Винчестер чувствовал, как прохладный ветерок ерошит его короткие волосы, чувствовал совершенно не январское тепло, слышал музыку со всех сторон. Всего полквартала – и они попали в абсолютно другой мир. Итон-стрит была тихой жилой улицей, а Дюваль – улицей торговой, с магазинами, ресторанами, барами и людьми: по обеим сторонам дороги толпились пешеходы, некоторые сбивались в подвыпившие компании; Дин мог выделить одновременно с дюжину гитарных мелодий, не считая прорывающихся то там, то сям завываний любителей караоке. Он взглянул на Сэма:

- Господи, как я соскучился.
- И почему я не удивлен? – с легким отвращением отозвался Сэм.
- Чувак, колледж тебя ничему не научил.

Братья вышли на угол Кэролайн-стрит к «Булл-энд-Уистл». «Уистл» с его бильярдным столом, музыкальным автоматом и балконом располагался на втором этаже, а «Булл» с маленькой сценой – на первом. Как и многие другие бары, этот щеголял огромными окнами, выходящими и на Дюваль, и на Кэролайн. В окнах были видны два парня с акустическими гитарами и заполненные людьми столики. Подойдя поближе, Дин разобрал, что парни играют «Pinball Wizard» группы «The Who»^[24]. Ему очень хотелось зайти и послушать их, но дело не терпело, тем более, что обещанный источник информации действительно обнаружился на обочине Кэролайн-стрит. Дин надеялся, что его тут не будет: тогда бы можно было пройти к «Хогс Брес», минуя еще несколько баров, однако его надеждам не суждено было сбыться.

Яфет-Стихоплет выглядел точно так же, как и четыре года назад: длинные седые волосы, выстриженные острым клинышком на лбу и свободно опускающиеся на плечи, густая седая борода, лежащая на груди, круглые очки без стекол (*непонятно, зачем он их носил, раз все равно на зрение они никак не влияли*), влажные карие глаза и босые ступни в мозолях и болячках. Яфет носил выцветшую дырявую футболку, которую не стирал, наверное, с прошлого визита Дина, и обрезанные джинсы, открывающие тощие волосатые ноги. Он сидел на пешеходной дорожке, прислонившись к стене. Около него, тоже прислоненный к стене, стоял потрепанный пробковый щит. Разноцветные кнопки удерживали на нем несколько листов бумаги, исписанных вычурным, но вполне читабельным почерком, а на табличке сверху значилось «СТИХИ ЯФЕТА; ДОЛЛАР ЗА ШТУКУ». Перед щитом пристроилась расписанная цветами чашка с несколькими купюрами и монетами.

Едва братья подошли, Яфет поднял голову:

- Дин! Вау, чувак, это ты!
- Я же говорил, что мы приедем, Яфет. Это мой брат Сэм.
- Рад скорефаниться, Сэм!
- Ээ, взаимно.
- А мы уже видели привидение, – похвастался Дин.
- Ух ты! И ведь только-только прибыли. Потрясно. Кто это был?

Дин быстро рассказал про встречу с капитаном Нейлором.

– Очуметь, чувак. Слушай, у нас тут не только трое очокурились – еще и знаменитость появилась. Папаша Хемингуэй вышел на тропу войны.

Сэм вытаращил глаза:

- Эрнест Хемингуэй?
- Он самый, братишка. Папаша распугал всех китикэтов и парочку turistas впридачу. Никто не скопытился, но синяков перепало немало.
- Надо это дело проверить, – проговорил Дин.
- Легко, – откликнулся Яфет. – Там открыто.
- Шутите? – возмутился Сэм. – После того, как пострадали люди?

Яфет пожал плечами:

- Не смотри на меня так. Я просто здесь живу.
- Надо идти прямо сейчас, пока не пострададо больше людей.
- Ага, – согласился Дин. – А что там с девушкой, которой горло перерезали?
- Я ее видел. Она не покупала стихи, но хоть вежливая была. Видел, как заходила в бар, а как выходила, не видел. Мож, с другой стороны вышла. Ее нашли на Фронт. Сера в ране и все такое, как положено. Ничего больше не слыхал, но после этого страшилки в разнос пошли.

Сэм со свистом выдохнул сквозь зубы:

- Сходится. Страшное колдунство, как ты и сказал, Дин. А с человеческой жертвой заклятие стало достаточно сильным, чтобы натворить дел.
- Секундочку, – Дин будто что-то вспомнил. – Ты ж сказал, что весь шабаш завертелся еще с полгода назад.
- Да, но не такой уж глобальный шабаш. Просто их больше стало. А после той чувихи все и завертелось. Совершенно неприкольно.
- Значит, две волны уже прошли, – проговорил Сэм. – Боюсь представить, какой будет третья.
- Ладно, давай по коням и навестим мертвого писателя, – Дин достал из кармана десятидолларовую купюру и бросил в чашку.
- Спасибо, мужик! Можешь взять десять стихов!
- Спасибо, обойдусь, – отказался Дин.

А Сэм все-таки не обошел вниманием пробковый щит:

- Если не возражаете, я одно возьму.

Дин возвел глаза к небу:

- Ты такой зануда.
- Ясен перец, парень, – не поддержал его Яфет. – Бери любое.

Младший Винчестер окинул листочки взглядом и снова повернулся к Яфету:

- Какой посоветуете?

Поэт отковырнул красную кнопку в левом углу щита и снял листочек:

- Называется «Ода Воде из Бульбулятора^[25]». Думаю, оно каждому придется по душе, понимаешь?

При виде выражения лица брата Дин с трудом сдержал смех.

– О нет, боюсь, мне не понравится, – Сэм еще раз оглядел щит и указал в центр. – А вот это?

– Это мое последнее – «Сонет Солнцу Заходящему». Практически игра слов, сечешь?

Сэм улыбнулся и, взяв стихотворение, протянул Яфету доллар.

– Не нужно, чувак. Твой брат уже заплатил.

– Да ладно. Человек искусства должен получать деньги за свой талант.

Дин потер лоб, найдя ситуацию и забавной, и печальной:

– Пересечемся, Яфет. Мы остановились в «Нейлор-Хаус», так что дай знать Ники и Бодж, если что-то еще узнаешь.

– Заметано, чувак. Буду бдить, ладушки?

– Ясен перец, – широко улыбнулся Сэм.

ГЛАВА 7

Они приближались к Малому Белому дому, и Хорхе улыбался, поглядывая на восторженное лицо Рейналдо. Брат ненавидел тропики. Он шутил, что, переехав из Пуэрто-Рико в Нью-Йорк, потерял по пути терпимость к влажности. В итоге было чертовки трудно вытянуть Рейналдо в Ки-Уэст, где Хорхе жил со своим бойфрендом Сайласом. Они несколько раз приезжали в Нью-Йорк на Рождество (*до первой поездки Сайлас, уроженец Флориды, никогда в жизни не видел снега*), но Рейналдо только извинялся и не спешил с ответным визитом.

Все изменилось, когда Пабло, сын Рейналдо и – по всеобщему мнению – единственный положительный момент женитьбы, начал проходить в школе американских президентов. Со страстью, характерной только для восьмилеток, он с головой окунулся в океан информации, желая знать про них все-все: как президентов выбирали, что они делали во время правления и так далее. Рейналдо пришлось перерыть горы литературы, чтобы удовлетворить любопытство сына. Правда, Пабло довольно быстро остыл и переключился на другие увлечения, зато Рейналдо продолжил изучать президентов и поехал на этой почве еще похлеще своего отпрыска. Вот так он и оказался в Ки-Уэсте. Рейналдо согласился как-нибудь перетерпеть жару и влажность, но с единственным условием: если Хорхе и Сайлас отведут его в Малый Белый дом. Он подождал, пока после Нового года не спадают цены на билеты (*из-за алиментов и низкооплачиваемой работы приходилось экономить, где только можно*), и прилетел в Ки-Уэст.

И вот они стояли у входа в Малый Белый дом, и Рейналдо выглядел так, будто Иисус сошел на землю и лично сообщил, что комната в Раю ему обеспечена. Заплатив за вход, они присоединились к группе – совсем маленькой, надо сказать: их трое плюс женщина и мальчик с таким же цветом кожи, должно быть, мать и сын. Экскурсию вела бойкая юная блондинка по имени Лори, вещавшая об истории здания высоким пронзительным голосом:

– Изначально Малый Белый дом предназначался для военно-морских сил США. Флот был очень важной частью обороны против врагов с моря, и Малый Белый дом строили как жилище для важных людей, служивших на базе. К концу века дом превратили в квартиру для начальника базы.

Женщина подняла руку и спросила с сильным акцентом, похожим на русский:

– Извините... не здесь ли жил Томас Эдисон?

– Ну конечно! – Лори взвизгнула так, будто женщина была первоклашкой, правильно ответившей на сложный вопрос. – Во время первой мировой войны Томас Эдисон, отец современного электричества, жил здесь, помогая флоту бороться с враждебными силами гитлеровской Германии.

Хорхе и Сайлас просто переглянулись, закатив глаза, но Рейналдо, естественно, не мог промолчать:

– Простите, мэм, но с гитлеровской Германией мы сражались во второй мировой войне.

Лори одарила его укоризненным взглядом и продолжила:

– Президент Гарри Эс Трумэн впервые приехал сюда в 1946 году в поисках места, где можно было бы отдохнуть и расслабиться. Он отрицал, что фишка не идет дальше Кемп-Дэвид, – Лори усмехнулась собственному остроумию^[26], и Хорхе почувствовал, что долго не продержится.

Рейналдо снова влез:

– Резиденция тогда еще называлась не Кемп-Дэвид, а Шангри-Ла. Ее так президент Рузвельт назвал. А Эйзенхауэр переименовал в Кемп-Дэвид в честь своего внука.

Сайлас наклонился к уху Хорхе:

– Твой брат приехал, чтобы его отсюда выставили?

Хорхе только плечами пожал. Сайлас взял его за руку и сочувственно сжал ладонь. Лори тем временем решила не обращать на Рейналдо внимания. Она водила туристов из комнаты в комнату и рассказывала, как Трумэн иногда подписывал здесь законопроекты и работал над обращениями «О положении страны».

– После отставки Трумэна другие президенты тоже навещали этот дом: от Эйзенхауэра, который оправлялся здесь от сердечного приступа, до Кеннеди, приехавшего сюда после Карибского кризиса^[27], или Картера, который встречался здесь с семьей. Дом все еще доступен для президентов. Например, секретарь Колин Пауэлл вел здесь мирные переговоры между президентами Армении и Узбекистана.

Рейналдо поморщился и тихонько поправил:

– Азербайджана.

Лори бросила на него очередной взгляд и повела экскурсантов в следующую комнату – просторное помещение с множеством стульев, большим окном с видом на море и огромным столом в центре. Женщина отошла вглубь комнаты и прогундосила:

– Президент Трумэн обожал играть в покер и специально держал в этой комнате стол для игры. Ему приходилось осторожничать, потому что нельзя ведь, чтобы президента видели за азартными играми, поэтому здесь всегда имелась скатерть на случай, если поблизости появятся репортеры.

Хорхе ее не слушал – и не только потому, что было неинтересно и пробивало на раздражение. Вместо этого он таращился на стол для покера и медленно прощался с крышей. Лори заметила его реакцию, и ее цветущее личико нахмурилось:

– На что вы так уставились?

– Там человек! – воскликнул мальчик.

Оглянувшись, Лори увидела то же, что и остальные: старика с короткими седыми волосами, круглыми очками и сияющей улыбкой. Старик был одет в белую рубашку, того же цвета штаны и соломенную шляпу. Он стоял около стола и тасовал карты.

Взгляд Рейналдо снова загорелся благоговением:

– Святая Мария, мать божья! Это же Гарри Трумэн!

– Не... не может быть! – Лори выглядела так, будто у нее в мозгах случилось короткое замыкание, и Хорхе ее вполне понимал. – Он ведь... он умер!

Трумэн положил карты на стол и улыбнулся шире:

– Ну? Кто-нибудь поделит колоду? Пятикарточный покер с обменом. Валеты и выше – первая ставка, три карты одного ранга – победа.

Хорхе подумал, что по крайней мере Рейналдо не пожалеет о своем приезде...

ГЛАВА 8

Дэвид Мэдли в жизни так не боялся.

Впрочем, сравнивать было особо не с чем. Разменяв тридцатник, Дэвид так и не решил, чего он хочет от этой жизни. Он получил две степени бакалавра и одну магистра, а потом поехал на летние каникулы в Ки-Уэст – погулять, полежать на пляже, выпить пива, послушать музыку, поплавать с трубкой, может, даже поучиться нырять с аквалангом, собираясь вернуться и приняться за кандидатскую диссертацию. Было дело пять лет назад. До возвращения так и не дошло. Деньги кончились и, специализируясь на английской литературе, Дэвид рассудил, что где ему еще приложить свои навыки, как не в доме-музее Хемингуэя. И все шло просто замечательно, пока не начало появляться привидение самого писателя.

Дэвид слышал истории о привидениях и даже поучаствовал несколько раз в потусторонних экскурсиях, но никогда не видел настоящее привидение – до того дня полгода назад. Сначала было даже весело: привидение ничего такого не делало, просто пристально наблюдало, что очень подходило личности Хемингуэя. В конце концов, мужик сражался с быками.

Но потом Хемингуэй заговорил. И принялся распускать руки.

Историческое сообщество настояло на том, чтобы не закрывать музей. В январе после отъезда празднующих толп дела и так шли не блестяще, и начальство не хотело усугублять ситуацию и пропускало мимо ушей аргументы Дэвида, что людей, по-любому, больше не станет. Ему оставалось продолжать водить экскурсии и надеяться, что никому не вздумается упоминать кошек, как тот бедняга утром.

Вечером здесь не было ни души. На шесть пятнадцать никто не явился, и можно было побиться об заклад, что к семи пятнадцати ничего не изменится.

И тут вошли два парня – один очень высокий, второй просто высокий; оба одеты довольно небрежно и оба довольно мурзатые, будто последний раз принимали душ как раз в прошлом году. Очень высокий нес длинный футляр, а тот, что пониже, – старый плеер, явно побывавший в зубах бешеного пса. Еще у него на шее болтался причудливый кулон. Пока он платил за вход, высокий направился напрямик к Дэвиду:

– Добрый вечер. Меня зовут Сэм Винчестер, а он – мой брат Дин.

Дэвид улыбнулся (*он, было, решил, что они парочка, а не братья*) и заученно проговорил:

– Меня зовут Дэвид, и я начну экскурсию через пятнадцать минут. Пока же я с радостью отвечу на вопросы, если они у вас возникли. Дом был...

– Мы бы хотели полюбопытствовать насчет привидений, – перебил Сэм.

Несмотря на ветерок, на лбу Дэвида каплями выступил пот:

– Вы о той паре, да?

– Простите? – Сэм изобразил замешательство, но Дэвид не купился.

– Слушайте, тот мужчина просто споткнулся на дорожке. Там много трещин после Катрины, понимаете? Асфальту тогда здорово досталось.

На самом деле через два с половиной года после урагана «Катрина» все дорожки давно привели в порядок, но надо же было сказать хоть что-то.

– Не знаю, о чем вы, – заявил Сэм. – Мы просто...

Внезапно что-то взвыло, и Дэвид подскочил, роняя сердце в пятки. Оглянувшись, но увидел, что брат Сэма уронил свой побитый плеер, и теперь тот, валяясь на асфальте, искрит и переливается огоньками.

– Чувак, ЭМП сдох.

– Думаешь? – Дин все еще тряс руками. – Боже, этой энергии хватило бы на освещение Чикаго. Действительно страшное колдунство.

Дэвид понятия не имел, о чем они толкуют, но надо было выставить парней, пока не появился мистер Хемингуэй:

– Слушайте, не знаю, чем вы тут занимаетесь, но...

– Нам надо разузнать про привидение. Когда это началось? – снова взялся за него Сэм.

– Я... я не знаю, о чем...

Подойдя поближе, Сэм уставился на него сверху вниз жутковато-пристально:

– Слушай, Дэвид, здесь происходит что-то плохое. Надо это остановить. Люди умирают.

Пот уже заливал Дэвиду глаза – пришлось снять очки и протереть глаза рукавом футболки:

- Ум-мирают? Я не знаю, о чем...
- Когда появилось привидение?
- Примерно... примерно полгода назад. Мистер Хемингуэй просто... просто появился, понимаете? Было прикольно и все такое, но потом он начал разговаривать, – Дэвид оглянулся. – А потом разогнал кошек.
- Кошек? – нахмурился Сэм.
- Да, я насчет этого узнавал, – подоспел Дин. – Музей знаменит своими кошками, у которых по шесть пальцев.
- А, ну да, – Сэм кивнул. – У Хемингуэя были кошки с полидактилией.

Дэвид не обратил внимания на недовольный взгляд, брошенный Дином на брата, и продолжал:

- Он следит за туристами. И если кто-то пришел посмотреть на кошек, а не на дом, он их вышвыривает прочь.

Уже рассказать обо всем было облегчением, потому что предписывалось вести себя так, будто ничего необычного не происходит.

- И когда он разошелся? – поинтересовался Сэм.
- На прошлой неделе. За пару дней до Нового года.

Сэм оглянулся на Дина:

- Когда девушка погибла.
- Какая девушка?
- Не важно, – отмахнулся Сэм. – Не знаете, когда он снова покажется?

Дэвид хотел сказать, что без понятия, но Дин заявил «Сейчас устроим!» и повысил голос: – Да ладно, Сэмми! Если нет кошек, можно пилить домой! Зачем кому-то нужен этот старый замшелый писатель? Мы же пришли специально, чтобы поглядеть на классных кошек!

Дэвид зажмурился:

- Сейчас вы его услышите.
- Услышим? – удивился Сэм. – Не увидим?

Дэвид приоткрыл глаза и увидел озадаченное лицо Сэма:

- Точно. Когда он выкидывает отсюда народ, он невидимый, а если просто хочет поорать... а он здоров орать, уверяю... тогда его можно увидеть.
- Отлично, – подытожил Дин. – Значит, у них есть какой-то предел.
- Пределы – для живых, мальчишка, – сказал чертовски знакомый голос.

Братья начали озираться, но вокруг было пусто. Дин бросил взгляд на брата:

- Сэм!

Но младший Винчестер сам выдернул из футляра два обреза и бросил один Дину, который поймал его одной рукой. Дэвид ударился в панику: оружие в этом здании можно было

достать только в личной коллекции Хемингуэя. Вскинув обрез, Дин принялся разворачиваться вокруг своей оси, целясь в пустоту:

- Где ты прячешься, мертвый ублюдок?
- Впечатляет, – воздух дрогнул, и прямо перед старшим Винчестером соткалась человеческая фигура. – Сам переделывал?

Вопрос застал Дина врасплох:

- Э... ну да, сам.

А Сэм тем временем прицелился и выстрелил – у Дэвида аж в ушах зазвенело. Его отец увлекался охотой и просвещал Дэвида (*совершенно такими делами не интересующегося*) насчет всевозможного оружия. Покинув родительский дом, Дэвид с наслаждением забыл практически все, но знаний хватило, чтобы понять: обычно ружья так не стреляют. Обрезы были явно заряжены чем-то сыпучим: то ли песком, то ли солью. Что бы это ни было, оно оказало на мистера Хемингуэя неожиданный эффект: призрака буквально разнесло на куски, причем сопровождалось это такими воплями, что не отошедший от выстрела Дэвид оглох окончательно. Сквозь звон в ушах, отчего все другие звуки отдавались эхом, будто в туннеле, Дэвид услышал, как Дин сказал:

- Знаешь, меня все эти разговоры сбили с толку. Ему что, в самом деле понравился мой обрез?

/p>Будучи истинным экскурсоводом даже в шоковом состоянии, Дэвид объяснил:

- При жизни мистер Хемингуэй был знатоком огнестрельного оружия.

Он сказал это не вполне осознанно, собственный голос прозвучал прерывисто и на тон выше, чем обычно; ноги будто приросли к полу, а в ушах все еще звенело. Он бы двинулся с места только с дулом у виска, что в данной ситуации не казалось таким уж невыполнимым.

- Больно! – завопил голос Хемингуэя.

Сэм снова вскинул обрез:

- Определенно сильное колдунство.
- О да, – Дин тоже подобрался.
- Эй! – ожил Дэвид. – Сюда нельзя с оружием!
- Каменная соль рассеивает призраков, – объяснил младший Винчестер.
- Правда? – опешил Дэвид.
- Ага. Обрезы заряжены солью, так что никто не пострадает.

Дэвид хотел возразить, что даже соль может причинить немаленький ущерб, если ей стрелять, но тут снова раздался голос:

- Вы... меня... подстрелили!

Голос оставался бесплотным, и Дэвид беспокоился, что призрак перейдет к активным действиям.

- Именно! – выкрикнул Дин. – Считай это мстью за всех детишек, которые корпят в школе над «Старик и море»^[28]!
- Стрелять... в человека... в собственном... доме!
- Нет, стрелять в призрака, терроризирующего музей. Выходи, папаша! Сразись со мной, как настоящий мужик!

Дэвиду казалось, что дальше паниковать уже некуда, но все-таки он запаниковал еще сильнее, ибо давить на мужественность мистера Хемингуэя было действительно плохой затеей.

- О... непременно, мальчишка... будь уверен. Очень... очень... скоро...

На последних словах голос затих и совсем сошел на нет.

- Думаю, пока мы его прогнали, – сказал Сэм. – Просто времени больше заняло.
- Ага, но сдается мне, он придет в себя быстрее, чем положено, – он оглянулся на Дэвида.
- Надо посолить и сжечь кости. Где он похоронен?

Дэвид потупил с полсекунды и пробормотал:

- В... в Айдахо.
- Черт.

Сэм подошел к Дэвиду и заглянул ему в лицо уже не требовательно, а просительно:

- Слушай, Дэвид, мы остановились в «Нейлор-Хаус». Знаешь, где это?

Дэвид нервно кивнул.

- Если призрак вернется, позвони туда и дай знать владельцам, ладно?
- Х-хорошо.
- Стоять, ни с места!

Дэвид развернулся и увидел в дверях офицера Монтроза с пистолетом наизготовку:

- Парни, бросайте пушки и руки за голову.
- Офицер... – начал Сэм, но Монтроз перебил его:
- Я не сказал трепать языком, я сказал бросить ружья и заложить руки за голову! Живо!

Братья подчинились.

- На колени и пальцы в замок, – приказал Монтроз.

Они снова сделали, как сказано, причем Сэм выглядел смирившимся, а Дин – обозленным.

- Дэвид, я слышал выстрел. Что тут произошло?
- Эти парни стреляли... стреляли солью... в, понимаете, в... в ЭТО, – даже в разговоре с Сэмом и Дином Дэвид не мог заставить себя вслух выговорить «привидение мистера Хемингуэя».
- Солью? – переспросил Монтроз. – Уверен?

Дэвид быстро закивал.

– Ну ладно, – Монтроз зашел сзади и, опустив руки Сэма к пояснице, защелкнул на них наручники, потом проделал то же с Дином и вздернул обоих на ноги. – Пойдемте, прокатимся, ребятки.

Дэвид сглотнул. Звон в ушах наконец пошел на убыль, и звуки начали восприниматься нормально.

– Дэвид, все хорошо?

– Не совсем... Я... я вам еще нужен?

– Если понадобится, зайду попозже, договорились?

Дэвид кивнул, но не мог сдвинуться с места еще несколько минут после того, как офицер вывел братьев из музея.

Для Дина наручники были совсем не в новинку. Он не раз оказывался в браслетах – и при арестах, и при умеренно экзотических знакомствах. Он усвоил, что дергать руками бесполезно: только больнее будет, когда наручники врежутся в запястья. Дин не слишком заморачивался болью – у него был довольно высокий болевой порог – но и мазохистом себя не считал, поэтому, оказавшись в наручниках во дворе музея, не пытался ни сопротивляться, ни жаловаться.

Сэм не водил близкого знакомства с наручниками: он реже оказывался под арестом и не искал разнообразия в сексуальной жизни, поэтому продолжал трепыхаться, когда офицер подтаскивал их к автомобилю, припаркованному перед музеем.

Неожиданное получилось осложнение. Братьев разыскивало ФБР, и агент Хендриксон просто сгорал от желания снова наложить на них загребушие ручки. Дин не мог винить Хендриксона: такова была работа федерала, к тому же с точки зрения федерального агента, который не знал реального расклада дел, Дин был чокнутым серийным убийцей, а Сэм его подельником. И все-таки старший Винчестер предпочел бы с ним не встречаться. Хендриксон сделал выводы из ошибок, допущенных в Милуоки^[29], и перестроил план игры, когда они снова столкнулись в Грин-Ривер^[30]. Надо думать, в следующий раз он научится на новых ошибках, допущенных в Грин-Ривер, и сделает их жизнь еще сложнее. А значит, надо как-то избегать знакомства с копами Ки-Уэста. Вот хотя бы с этим конкретным копом – по плоскому лицу, большому носу, иссиня-черным волосам и забавной манере произносить гласные Дин опознал в нем коренного американца, возможно, семинола или кого-то в том духе. Единственное, что придавало старшему Винчестеру бодрости, это то, что полицейский даже не потрудился обыскать их – значит, он не слишком-то профессионален и можно будет попытаться удрать. Монтроз усадил их назад, а оружие положил на переднее сиденье рядом с собой, проверил оба обреза, хохотнул и завел автомобиль. Дин услышал, что двигатель немного «покашливает», и подумал, что неплохо бы его проверить, но не собирался делиться своими наблюдениями с копом.

– Где вы остановились? – поинтересовался офицер.

– Прости, но я воспользуюсь своим правом хранить молчание.

Полицейский пожал плечами:

– Отлично. Выброшу вас, где придется.

– Чего? – удивился Дин.

– Парни, вы бегаєте с заряженными солью ружьями. Это значит, вы или психи, а в таком случае я не хочу возиться с бумажками, или вы охотники.

События снова приняли неожиданный поворот. Винчестеры обменялись озадаченными взглядами.

– Ну...

– У меня приказ не трогать охотников. Тут бывает много вашей братии.

– Да-да, – ожил Дин. – Мы охотники. Здесь развелось много...

– Да, знаю. Слишком много привидений. Я так и думал, что кого-нибудь из ваших можно ждать на днях. Сегодня закрыли Малый Белый дом после того, как туристы увидели Гарри Эс собственной персоной, играющего в покер.

Дин грешным делом подумал, как бы было круто сыграть в покер с привидением Гарри Трумэна, но быстро отогнал эту мысль.

– Надо там пошуровать, – проговорил Сэм.

– Не советую, – офицер свернул на Вирджиния-стрит. – Имейте в виду, что президент и прочие большие шишки там все еще бывают, и спецслужбы не дремлют. Если дом закрыли, то уж наверняка.

– Будем иметь в виду, – кивнул Сэм. – Кстати, мы остановились в «Нейлор-Хаус».

Полицейский улыбнулся:

– Хорошее место. Передавайте привет Ники и Бодж.

Они раздражающе медленно ползли по Дюваль-стрит. На улице было полно народу, перебегающего из бара в бар, и даже полицейская машина не могла заставить другие автомобили двигаться быстрее.

– А этот приказ... – медленно проговорил Сэм. – Он всех местных копов касается?

– Некоторых, – полицейский снова улыбнулся. – Тех, кто в курсе, что здесь на самом деле творится.

– А вы, случаем, не знакомы с МакБейн из Нью-Йорка? – продолжил расспросы Сэм. – Или с Баллард из Балтимора?

– Не-а. А что?

– Да ничего.

Дин хмыкнул. МакБейн из Нью-Йоркского отделения полиции состояла в организации, которую она называла сетью полицейских – туда входили копы, знающие о существовании сверхъестественного. Впрочем, громкое слово «сеть» обозначало всего трех-четыре человека, включая Баллард, женщину-полицейского из убийного отдела, с которой братья столкнулись в Балтиморе. Видно, Сэм подумал, что этот коп имеет какое-то отношение к сети. А Дина это не интересовало: он предпочитал двигаться на пару шагов впереди правоохранительных структур, которые по большей части не могли принять то, с чем Винчестеры встречались каждый божий день. В свою очередь, надо признать, братья сами едва ли сладили бы с убийцами-наркоманами, так что у каждого была своя работа. И когда каждый занимался своим делом, жить было куда легче.

Наконец, они выехали на Итон, и полицейский припарковался около дома с башенкой. Он открыл дверцу, освободил братьев от наручников и вернул им оружие вместе с двумя визитными карточками.

– Моя фамилия Монтроз. Если что-то понадобится, здесь записан мой телефон.

Дин не собирался воспользоваться предложением, но Сэм поблагодарил:

– Спасибо большое.

– Эй, и примите-ка душ. Вами вся машина провоняла.

Когда офицер уехал, Сэм признал:

– Офицер Монтроз прав. Мы действительно не розами пахнем.

Они в самом деле мылись последний раз еще у Бобби, так что Дин скрепя сердце был вынужден согласиться, хотя в жизни не высказал бы этого вслух.

– Отлично. Когда покончим с водными процедурами, прошвырнемся по барам.

– Дин...

– Слушай, мы же договорились осмотреть дом через улицу, правильно? С этим можно подождать до темноты, когда народу станет поменьше.

Младший Винчестер окинул взглядом подвыпившие толпы и согласился:

– Хорошая идея.

– И потом, – ухмыльнувшись, добавил Дин, – охота музычку послушать.

Сэм, естественно, закатил глаза. Старший Винчестер вздохнул, и братья вошли в гостиницу.

ГЛАВА 9

Том Трейси очень надеялся, что ему повезет.

Собственно, он и взялся работать на стройке в Ки-Уэсте потому, что именно здесь можно подцепить горячую девочку – не зря же тут снимали сериал «В гостях у сказки»^[31]. План был прост: затащить в кровать столько красивых цыпочек, сколько получится, заснять это дело (*или хотя бы просто цыпочек, если они не согласятся фотографироваться голышом*), а фото отослать бывшей подруге. Да, именно так. Мисси ляпнула, что порвала с ним, потому что он не блещет в постели, и это заявление просто вывело Тома из себя.

«Сука, я тебе покажу «не блещет в постели!»

Пока везло не так сильно, как хотелось бы. Первую гостью, которую он привел в снятую на время работы маленькую мансарду, вывернуло еще на лестнице, и она настояла на том, чтобы вернуться в отель. Вторая отрубилась, едва успев раздеться. Правда, Том сфоткал ее голую в постели, решив соврать, что это было уже после того, как они переспали. Третья красотка оказалась трансвеститом. Том не смутился и сфотографировал и его, просто чтобы окончательно задурить Мисси голову, но прыгать в постель с этим было уже слишком. Кстати, парень ни капли не обиделся и даже порекомендовал ресторанчик со стейками на Кау-Ки. Расстались они друзьями.

Сегодня Том твердо решил, что наизнанку вывернется, а кого-нибудь найдет. Он начал с «Уистл», а потом переместился в бар «У Рика». Огромный комплекс включал несколько

танцполов на разных уровнях, и на одном из них диджей крутил клубную музыку. Том не был любителем, но студентки ее обожали, и Том рассудил, что если присоединиться к какой-нибудь девчонке на площадке, то можно сделать ее номером четвертым в своей коллекции и уложить, наконец, в койку, черт бы ее побрал! Кроме того, этот диджей точно не поставит «Brown-Eyed Girl». Том не сомневался, что еще не раз и не два услышит эту проклятую песню.

Первые несколько девиц, с которыми он пытался потанцевать, отстранялись, но одна, кажется, искренне наслаждалась его вниманием: эдакая красотка с хвостом темных волос, при каждом движении головы бьющим по шее, карими по-кошачьи вырезанными глазами, острым носиком и восхитительными скулами. Она двигалась в такт музыке настолько самозабвенно, что Том даже засомневался, что сумеет привлечь ее внимание. Но через минуту девушка начала кружить около него, не дотрагиваясь, но притираясь, как стриптизерша на коленях у клиента. А что, по авторитетному мнению Тома, она вполне могла бы танцевать в стриптизе – с ее-то весьма женственной фигурой (*по меньшей мере четвертый размер, плоский живот и в меру широкие бедра*). Девушка носила свободную белую маечку на бретелях (*а под ней лифчик, который явно не справлялся с этим самым четвертым размером*) и джинсовые шорты. У нее были роскошные ноги и сияющая улыбка, которой она тут же одарила Тома.

Так они протанцевали две композиции, все ближе подходя друг к другу. От нее пахло текилой и свежим потом, а еще она открыто поглядывала на его грудь и накачанные руки. В начале новой песни Том решил взять инициативу на себя. Он наклонился к ее уху, перекикая музыку:

– Можно тебя угостить?

Девушка, ослепительно улыбаясь, кивнула. Том схватил ее за руку и через толпу танцующих отбуксировал к ближайшему бару:

– «Джек Дэниэлс», не разбавленный, а леди по ее желанию.

– Леди желает текилу, – проговорила она чуть хриловато: наверное, провела здесь не один час, и часто приходилось перекикивать грохот музыки.

Он протянул руку:

– Я Том.

– Тереза. Ты классно танцуешь.

– Ты тоже, – не остался в долгу Том. – А еще у тебя потрясные глаза.

Она рассмеялась:

– Да, ничего себе. Но сиськи круче. А главное, все свое родное.

«Положим, я хотел подойти к этому постепенно, но так тоже сойдет...» К тому же, теперь Том мог бросить притворяться, что не таращится на ее грудь.

– Это же просто отлично.

Бармен подал напитки, и Том расплатился наличными: он не собирался оставаться здесь достаточно долго, чтобы вписывать заказы в счет. Им обоим здорово надоело кричать, тем более у Терезы все больше садился голос. Том попросил для нее стакан воды со льдом, и

они переместились к отдаленным от диджея и танцплощадки столикам, где можно было нормально поговорить. Поблизости продавали пиццу и мороженое. По соседству сидели люди, которым понадобилось отдохнуть от танцев, перекусить и пропустить стаканчик.

Скоро Том узнал, что Тереза работает ассистентом бухгалтера в Майами, но подумывает уволиться и податься в модели:

- Мои фотки уже висят на нескольких сайтах. Можно неплохо заработать, и потом, работать секретарем – такая скукотень! А мой босс полный придурок.
- Из тебя бы вышла отличная модель.

Она снова улыбнулась:

- Из тебя бы тоже. Качаешься?
- Мне и не нужно. Я работаю строителем.

Ее глаза стали большими, как блюдечки, а губы округлились:

- Серье-е-езно? Классно!
- Мы строим дом на Саут-стрит на месте разрушенного «Катриной». Какие-то богатеи выкупили участок, снесли развалины, и моя компания возводит новый дом. Там будет круто.
- Отвезешь меня туда?

Том моргнул:

- Ээ...
- Обожаю новостройки! Они меня реально заводят. Все так многообещающе. Обожаю представлять, как там все будет выглядеть.

На «реально заводят» Том и попался. Заглотавав остатки виски, он выпалил:

- Пойдем!

Она буквально завизжала от радости – в обычной жизни Том такого ни разу не слышал.

Стройка располагалась на южной окраине острова, так что пешком дотуда было далековато, и он вызвал такси на Уайтхолл, потому что по Дюваль-стрит машина пробиралась бы целую вечность. Том быстро усвоил, что стоит отойти на квартал от главной улицы – и картина откроется совершенно другая. Тереза цеплялась за него всю дорогу, а в машине чуть ли не вскарабкалась ему на колени. Том только жалел, что камера осталась дома.

«Ну и черт с ней. Можно на телефон снять. Качество не ахти, но эта леди-огонь затмит все...»

По идее, гулять по стройке ночью запрещалось, но охраны тут не было. Том никогда не занимался сексом на стройке, даже в голову не приходило. Все же строительство – это работа, а секс – развлечение. Их мешать не положено. Так, по крайней мере, думал Том. Неважно.

Сдвинув брезент, защищающий будущее здание от осадков, Том провел Терезу внутрь – они просто прыгнули в котлован. Том мог бы помочь ей спуститься, но ему понравилось, как качнулись ее груди, когда она приземлилась. Оторвав взгляд от фантастического зрелища, Том обвел площадку рукой:

– Здесь будет фундамент. Мы...

– А там что?

Том понял, что девушка показывает на что-то на земле. Он пригляделся и различил конец кости, выглядывающий из песка.

– Да, странно, – он подошел, присел и начал разгребать землю.

– Наверное, здесь кто-то закопан!

Том не возражал. Если здесь кто-то закопан, то полиция начнет расследование, строительство затянется и тогда можно будет подцепить больше девушек и отплатить Мисси сполна. Так что он принялся копать дальше, находя все новые кости.

– Ух, ты, – прокомментировала Тереза. – Потрясающе.

– Ага, – Том полубовался ее восторженным лицом и принялся гадать, неужели он снова пролетит с сексом, только на этот раз из-за того, что девица истекла слюнками по кучке костей.

Теперь они копали вдвоем – Том походя впечатлился тем, что Тереза ничуть не жалеет свой первоклассный маникюр – и вытаскивали все больше костей. Уже можно было различить несколько рук, пару черепов и какие-то другие человеческие запчасти.

– Наверное, это индейское захоронение! – с придыханием выговорила Тереза.

«Господи, только не это!»

В таком случае стройку прикроют. Если кости принадлежат семинолам или другим индейцам, то вмешаются местные племена, и здесь начнется порядочная буча. Строительство отложат на годы.

– Слышишь? – вдруг спросила Тереза. – Что это?

Том ничего не слышал, но, когда девушка спросила, тоже расслышал низкое гудение:

– Не знаю.

И внезапно на него навалилась усталость. Как будто всю энергию разом выкачали. Это как в два раза дольше проработать, только гораздо хуже.

«Боже, как хочется спать...»

Он с трудом удержал глаза открытыми и посмотрел на Терезу, которая тоже выглядела сонной.

«Да что происходит, черт возьми?»

Тереза покраснелась, а потом ее кошачьи глаза распахнулись во всю ширь, рот приоткрылся, а кожа... А кожа пошла морщинами.

«Что за...?»

Опустив взгляд на собственные руки, Том увидел, что кожа на них увяла и повисла на костях.

«Невозможно!»

Тереза уже кричала. Ее щеки обвисли, лицо осунулось, кожа обтянула череп. Под майкой можно было ясно разглядеть ключицы и ребра, грудь опала...

Том тоже закричал было, но просто не осталось сил. Он так устал... не мог даже руку поднять.

Последнее, что он услышал – на незнакомом языке, но почему-то понял – было: «Наконец-то!»

ГЛАВА 10

– Тебе никто не говорил, что у тебя потрясающие голубые глаза?

Если отвечать по правде, следовало бы сказать «нет», потому что глаза Дина голубыми не были, и он вообще не понимал, как можно решить, что у него голубые глаза. Но этот вопрос задала пресимпатичная цыпочка, поэтому Дин широко улыбнулся ей:

– Ну, спасибо!

Кроме того, прокричать благодарность было легче, чем на повышенных тонах объяснять, что на самом деле глаза у него каре-зеленые, потому что дело было в салуне «У капитана Тони» и местная кавер-группа очень громко играла классический рок. Дин сидел у стойки, наслаждаясь любимой музыкой и видом красивой девушки, которая только что сделала ему комплимент.

Чуть позже они с Сэмом проверят дом на Итон-стрит, в котором погибло два человека. Пока Дин чинил сканер ЭМП, Сэм поколдовал над ноутбуком и выяснил, что жертвы были обнаружены с разможенными черепами, но убийца не оставил никаких следов – полиция нашла только солому из кукольной набивки. Ники и Бодж рассказали легенду, по которой кукла из башенки была одержима призраком. Если активность этого призрака подхлестнуло то же, что привидения Нейлора и Хемингуэя, оно вполне могло оказаться причастным. Тем более, что солому нашли на обоих телах, а в башенке лежал только труп девушки – парня пристукнули на первом этаже, вдали от куклы.

Но это потом. А пока Дин вытолкал вопящего и сопротивляющегося брата в одно неплохое местечко за углом бара «У Слоппи Джо».

– Видишь ли, Сэмми, – объяснял он по пути к Грин-стрит, – «У Слоппи Джо» – это натуральная ловушка для туристов. Они там обедают, потому что где-то рядом, понимаешь ли, проходил Хемингуэй. Напитки дорогущие, потому что с наценкой продают... Нет уж, если хочешь по-настоящему хорошо провести время, ты пойдешь в бар «У капитана Тони», – он указал на дверь, к которой они приближались. – Владелец был

когда-то мэром, а внутри растёт пара деревьев, причем одно из них было местным деревом висельников.

– Правда? – этот факт неожиданно вызвал у Сэма нездоровый ажиотаж.

Внутри бар представлял собой большой прямоугольник с сиденьями по всем четырем сторонам. Слева, за деревом висельников, стояли столики и стулья; открытая танцплощадка выходила прямо к сцене, на которой группа в составе пяти музыкантов как раз перешла с «House of the Rising Sun» на «Like a Rolling Stone»^[32]. Справа несколько ступеней вели к площадке, занятой двумя бильярдными столами и телевизорами, показывающими спортивный канал. Владельцы не одобряли игру на деньги, поэтому Дин не видел в здешнем бильярде никакой пользы, тем более что столы нестандартного размера всегда мешали ему играть. Стены от пола и до самого потолка были покрыты визитками, а кое-где свисал лифчик-другой.

– Так вот почему ты сюда так рвался, – протянул Сэм, заведя лифчики.

Было за половину третьего, и один из барменов объявил, что можно последний раз заказать напитки. Дин потягивал пиво, а его новая знакомая – он, хоть убей, не мог вспомнить ее имя – заказала джин с тоником. Группа доиграла песню, закончив длинным соло, и певец объявил сквозь аплодисменты:

– Еще одна, и мы заканчиваем. Напомню, здесь играет «Grande Skim Latte», и спасибо, что были сегодня с нами! Спокойной ночи, Ки-Уэст!

Еще порция аплодисментов – и группа начала исполнять «Devil with the Blue Dress»^[33].

– Эй, Дин, – позвала девушка. – Ты надолго здесь?

А Дин-то надеялся, что она тоже не вспомнит его имени. У нее были прямые каштановые волосы, собранные в длинный хвост, карие глаза, как у олененка, и полные губы. Короткие розовые шорты открывали великолепные ноги, а ногти на ногах и на руках были покрашены в тон – розовым с блестками. Белая футболка казалась минимум на полразмера теснее, чем надо бы, но Дин не жаловался: под футболкой ясно проглядывались очертания бюстгалтера.

– Не знаю точно. Мы с братом обычно вперед не загадываем. Посмотрим, как получится.

– Кажется, я знаю, как получится, – ее ладонь легла ему на ногу и медленно поползла к внутренней стороне бедра.

Дин улыбнулся:

– А ты здесь надолго?

– На праздники.

«Есть!»

– Слушай, сегодня у меня дела... и потом тоже, но может, встретимся здесь в субботу вечером?

Девушка наклонилась ближе, и Дин втянул носом смесь запахов джина, пота и цветочных духов (*оччень возбуждающая комбинация!*)

– А если я за это время найду кого-нибудь получше?

«Grande Skim Latte» перешла на «Good Golly Miss Molly»^[34], и Дин понял, что они повторяют поппури, которое Брюс Спрингстин^[35] исполнял на концерте «No Nukes» в семидесятых. Значит, следующей песней будет «Jenny Take a Ride»^[36].

Дин придвинулся еще ближе, едва ли не коснувшись губами ее уха:

– Поверь мне, не найдешь.

Девушка широко улыбнулась, допила джин с тоником и вытащила из забавной сумочки визитку:

– Здесь мой телефон. Звони или набери СМС в любое время, если не дотерпишь до субботы. А может, тебе повезет, и в субботу вечером я буду здесь.

На карточке значилось «Сюзанна Халлас». Дин спрятал карточку и пообещал:

– Увидимся в субботу, Сюзанна.

– Люблю уверенных мужчин, – она погладила его по подбородку. – Кстати, в следующий раз надень что-нибудь полегче. В своих джинсах ты выглядишь, как распоследний турист, – и она ушла, напоследок бросив через плечо соблазнительный взгляд.

«Теперь остается надеяться, что к субботе мы управимся. Знал ведь, что это удачное место!»

В конце концов, если что-то изменится, всегда можно будет позвонить. Или набрать СМС, хотя такую форму общения Дин не понимал совершенно и полностью соглашался с высказыванием Джина Рамми из мультика «Гетто»^[37]: «Еще никто никогда не набирал ничего мало-мальски ценного большими пальцами». Старший Винчестер радовался, что Яфет позвонил: прощлая поездка с Сэмом была слишком краткой, а вот с папой они когда-то проехали замечательно.

Он уже и позабыл о местной «униформе»: футболка, шорты и шлепанцы (*или сандалии*). После той первой поездки Дин готов был побиться об заклад, что никто на острове не может похвастаться ни единой парой носков. Братья сложили рубашки в багажник Импалы, отдав предпочтение футболкам, но все же остались в джинсах, носках и ботинках. Оглядев публику в баре, Дин убедился, что они с Сэмом оказались единственными, кто не сверкал голыми ногами.

Группа тем временем сыграла «Jenny Take a Ride» и завершила выступление песней «Devil with the Blue Dress». Дин похлопал вместе со всеми остальными и подумал, что надо бы откопать кассету с тем поппури и послушать как-нибудь в Импале. Пока музыканты укладывали инструменты, со стороны бильярдных столов вернулся Сэм. Дин знал, что брат твердо намерен освободить его от условий сделки – настолько твердо, что даже застрелил демона перекрестка. Дин ценил его рвение, но не слишком-то беспокоился по поводу собственной судьбы. Он обманул смерть дважды: первый раз после удара током в Оклахоме, когда целитель вылечил его, но взамен погиб совершенно посторонний парень^[38], а во второй раз отец отдал свою жизнь за то, чтобы Дин выздоровел после аварии^[39]. Получается, со времен Оклахомы Дин жил взаймы, используя время, украденное у людей, которые, если честно, заслуживали жизни больше, чем он. В третий

раз Дин сам пожертвовал собой. Когда-то несчастный парень в Оклахоме и отец умерли, чтобы Дин мог жить; теперь Дин умрет, чтобы мог жить Сэм.

Старший Винчестер покатал в пальцах амулет, подаренный младшим братом в один из тех многочисленных рождественских вечеров, когда отец пропадал на охоте, а они сидели в мотелях вдвоем. Дин всю жизнь защищал Сэма и не собирался терпеть поражение, позволив брату умереть от глупого удара ножом в спину.

И вот теперь Сэм пытался спасти его. Дин не был бы собой, если бы не сделал все, чтобы уберечь братишку; Сэм не был бы собой, если бы не пытался выбить из судьбы тот счастливый исход, на который им даже не стоило надеяться.

– Ну что, у всех выиграл? – обратился Дин к брату, подошедшему с еще на четверть полной кружкой.

Сэм фыркнул:

- Ты же знаешь, что я профан в бильярде.
- Знаю, просто хотел, чтобы ты признал это вслух.
- Я просто смотрел, – Сэм залпом допил пиво.
- Ты бильярдный вуайерист, вот что, – ухмыльнулся Дин.
- Надыбался куда-то с девушкой в розовых шортиках?

Ухмылка сделалась еще шире:

- Ага. Встречаемся здесь в субботу. Я подумал, что мы успеем со всем разобраться.
- Надеюсь, – Сэм отставил кружку. – Ну что, готов продемонстрировать непревзойденные воровские навыки?
- Погнали.

В такой час, да еще после праздников, на Дюваль-стрит было не особенно много народу, хотя и отнюдь не пусто: по ней бродили небольшие группы пьяных гуляк и случайные прохожие. Большинство баров уже прекратили работу, и было странно видеть их с закрытыми воротами и окнами: теперь они выглядели не как симпатичные местечки, так и зовущие посидеть, а как обычные здания. Проходя мимо «Булл-энд-Уистл», Дин с удивлением обнаружил Яфета на прежнем месте.

- Эй, мужики! – позвал он. – Я надеялся, что вы пройдете мимо. У нас тут типа волнение в Силе^[40].
- В смысле? – переспросил Сэм.
- На стройплощадке по Саут-стрит. Там дерьмо какое-то творится, простите за мой французский. Двое залезли, а назад не вылезли. Там сейчас копы, но ненадолго, понимаете?
- Слушай, а ты знаешь копа по имени Ван Монтроз?
- Ага. Чувак из семинолов. Ничего себе, хоть и коп.
- Ему можно верить?

Яфет передернул плечами:

- Ну не знаю даже. Он же фараон, а им я верить не могу. Но для фараона он не плох.

Дин понял, что это самая лучшая рекомендация, которую удастся получить, и взглянул на брата:

- Хочешь заняться этим вместо потусторонней компании?
- Надо бы и то, и другое, – отозвался Сэм. – Может, поделимся?
- Нет уж, каждый раз, когда мы решаем разделить, все идет наперекосяк.
- Когда мы вместе, все тоже идет наперекосяк, – парировал Сэм. – Так какая разница? Мы же не в фильме ужасов, где всех съедают по одному.
- Парень, у нас вся жизнь – сплошной фильм ужасов, – Дин поднял руку, не желая слушать возражения. – Идем вместе и точка. Пошли, – он оглянулся на поэта. – Держи ушки на макушке, Яфет.
- А то, братишка! Эй, Сэмми, ты еще не читал стих?

Сэм вдруг занервничал:

- Ээ... пока нет.
- Ну ладно, скажешь потом, как оно, лады?
- Разумеется! – самым сладким голосом пообещал Сэм.

Когда они отошли, Дин поинтересовался:

- Что, такой хреновый стих?
- Даже хуже.

На Итон-стрит народу оказалось еще меньше. Заглянув в гостиницу за ЭМП, отмычками, фонариками и оружием, Винчестеры подошли к дому с башенкой. По улице кто-то прошел, и Дин тут же решил попробовать сперва заднюю дверь, но та была опечатана, тогда как парадная дверь просто заперта и поставлена на сигнализацию. Жаль только, с улицы открывался хороший обзор. Дин опустился перед дверью на колени и попросил:

- Сделай одолжение, прикрой меня и постарайся выглядеть повыше.
- Дин, мне не нужно выглядеть повыше, я и так высокий.

Сэм сказал это тем фирменным тоном, который всегда использовал, чтобы напомнить Дину, что он хоть и «младший братишка», но выше старшего сантиметров на семь-восемь. Будучи подростком, Сэм не гнушался хвастаться этим чуть ли не каждые пять минут: «Эй, Дин, я одолжу твою куртку? Ой, представляешь, она мне мала!» Однако сейчас Дин и слова не сказал бы, будь Сэм хоть Невероятным Халком:

- Так расправь, что ли, плечи!

На замок ушло около минуты, на сигнализацию – секунд десять. Дальше они двигались слаженно, прикрывая друг друга по очереди – так, как научил их отец, бывший морпех, как только мальчишки подросли достаточно, чтобы им можно было доверить оружие. Очень скоро Винчестеры убедились, что первый этаж чист.

- Надо поискать на месте их смерти, – предложил Дин, прикрыв дверь.
- Рискну предположить, кто-то умер прямо здесь, – Сэм ткнул пальцем в витрину: она была разбита, будто кто-то свалился сверху; две полки проломлены, на них, как и на осколках, остались следы крови, а третью полку, похоже, забрали полицейские эксперты.

Сэм принялся рассматривать номерные знаки с именами и прочий товар:

- Люди и правда покупают эту фигню?
- Туристы! – отмахнулся Дин.

Он достал ЭМП, зажмурился на всякий случай и включил приборчик. Убедившись, что ЭМП не собирается искрить или взрываться, он приоткрыл один глаз. Счетчик работал хорошо: Дин отрегулировал его, ориентируясь на самый высокий увиденный показатель, и, кажется, не ошибся. Открыв и второй глаз, старший Винчестер привлек внимание брата:

- Как и у Хемингуэя. Зашкаливает.
- Второе тело обнаружили наверху.

Дин оглянулся и увидел витую лестницу, ведущую в башенку:

- Пошли.

Деревянные ступени скрипели, но с этим ничего не поделаешь. В конце концов, дом был экспонатом потусторонних туров, так что скрипящая лестница только на руку руководству. Прикрывая друг друга, они преодолевали спираль за спиралью и в конце концов оказались перед деревянной дверью. ЭМП переливался огоньками.

- Наша маленькая жутенькая куколка определенно там.

Они вскинули обрезы, зашли с обеих сторон. Дин показал на пальцах «три-два-один», и братья ударили по двери.

Комната была тихая и какая-то странная: вся мебель выглядела слишком маленькой для человека, но чересчур большой для средней куклы.

- Похоже на кукольный домик для пластиковых фигурок Поля Баньяна^[41], – поделился Сэм, которому пришлось скрючиться в три погибели, чтобы войти.
- Или на жилище Билли Барти^[42], – Дину в этом смысле пришлось куда проще, и он не преминул подколоть брата: – Можешь подождать снаружи, пока мы, люди нормального роста, посмотрим, что да как...
- Очень смешно, Дин.

Хихикнув, Дин огляделся, но, кроме необычности самой комнаты, ничего странного не заметил: в отличие от беспорядка на первом этаже, здесь все было чистенькое и аккуратное.

- Ты уверен, что девушку убили здесь?
- Так было написано в отчете, – Сэм пробрался немного вдоль стены и оглянулся: – Эй, Дин!

Старший Винчестер поднял голову и увидел, что брат чуть прикрыл дверь, демонстрируя засохшую кровь с другой стороны.

- В медицинском отчете сказано, что удар по голове тупым предметом привел к образованию субдуральной гематомы^[43].
- Вот тебе и тупой предмет, – выдохнул Дин и обвел комнату лучом фонарика. – И где тот, кто ее толкнул?
- То есть?

- А ты посмотри вокруг: мебель есть, жильца забыли. Кукла-то где?
- Его зовут Рэймонд.

Дин взглянул на брата:

- У этой куклы есть имя?
- У большинства кукол есть имена.
- Откуда такие познания, интересно мне знать?

Сэм отделался раздраженным взглядом:

- По легенде кукла была проказливым духом. Она творила пакости, а шишки летели на ребенка. Когда мальчик вырос, то перестроил башенку под кукольную комнату. С тех пор кукла тут и живет, но говорят, время от времени безобразит.
- «Безобразит» – это мягковато для убийств.

Сэм пожал плечами и опустился на колени, чтобы взглянуть на кровь поближе:

- Ну, призрак Хемингуэя тоже не всегда впадал в ярость при упоминании кошек, – он взгляделся в деревянную поверхность. – Черт, тут, по крайней мере, четыре отпечатка. Это не просто убийство, ее конкретно молотили головой.
- Спасибо, Уильям Петерсен^[44], – пробормотал Дин. – Так где все-таки Рэймонд?

Дин обшарил лучом фонарика все углы, избегая только окна: свет мог подсказать жителям, что в башенке кто-то есть, и едва ли вся полиция Ки-Уэста окажется в сотрудничестве с Монтрозом. Нигде ничего, только миниатюрная мебель. Потом Дин посветил на потолок.

На стропилах сидела похожая на мартышку кукла в паричке а-ля «Битлз» и полосатой рубашке. Едва на нее упал свет, кукла бросилась на Дина. Старший Винчестер отскочил, вскинув обрез, но Рэймонд извернулся в воздухе и сбил его с ног.

«Откуда в этой малявке столько веса?» – удивился Дин, группируясь так, чтобы удар об пол пришелся на плечо. Опрокинутый на спину, он попытался отодрать от себя куклу, но та даже не двинулась и схватила его за виски. Сообразив, что кукла собирается расправиться с ним так же, как с несчастной девушкой, Дин хотел вскочить, но Рэймонд был слишком тяжел. Дину оставалось только изо всех сил напрягать шею, удерживая голову на весу.

- Дин! – увесистый ботинок Сэма сбил куклу, и она отлетела в сторону.

«А со шлепанцами такой трюк бы не прошел!» – Дин вскочил на ноги, а Сэм выстрелил в Рэймонда.

Но кукла нырнула за кресло, и весь заряд впустую ударил в каменную стену. Дин жестом показал, чтобы брат обходил кресло, а сам начал заходить с другой стороны. Все планы предательски портил скрипучий пол, и кукла наверняка знала, откуда приближаются противники. К счастью, сбежать в комнатке было особо некуда. Дин метнулся вперед, целя в пол, но куклы за креслом не оказалось. Вместо этого, взмахнув руками, на пол обрушился Сэм. Подбежав, старший Винчестер увидел, что кукла вцепилась ему в ногу. При падении Сэм не выронил обреза и теперь пытался достать куклу прикладом, но не мог ее оторвать. Дин подскочил и собственным обрезом огрел Рэймонда по голове,

заставив отпустить ногу Сэма. Кукла снова бросилась на Дина, но он отпрянул и, перехватив оружие, как бейсбольную биту, отправил Рэймонда в ближайшую стену. Едва кукла свалилась на пол, Сэм, не вставая, выстрелил. С черной вспышкой кукла разлетелась на куски, усыпав комнатку соломой и ошметками одежды.

– Ты как? – Сэм поднялся на ноги.

– Порядок. Надеюсь, призрак мертв и не будет лелеять планы мести, как Хемингуэй.

– Теперь на стройку, – Сэм вздохнул. – Знаешь, Дин, мне все больше кажется, что это демон, если не что похуже.

– Что похуже? Еще одно божество? – осклабился Дин.

– Может быть. ЭМП выходит из строя, призраки ведут себя как-то не так... Нужно разобраться, пока хуже не стало.

– Давай уже, – Дин вышел к лестнице, радуясь возможности распрямиться во весь рост. – Надо мотать, пока никто не доложил копам о выстрелах.

ГЛАВА 11

– Как предсказуемо, – пробормотал Сэм, выбираясь из Импалы, припаркованной напротив стройплощадки.

– Ты о чем? – Дин громко захлопнул дверцу.

Они подошли к багажнику.

– Мы в самой южной части самой южной точки континентальных Штатов. Неужели нельзя было назвать это место как-нибудь пооригинальнее, чем Саут-стрит^[45]?

Дин пожал плечами, перепроверяя обрез:

– Не очень оригинально, зато точно, – он закрыл багажник. – Как-то глупо говорить про континентальные Штаты. Мы ж на острове.

– Папа называл их «нижние сорок восемь».

– Да, но Гавайи – это самый юг, так что они «ниже» места, где мы сейчас. Вот и разбейся со всей этой самой южной фигней.

Сэм покачал головой:

– И о чем мы только разговариваем?

– Чувак, ты первый начал.

– Неважно, – Сэм посмотрел на плохо освещенную стройку и, услышав хлопанье ограждающей ленты, посветил на нее фонариком. – И совсем без охраны. Прямо-таки *laissez-faire*.

– А в Ки-Уэсте одна философия: дело будет трали-вали, лишь бы пива наливали. Наверное, они решили, что никому оно нафиг не нужно.

– Да, Дин, – с легкой улыбкой подтвердил Сэм. – Именно это и значит *laissez-faire*^[46].

– Сам знаю, дубина, – старший Винчестер направил луч брату в лицо, отчего тот зажмурился и прикрылся ладонью. – Я просто с тобой соглашаюсь.

– Да понял я, – отозвался Сэм, и Дин опустил фонарик.

Сэм сморгнул фейерверк искр и подивился, как крепко к старшему брату пристали старые привычки. В детстве Сэм любил учиться, а Дин скорее был из тех, кто колотит заучек и ненавидит признавать, что сечет в чем-то. Умные становятся изгоями – Дин сменил

достаточно школ, чтобы это понять, и в конце концов нацепил маску эдакого мужлана, не собирающегося ничего учить. Эта маска, к досаде Сэма, приросла к нему так крепко, что Дин порой разыгрывал дремучее невежество даже в тех вопросах, о которых на самом деле имел неплохое представление. В лепешку расшибался, только бы не выглядеть ботаником.

«Можно подумать, сейчас это имеет значение...» – с горечью подумал младший Винчестер.

Отгнав мысли, он пригляделся к стройплощадке. Работа здесь только-только началась: со своими несколькими сваями и наброшенным на них брезентом сооружение напоминало здоровенную палатку. Сэм приподнял край брезента и увидел, что стройплощадка представляет собой просто большую яму. Внезапно посыпались искры, и Дин громко выругался. Оглянувшись, Сэм увидел, что ЭМП выкинул ту же штуку, что и в доме-музее Хемингуэя.

– Чувак, я думал, ты его починил.

– Я починил, – зло отозвался Дин. – Подогнал под вдвое большее значение. Что бы тут не было, оно сильнее того, что стряслось у Хемингуэя и с Рэймондом.

Если учесть, что те призраки были мощнее среднего, ничего хорошего новость не сулила. Внезапно Дин проговорил скрипучим голосом с британским акцентом:

– Взгляни на кости!

Сэм уставился на него с разинутым ртом:

– Чего?

– Чувак, Священный Грааль?

Опознав в сказанном строку из фильма «Монти Пайтон и Священный Грааль»^[47], младший Винчестер успокоился:

– А, точно.

Дин закатил глаза:

– Это самое смешное кино за всю историю человечества, и все, что ты в силах родить, это «А, точно»? Сэмми, ты правда мой брат?

Проигнорировав подколку, Сэм последовал совету Тима Заклинателя^[48] (*в лице Дина*): в яме, выкопанной под фундамент, действительно лежали кости. Спрыгнув вниз, младший Винчестер принялся рассматривать склоны, пытаясь припомнить курс геологии:

– Дин, если я правильно распознаю породы, раньше здесь было мельче.

– То есть? – Дин спрыгнул к нему. – И с каких пор ты распознаешь породы?

– Если вспомнить вводный курс геологии, ясно, что камни были под землей долгое время. А значит, фундамент стоявшего здесь здания не уходил так глубоко.

– «Катрина», наверное, – предположил Дин. – Писали больше про Луизиану, но досталось всему побережью Мексиканского залива. Что бы тут не стояло, его смело начисто вместе с верхними слоями земли.

– Наверное, – согласился Сэм. – Потому что этим костям немало лет.

- Кае Везо, – проговорил Дин, – означает...
- «Костяной ключ». Знаю, – и он пояснил на удивленный взгляд брата: – Я же учился в Калифорнии, забыл? Подцепил немного испанского.
- Угу. Короче, остров так называется, потому что когда испанцы впервые прибыли во Флориду, весь остров был усеян костями. Тут жило какое-то нынче вымершее племя... анасази, что ли?
- Нет, анасази жили на юго-западе. Я попозже поищу.
- Не суть есть важно, – Дин оглядел стройплощадку. – Короче, кости по большей части принадлежали врагам племени, потому что своих племя хоронило глубже.
- Выходит, здесь десятки, если не сотни, костей погибших индейцев, а демон просто дал им заряд энергии?
- Ага. Чтобы с теми двумя не случилось, оно случилось один раз. Но может произойти снова.
- И что делать? Посолить и сжечь?

Дин оглянулся на брата:

- Повторюсь, Сэмми, взгляни на кости, – к счастью, на этот раз он не стал менять голос. – Тут торчат детали минимум пяти разных людей, и кто знает, что там глубже и по сторонам. Впору всю площадку жечь, мы соли не напасемся.

Сэму пришлось согласиться: он разглядел четыре правые руки и пять черепов. В данном случае, пришлось бы организовать чересчур масштабный поджог.

- Да, так просто все в кучу не соберешь.
- Точно. Давай вернемся в гостиницу, поспим, а завтра с утра нароем информации.

* * *

Назавтра Дин в досталь насиделся в Общественной библиотеке округа Монро. Из-за активно проведенной ночи они с Сэмом проснулись ближе к полудню и, накачавшись кофе, тут же отправились пересматривать всяческие записи. Библиотека располагалась на Флеминг-стрит, как раз всего в нескольких кварталах от «Нейлор-Хаус». Дин взялся разбираться с произошедшим на стройплощадке и просматривал газеты, выясняя, не было ли других одержимостей призраками или убийств. Сэм искал сведения об исчезнувшем племени. Они прервались на ланч, и Дин очень огорчился, узнав, что ресторанчика «Буфера» на Дюваль-стрит больше нет.

– Прямо сердце кровью обливается, – съезвил Сэм. – Идем. Бодж мне тут порекомендовала одно местечко.

- Когда успела?
- Дин, ты рядом со мной сидел, – Сэм улыбнулся. – Правда, это было до кофе.
- А, тогда все ясно.

Братья зашли, и миловидная главная официантка отвела их на балкон, огороженный невысоким каменным барьерчиком и уставленный металлическими столиками со стеклянными столешницами и плетеными металлическими стульями, которые хоть и врезаются в тело, но при этом умудряются оставаться удобными. Дин никогда не понимал, как такое может быть, и решил отнести этот факт к маленьким жизненным загадкам. С балкона открывался хороший вид на Дюваль. Залитая солнцем улица было спокойнее, чем вечером, но людей все равно оставалось достаточно, так как тут было

полно магазинов, ресторанов и музеев. Дин подумал, а не сходить ли на пляж – хотя погода была не слишком подходящая. Бесспорно здесь в разы теплее, чем в Южной Дакоте, но все-таки не пляжный сезон. Заказав два пива и порцию картошки фри с креветками, Дин спросил:

– Что у нас с племенем?

– Не густо, – вздохнул Сэм. – Племя называлось калуза. И про них известно, что о них по большому счету ничего не известно. Слыли жестокими воинами из-за традиции складывать в кучки кости врагов.

– Вот тебе и Кае Везо, – Дин улыбнулся другой (*не такой симпатичной, как предыдущая, но тоже ничего*) официантке по имени Паула, которая принесла пиво. – Спасибо.

Сэм тоже поблагодарил, а Паула улыбнулась Дину, продемонстрировав потрясающие зубы:

– Не за что. Если захотите что-нибудь, дайте мне знать, – и она, развернувшись, направилась в кухню.

Дин не стал упускать возможность полюбоваться тем, что так аппетитно обтягивали шорты. «Буфера, шмуфера...» – с улыбкой подумал он.

– Что у тебя в голове вообще? – поинтересовался Сэм.

Дин ухмыльнулся и потянулся за пивом:

– А ты ревнуешь?

– Упаси боже. Ладно, в общем, калуза жили на острове веками, сражаясь с другими племенами и европейскими поселенцами, но в восемнадцатом веке вымерли из-за эпидемии.

Дин покачал головой:

– Уловка с малярными одеялами^[49]?

– Нет, но стоило индейцу подхватить что-нибудь от европейца с учетом того, что у них не было иммунитета, и...

– Отличный диагноз, доктор Хаус^[50].

Сэм поджал губы:

– Ладно. А ты что нарыл?

– Мы не ошиблись насчет «Катрины». В две тысячи пятом на Саут-стрит много домов пострадало. Владельцы продали участок, и покупатели решили построить там новый дом. Теперь в бригаде сокращение: один из найденных трупов оказался строителем. Второе тело – женщина из Майами в отпуске.

Паула принесла корзинку, наполненную панированными креветками и картофелем фри, и чашку соуса тартар^[51].

– Спасибо.

– Еще что-нибудь желаете?

При других обстоятельствах Дин бы непременно пожелал, но они все-таки были на работе:

– Если понадобится, мы позовем вас.

Бутылочки с приправами уже стояли на столе. Дин схватил кетчуп и полил картошку. Сэм наблюдал за его действиями неодобрительно:

– Ты ешь картошку с кетчупом или кетчуп с картошкой?

– Какая разница? – Дин обмакнул поджаристый ломтик в кетчуп и отправил в рот. – Тела опознали только по документам. Они изменились до неузнаваемости.

– В библиотеке ловилась сеть, так что я полазил в интернете, – Сэм подбородком указал на ноутбук и обмакнул креветку в соус. – Про «неузнаваемость» все серьезно. Тела почти мумифицировались, только волосы остались прежними.

– Странно.

– Вообще-то нет, – Сэм проглотил еще одну креветку и проговорил лекторским тоном: – Хотя во всяких ужастиках и показывают обратное, на самом деле при внезапном старении волосы не седеют. Для этого нужно время.

– Спасибо, умник. Надо найти демона, который все это устроил. Бобби не звонил?

– Нет, но я оставил ему сообщение.

Дин немного подумал, сосредоточенно жуя:

– Ладно. Идем, осмотрим место, где девушке горло перерезали. Бьюсь об заклад, ее кровь и использовали для того, чтобы придать местным духам заряд бодрости.

– Не спорю. Но как найти этого демона?

Дин поскреб ухо:

– Большинство вырвавшихся из ворот демонов наверняка решили использовать все преимущества новых костюмчиков. Думаю, наш демон прибыл сюда не только с энергией поиграться, но и отдохнуть.

– Только не «наш демон». Их, скорее всего, двое.

– Что?

– Очевидцы утверждают, что незадолго до смерти девушка вышла из бара с престарелой парочкой. Полиция хотела допросить их, но до сих пор найти не может.

Дин злобно ткнул вилкой в очередную креветку:

– Что за новая мода «мы с Тамарой ходим парой»? То семь смертных грехов, то парочка в Огайо^[52], теперь здесь. С каких пор демоны доверяют друг другу?

Сэм пожал плечами:

– Может, они так много времени провели в аду, что завели отношения? Короче, не знаю, но придется признать, что их двое. И если твое предположение насчет преимуществ костюмчиков верно, то они скорее всего остановились в роскошном отеле.

– Самый лучший отель – «Хаятт» на Фронт-стрит, – Дин хмыкнул. – Кстати, девушка погибла примерно в квартале оттуда.

– Похоже на план.

* * *

До нынешнего вечера Сюзанна Халлас никогда не считала себя несерьезной. Она отлично проводила время в баре «Причал для шхуны», слушая местного исполнителя – немолодого человека с седыми волосами и бородой; он пел, как Хэнк Уильямс^[53], только не так напряженно. Например, в одной песне, «Tourist Town Bar», он пел про свою работу, а в другой – очень смешной, «She Gotta Butt», – про женщину с большим задом. Песня Сюзанне приглянулась, потому что ее будто написали про нее, Сюзанны, мамашу. Перед закатом певец ушел, и осталась только музыка из автомата – до темноты, а потом на сцену поднимется какая-то группа. Сюзанна заказала пиво: до сих пор она пила «Колу», потому что искренне считала, что алкоголь стоит покупать только в темное время суток. Все соседние столики были заняты, а она сидела одна, пока к ней не под села веселая парочка – Альберто и Федра. Они предложили ей что-нибудь покрепче. Обычно Сюзанна выпивала четыре джина с тоником, прежде чем начать терять связь с реальностью (*а то и детали гардероба*), но тут ее повело уже на первой порции.

– Мне... мне нехорошо, – сказала она Альберто, обладателю очень сексуального акцента.

Если бы не его жена, Сюзанна бы за ним приударила. Да, она обещала встретиться с Дином, но то будет только через два дня, в субботу, и как бы не были хороши у Дина глаза, улыбка и мышцы, Сюзанна все же жила сегодняшним днем.

Впрочем, в данный момент она не думала ни о чем. Обстановка бара вращалась вокруг нее, а из горла медленно поднималась желчь. Альберто крепко схватил ее за руку, и она буквально обрушилась на него всем весом.

– Пойдем, – проговорил Альберто. – Мы отведем тебя в наш номер. Мы остановились в «Хаятте».

Сюзанна промолчала, сосредоточившись на том, чтобы не перепачкать весь пол. Сама она жила у черта на куличках, в мотеле на шоссе номер один, на другой стороне моста из Сток-Айленда. Мотель выбирала дура-кузина, и Сюзанна пообещала себе больше никогда с ней не ездить. Какой смысл приезжать в Ки-Уэст и селиться так далеко от Дюваль-стрит? То ли дело «Хаятт», который располагался в каком-нибудь квартале отсюда. Но прямо сейчас Сюзанна желала только одного – оказаться в объятиях белого друга, а туалет бара не казался ей подходящим местом. Путь до отеля стерся из ее памяти напрочь – только звон кнопки вызова лифта эхом отозвался в черепе.

«Боже, опьянеть не успела, а уже похмелье...»

Сюзанна в первый раз за всю дорогу открыла глаза, и тошнота набросилась на нее с удвоенной силой. Едва Федра открыла дверь, Сюзанна рванулась в номер и понеслась к ванной. По пути она заметила, что на двери комнаты висит знак «НЕ БЕСПОКОИТЬ» (*зачем? там ведь пусто!*) и что кровать отодвинута к стене (*вечеринка была?*), но больше всего хотелось добраться наконец до чертовой ванной. Едва Сюзанна переступила порог, ее желудок понял, что цель близка, и взбунтовался. Сюзанна в панике чуть ли не свалилась около унитаза, откинула крышку, открыла рот – и ничего, как она ни тужилась. На ее горячую шею легла холодная ладонь Альберто:

– Идем, Сюзанна. Мы разберемся с твоим недомоганием.

«Господи, почему меня просто не стошнит?»

Сюзанна знала наверняка: если ее вырвет, станет легче. Так всегда бывает, потому что рвота – это худшая вещь в мире, и ничего с этим не поделаешь.

Альберто поставил Сюзанну на ноги, но та сразу же обрушилась на пол. Ноги были словно ватные, и если бы Альберто не подхватил ее, она бы разбила голову об раковину или унитаз. Альберто практически понес Сюзанну в комнату, и ее босые ноги (*почему босые? а куда делись сандалии?*) волочились сначала по линолеуму, а потом по ковру. Касания шершавого ворса позволили ей чуточку сосредоточиться. По всему полу стояли зажженные черные свечи. Сюзанна в жизни бы не подумала, что проторчала в ванной так долго, что Федра успела расставить их и зажечь. Наверное, ощущение времени тоже пострадало.

– Все будет хорошо, – мягко прошептал Альберто ей на ухо и потащил к приколоченной к стене спинке кровати.

На ней было что-то нарисовано темно-красным. Звезда Давида? Нет, не так. Может, пентаграмма? В колледже соседкой по комнате у Сюзанны как-то была викканка^[54] по имени Стэфани. Впрочем, ничего подобного Сюзанна за ней не замечала. Стэфани просто держалась особняком и постоянно жгла благовония, что было очень даже мило. Кстати, тут тоже что-то горело, и Сюзанне захотелось немедленно зажечь какую-нибудь ароматическую палочку.

«Боже, где я?»

Она попыталась заставить себя соображать, но мозг просто не работал. Потом слышались странные звуки.

«Нет, это... Альберто. Что-то бормочет...»

В свое время толстозадая мамаша отдала дочурку в частную старшую школу, и тамошние уроки позволили Сюзанне опознать в скороговорке латинский язык, хотя разобрать слова не получалось. Федра оглянулась и посмотрела на Сюзанну темными глазами... не просто темными – матово-черными. Ни радужки, ни зрачка – сплошной черный цвет.

Ничего страшнее Сюзанна в жизни не видела. И не увидит больше.

* * *

Когда братья поели (*а Дин обнаружил на чеке телефонный номер Паулы*), они вернулись в «Нейлор-Хаус» переодеться. Именно этот самый момент капитан Нейлор выбрал для появления:

– Прошу прощения, мистер Винчестер, позвольте поинтересоваться, как продвигается?

Дину не особо хотелось отвечать, но капитан принимал участие в их затее, так что имел право знать.

– Мы думаем, что демон применил заклинание, делающее таких привидений, как вы, более сильными.

– Зачем? – удивился Нейлор.

– Черт, мне бы знать... это мы с братом и пытаемся выяснить, – Дин принялся завязывать галстук. – Не дергайтесь, кэп. Мы со всем разберемся, и вы получите свою награду.

– Надеюсь, мистер Винчестер. Я и так был привязан к этому месту адски долго, а теперешнее осознание только делает все хуже.

Дину действительно стало его жаль.

Упаковавшись в костюмы и вооружившись фальшивыми удостоверениями, Винчестеры сели в Импалу и, выехав на Фронт-стрит, остановились на парковке около гостинично-оздоровительного комплекса «Хаятт Ки-Уэст».

– Знаешь, – Дин оттянул галстук. – Могли бы и пешком дойти.
– И выделялись бы из толпы, мягко говоря, – не согласился Сэм. – И потом, здесь расплавиться можно. Влажность, как в преисподней.

Дин сомневался, что в аду высокая влажность, но промолчал. «Вот скоро и выясню наверняка», – с горькой усмешкой подумал он. Но вообще Сэм прав: люди скорее поверят, что ты – федерал, если ты не станешь обливаться потом. Да и бегать по улице в костюмах это все равно, что приделать к макушке мигалку. Хотя ехать оказалось не намного быстрее: ближе к закату все тянулись на набережную провожать очередной день.

Едва братья вошли, навстречу бросился консьерж с именем «ЮРИЙ» на бейдже. Он носил голубую рубашку, шорты-хаки и мокасины – одежды, настолько приближенной к деловой, Дин еще ни на ком здесь не видел.

– Добрый вечер, господа! Чем могу помочь?

Дин молниеносно показал удостоверение:

– Специальный агент Данко, специальный агент Хелм^[55]. Мы разыскиваем подозреваемых, которые, вероятно, проживают в этом отеле.

Юрий сглотнул и побледнел:

– О господи. Вы уверены?
– Более чем, – с каменным лицом подхватил Сэм. – Они оккультисты и практикуют сатанинские ритуалы.
– Позвольте, агент Хелм, – улыбнулся Юрий. – В своем номере люди могут заниматься чем угодно. Это их дело.

«Ох уж этот Ки-Уэст», – подумал Дин, припоминая разговор о невмешательстве. Упомянув сатанизм, Сэм надеялся раскрутить консьержа на негодование, но похоже, здесь ко всему относились легко. Однако младший Винчестер не растерялся:

– Но ритуалы включают убийства, сэр. Это как раз наше дело.

Теперь Юрий совсем спал с лица:

– Боже! Чем вам помочь?

Дин ободряюще похлопал консьержа по плечу:

- Не волнуйтесь, Юрий. Мы все сделаем максимально тихо: зачем тревожить отдыхающих, так?
- Спасибо, – Юрий выдохнул с облегчением.

«Хороший коп – плохой коп. Уловка древняя, зато работает безотказно».

- Просто замечательно. Нам нужно знать, не замечал ли кто-нибудь из персонала следов серы в номерах.
- Серы? – озадачился Юрий.
- Часть ритуала, – пояснил Сэм.
- Если вы подождете, – Юрий достал мобильник, – я свяжусь с ответственным за уборку номеров. Хотя... – он покосился на пожилую женщину, бросающую на братьев странные взгляды. – Пройдите со мной.

Дин бы не отказался постоять в холле и понаблюдать за народом, но не хотелось нервировать консьержа еще больше. Так что они с Сэмом последовали за Юрием в крохотную комнату, занятую деревянным столом, лотком для документов и стендом с многочисленными брошюрами, квитанциями и рекламными листками. На столе стоял ноутбук, вентилятор под потолком лениво гонял воздух. Через несколько минут в комнату вошла полная латиноамериканка средних лет и, скромно скрестив руки, стала перед консьержем, хотя по ее лицу Дин понял, что ей не слишком-то улыбается здесь находиться.

- Глория, эти джентльмены из ФБР, – проговорил Юрий. – Они интересуются, не находил ли кто серу в номерах.
- Нет, не думаю, – ответила Глория с сильным кубинским акцентом (*неудивительно, потому что от Ки-Уэста было ближе до Кубы, чем до Майами*).

Ответ прозвучал не очень уверенно, и Дин счел нужным пояснить:

- Она выглядит, как желтоватая пыль, и пахнет жжеными спичками.
- Нет, – отозвалась Глория уже увереннее. – Ничего подобного не замечала. Мои девочки тоже, а то бы рассказали.

Дин надеялся на обратное, но, видимо, напрасно. Оставалось только ходить по номерам. К счастью, у сообразительного Сэма появилась другая идея:

- Возможно, кто-то отказывается от уборки?
- Многие, – ответила Глория. – Если им нравится сидеть в грязи, ничего не поделаешь.
- Может быть, кто-то заселился еще до Нового года и наотрез отказывается пускать обслуживающий персонал? – подхватил Дин.

Ясное дело, демоны бы не хотели, чтобы посторонние увидели их ритуальные ножи, чаши и прочее.

- О, номер 333, – Глория сморщила нос. – У них, должно быть, уже очень-очень грязно. Просто отвратительно.

«Вот оно!»

Юрий пощелкал клавишами:

– Федреготти. Женатая пара – Альберто и Федра.
– Великолепно. Можно нам ключ от их комнаты?
– Конечно, – кивнул Юрий. – Спасибо, Глория, и будьте добры, не говорите никому о нашем разговоре.

Глория просто дернула плечами и вышла. Консьерж провел братьев к лифту и, выбрав на большой связке ключ-карту, провел его по прорези над кнопкой и вызвал лифт.

– Послушайте, Юрий, – Дин снова сжал его плечо. – Мы очень ценим вашу помощь, но оставьте нас одних. Не хотим вмешивать гражданских, понимаете?
– О! – с явным облегчением воскликнул консьерж. – Разумеется, агент Данко, – он снял со связки еще один ключ и протянул его Дину. – Вот. Подойдет к дверям любого номера.
– Спасибо, – Дин вошел в лифт, нажал на кнопку третьего этажа и, когда дверь закрылась, повернулся к Сэму. – Слышал? Номер 333. Они еще больше спалиться не могли?
– Ну, они могли бы взять номер 666, но в этом отеле нет шести этажей, – Сэм стер с лица маску сурового агента и ухмыльнулся.

На третьем этаже Винчестеры вышли и начали пробираться по боковым коридорам, встретив по пути горничную в традиционном наряде, который, однако, не был и близко таким миниатюрным, как показывают в порно. В конце концов они вошли в дверь «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА» и оказались в холле. Нужную комнату оказалось легко узнать, не будь даже на двери номера: оттуда плыл запах серы, который Дин бы узнал где угодно. На ручке висела табличка «НЕ БЕСПОКОИТЬ».

– Такое бы персонал не пропустил, – проговорил Сэм.
– Ага. Это явно не остаточный запах. Федриготти что-то творят прямо сейчас, – Дин вытащил пистолет.

Как и ружье, пистолет был заряжен солью, но пистолет, в отличие от ружья, легче пронести в густо заселенный отель, особенно если у тебя фальшивое удостоверение ФБР. Не успели Винчестеры подойти к двери, как Дин заметил неожиданного гостя – капитана Нейлора.

– Какого..? Кэп, вы что тут делаете?

Но призрак не ответил. Он целенаправленно проплыл по коридору и прошел сквозь дверь, как самое настоящее... хм... привидение.

– Капитан Нейлор! – позвал Дин, но призрак хранил молчание.
– Не к добру, – заметил Сэм.

Сквозь грудь Дина, словно монстр в фильме «Чужой»^[56], прошла рука. Старший Винчестер подскочил, и призрак проскользнул полностью – на этот раз Хемингуэй. Несмотря на недавние угрозы, он не обратил на братьев ровно никакого внимания.

– А вон и Трумэн, – Сэм указал в дальний конец холла.

Дин проследил его жест и увидел мужчину, будто сошедшего с фото, на котором тот держал газету с передовицей «Дьюи победил Трумэна»^[57]. Старший Винчестер снял пистолет с предохранителя и встал перед дверью. Сэм занял позицию рядом и кивнул брату – тот провел ключом-картой по замку, однако, хоть и загорелась зеленая лампочка, дверь не открылась. Судя по всему, парочка заперлась изнутри. Тогда Дин ударил в дверь

ногой, но та не поддавалась. Старший Винчестер сердито заворчал и ударил снова: дверь украсилась вмятиной, но не открылась. И только с пятого пинка дверь распахнулась под аккомпанемент яростного крика. Сэм ворвался в номер, Дин следом:

– Не хотелось прерывать ваше собрание анонимных мертвецов, но соседи жалуются!

Большая кровать была перевернута и передвинута к стене, освобождая пространство. Встроенная спинка осталась на стене, и демоны превратили ее в алтарь, кровью изобразив на ней перевернутую пентаграмму. Помимо лучей заходящего солнца, номер освещали черные свечи. В центре комнаты стояли мужчина и женщина – смуглые и загорелые. Он высокий и худой, с большим носом и седеющими волосами. Она фигуристая, с ухоженными темными волосами и изящными скулами. Тела, несомненно, принадлежали настоящим Альберто и Федре, но были заняты мерзкими демонами, которых Дин бы с радостью отправил по месту прописки. Вокруг них кругом собирались призраки – все новые привидения прибывали в номер и занимали места в кругу. На полу лежала девушка, ее горло было перерезано под самым подбородком – будто второй рот открылся. В ране почти не было крови. Дин опытным глазом рассмотрел, что сонная артерия повреждена, но, как и в предыдущий раз, кровь исчезла. Оторвав взгляд от пореза, Дин узнал девушку – и оленьи глаза, неподвижно глядящие в потолок, и красивые ноги. Это была Сюзанна, с которой он познакомился в баре «У капитана Тони».

ГЛАВА 12

Они были готовы следовать за Азазелем.

Они встретились в преисподней, не получив ни уюта, ни утешения – только не в аду – но вместе было легче даже страдать. Пусть даже лишь в том смысле, что нож в плече лучше простреленных кишков. Они пробыли в аду достаточно долго, чтобы забыть собственные имена, но новых имен не приняли. Когда Азазель объявил о своем плане, они согласились моментально. Вернуться в верхний мир после веков пыток? Слишком хороший шанс! Особенно если творить хаос вместе. В назначенное время они приблизились к воротам и терпеливо ждали. Собственно, план Азазеля не предполагал четких временных рамок, но демоны не хотели опоздать к открытию врат. Они ждали человека, который возглавит и поведет их, укажет путь, они ждали предводителя, который пойдет войной на жизнь и мироздание. Однако, когда врата распахнулись и демоны ринулись на волю, там не оказалось ни предводителя, ни Азазеля. То есть, они были, но – мертвые. Человек был застрелен и тускло таращился в небо, так что он теперь не в счет. Азазель исчез, однако его мясной костюмчик тоже лежал мертвый, и вонь серы и пороха доказывала, что не обошлось без Кольта. Кто устроил заварушку, сомневаться не приходилось – сыновья Джона Винчестера. Демоны учуяли обоих – старшего, Дина, на котором все еще держался запах демона перекрестка, и младшего, Сэма, избранника Азазеля.

Без человека или старшего демона все словно с ума посходили. Но они вдвоем решили взять перерыв: в конце концов, оказавшись наверху в первый раз за уйму лет, почему бы не расслабиться? Они нашли себе тела, которые в очередной раз ссорились так, что искры летели. Альберто Федреготти снова изменил своей жене Федре, а Федре снова заловила его, на этот раз с коллегой по работе. Вопли, колкости, секс в знак примирения, ярость и негатив подпитывали окружающих духов и облегчали дорогу тем, кто хотел завладеть телами.

* * *

Дверь распахнулась, и братья ворвались в номер.

– Не хотелось прерывать ваше собрание анонимных мертвецов, – сказал Дин, – но соседи жалуются!

– Нехорошо, – отозвалась Федра. – Их не приглашали. Вас, кстати, тоже.

Братьев отшвырнуло в сторону и притиснуло к стене. При этом они сбили какую-то на редкость уродливую картину, но Федра в любом случае собиралась ее сжечь. Дин попытался залезть во внутренний карман, однако Федра заметила движение, и его руки оказались прижаты к стене.

– Не-а. Никаких поползновений в сторону Кольта, – и пояснила в ответ на озадаченные взгляды: – Да, мы знаем про вашу пушку для демонов. Вы пристрелили из нее Азазеля, но нас не достанете.

– Клянусь! – лицо Дина искривила гримаса боли и злости. – Я вас прикончу!

– Ох, милый мой Дин, ты же еще ничего не видел. Да, небольшая смерть, да, перерезанное горло, но мы еще только начали.

Но Дин, к ее удивлению и раздражению, смотрел вовсе не на нее, а на труп у ног Альберто – на мертвую девушку из «Причала для шхуны», кровь которой сейчас плескалась в сосуде в руках Альберто. А потом она поняла.

– Знаком с ней, да? С ума сойти, шустрый какой. Только день-два в городе, а уже посеял свое семя? Или предохранялись? Надеюсь, что да. Судя по тому, как ты спишь со всем, что движется, венерические болезни тебя не особо волнуют... Хотя, что там, всего-то несколько месяцев осталось. Но все же советую позаботиться о партнершах: кто знает, что там в твоём маленьком члене!

Вполне закономерно для мужчины, терпящего насмешки над своим достоинством, Дин разозлился – не понимая, что его ярость делает Федру сильнее. Конечно, она не собиралась просвещать его насчет этого. Во-первых, меньше веселья, во-вторых, если он узнает, что сопротивление подпитывает ее силы, то может просто прекратить сопротивляться...

Призраков становилось все больше. Еще немного, и Альберто перестанет читать заклинание, потому что привидений станет более чем достаточно. А потом Федра почувствовала что-то. Повернувшись к распахнутой двери, она попыталась сосредоточиться на новом ощущении. Прибыв на остров, они с Альберто ощущали зов привязанных душ, но приближающийся призрак явно был намного сильнее уже собравшихся. Руки младшего Винчестера двигались, и Федра поняла, что позволила себя отвлечься. Она приложила Сэма головой об стену, оглушив его.

– Альберто, чувствуешь? – они столько времени пробыли в этих телах, что даже не стали менять имена. – Приближается тот, кто сильнее всех этих призраков вместе взятых. Ох, как он нам пригодится!

Альберто, не переставая начитывать заклинание, кивнул. Вплывший в комнату призрак отличался высоким ростом. Это был мужчина, одетый только в кожаную набедренную повязку с поясом, украшенным человеческими костями – фалангами пальцев рук и ног и черепом по центру. Его черные волосы ниспадали ниже талии, а лицо прикрывала деревянная маска, искусно расписанная красным, белым и черным. Демоница признала в нем представителя одного из индейских племен, уничтоженных европейцами. И тут

призрак заговорил на языке своего народа, хотя заклинание по идее должно было держать привидений тихими и покорными.

– Кто из Трех Богов есть вы, если смогли наделить нас силой?

Одно из достоинств (*увы, немногочисленных*) бытности демоном – это возможность общаться с заговорившим на его языке, так что Федра смогла ответить:

– Скорее наоборот. Мы демоны и...

– Духи тьмы? В таком случае вы нам не нужны. Мы, последние калуза, отвергаем ваш дар, – и призрак поднял руку.

– Альберто... – настороженно позвала Федра.

Такого не должно быть. Заклинание удерживает привидений от проявлений собственной воли. Разговаривать – одно дело, а вот двигаться без соответствующего приказа – совсем другое.

– Что такое, леди? – поинтересовался Дин. – Рук не хватает всеми лошаdkами править?

Не обратив на него внимания, Федра шагнула в круг призраков, схватила Альберто за руку и тоже начала читать заклинание. Последний Калуза выпрямился, как остальные, и поплыл было к кольцу привидений, но вдруг застыл. Маска, закрывающая лицо, дрогнула. Он запрокинул голову и закричал. Номер потонул в сиянии, вырвавшийся из ниоткуда ветер задул черные свечи, вопль все нарастал. Ветер бил Федре в лицо, но она, вцепившись в Альберто, продолжала бормотать нужные слова, пытаясь повысить голос и призвать непокорного призрака к порядку. Последний Калуза замолчал, выпрямился и, вытянув руки, двинулся на демонов. Невидимой силой их отбросило к спинке кровати, и кровавая пентаграмма оказалась смазана. Заклинание сбилась. Привидения принялись недоуменно оглядываться, потом некоторые исчезли, некоторые сбежали, а остальные остались с ошарашенным видом висеть на месте. Последний Калуза снова вскинул руки.

Живя в аду, демоны привыкли к боли. Но такой боли Федра не ощущала очень и очень давно. Боль охватила не мясной косточкой (*на такие мелочи демоны не обращали внимания*), вовсе нет – Последний Калуза дотянулся до самой демонической сущности, что, безусловно, было не под силу рядовому призраку. Этот призрак и не был обычным – вот что осознала Федра, чувствуя, как гнев индейца рушится на нее. Хуже того, они сами сделали его сильнее... Грянули два выстрела, и демоница поняла, что это Винчестеры воспользовались своим глупым, заряженным солью оружием, пытаясь прогнать Последнего Калуза. У них ничего не вышло, но Федра уловила момент, чтобы освободиться от воздействия индейца и попробовать сопротивляться. Однако индеец лишь обронил: «Не впечатляет» – и взмахнул рукой. Пистолеты полетели через весь номер. Последний Калуза взмахнул рукой еще раз – и Альберто закричал. До этого момента Федра думала, что разучилась бояться. Демоны не должны кричать – демоны заставляют кричать других. Глубоко внутри что-то оборвалось, будто оттуда выкорчевали что-то очень важное. Последний Калуза снова заговорил:

– Все скоро закончится. Мы отомстим.

А потом он исчез вместе с остальными призраками, оставив Федру вместе с братьями. Но уже без Альберто. Она схватила его и начала трясти:

– Альберто! Альберто!!!

Она не чувствовала его присутствия. Она раньше не подозревала, что связь между ними ощущается, но теперь то самое ощущение ушло, оставив лишь пустоту.

– Он умер.

Федра слышала щелчок предохранителя.

– Один есть, второй на очереди.

Демоница развернулась и впечатала Дина Винчестера в стену. Он не выронил Кольт, но Федра прижала его руку, и дуло теперь смотрело в окно. Потом она заметила, как Сэм дернулся к ней:

– Один только шаг, малыш Сэмми, и Дин закончит земное существование на полгода раньше срока.

В глазах братьев полыхала ярость, но Федру это не волновало: Альберто умер, и кому-то придется заплатить за его смерть. В общем, сначала она хотела убить обоих в отместку, но потом поняла, что не они были ее врагами. То есть, не главными врагами, по крайней мере. Винчестеры, конечно, представляли собой лакомый кусочек для демонов, но конкретно сейчас Федру больше занимал Последний Калуза. Поэтому она позволила рту своего вместилища сказать Сэму и Дину Винчестерам то, что от себя никогда не ожидала:

– Мне нужна ваша помощь.

ГЛАВА 13

– Да ты надо мной издеваешься! – Дин упомянул себя, хотя говорил за обоих.

Сэм стоял и смотрел на одержимое демоном тело Федры Федреготти: из сплошь черных глаз по искаженному яростью лицу, по перепачканным тушью щекам катились слезы. Сэму очень хотелось стереть это выражение с ее лица, но пока она держала брата, младший Винчестер не хотел рисковать. До поры до времени.

– Послушайте, – проговорила Федра. – Этот... это существо невероятно сильное. Это не просто призрак, в нем объединено все племя.

Сэм решил заговорить демоницу, пока не удастся придумать, как выпутаться:

– Единственная причина, по которой он так силен, это ваше с Альберто заклинание.

Федра рывком развернулась к Сэму, и он прочитал на ее лице неприкрытое страдание:

– Не смей называть его имя! Мы были вместе веками, а теперь он мертв! Мы должны были жить вечно, а он умер!

– Как раз его имени Сэм и не называл, – сдавленно проговорил Дин. – Он назвал имя несчастного мужика, в которого вселился не такой уж и бессмертный, как ты считала, демон! И это только одна из миллиона причин, включая эту мертвую девушку, почему мы не помогли бы тебе, останься ты хоть последним демоном на планете.

– Я не справлюсь с Последним Калуза сама, и вы тоже, – она посмотрела на труп Альберто. – Но вместе у нас получится. Вы же легендарные Винчестеры! Сэм был избранником Азазеля, а ты, Дин, ты Азазеля убил. Если мы объединимся...

К радости Сэма Дин продолжал бороться и даже делал кое-какие успехи. Если учесть, что недавно Федра с легкостью обездвигила их обоих, Последний Калуза явно лишил ее части силы. Этим надо было воспользоваться, так что Сэм продолжил разговор:

– А с какого перепугу мы должны сотрудничать с вашей братией? Вы слывете не слишком-то надежными напарниками.

Федра хищно улыбнулась:

– Я и не ждала, что вы станете мне доверять, Сэмми. Но у нас общий враг – вы же не думаете, что Последний Калуза просто решил попугать туристов? Он уже убил двоих человек и демона, и вы прекрасно знаете, что это еще не все. Он говорил про...

– Про месть, я слышал, – пока брат пытался вырваться, Сэм специально не смотрел на него, а ловил взгляд Федры.

– Ты понял, что он сказал? – удивилась демоница.

– Ага, – Сэм тоже был удивлен: видимо, призрак оказался достаточно могущественным, чтобы окружающие его поняли, хотя он говорил на языке, исчезнувшем более двух веков назад.

– Тогда ты в силах сообразить, что он убьет гораздо больше. А ведь сладенькие борцы со злом, такие, как вы, не любят, когда привидения убивают людишек, – она потрянула головой. – И не надо тут разыгрывать праведное возмущение по поводу сотрудничества с демонами. С одним из нас вы не первый месяц сотрудничаете.

Сэм напрягся: как она прознала про Руби? Опять-таки Руби дошла до того, что помогла Бобби починить Кольт – можно было представить, как демоны восприняли такую новость. Она также поделилась кой-какими намеками про маму Дина и Сэма. Эти намеки доставили Сэму немало беспокойства – настолько серьезного, надо сказать, что он до сих пор не поделился откровениями Руби и результатами собственного расследования с братом. Сначала надо разобраться со сделкой. Остальному свое время.

– Я не просил Руби о помощи. И не хотел, чтобы она помогала.

Федра буквально прыснула от смеха:

– Да ну? Ты не хотел, чтобы она спасла твою симпатичную задницу? Если бы не она, вы бы оба уже давно кормили червей! А если бы вы не были нужны мне...

В этот момент Дин, освободившись от невидимых пут, свалился на пол и, не вставая, вскинул Кольт.

– Побеседуем позже, – Федра запрокинула голову, и черный дым, поваливший из ее рта, поднялся к потолку и умчался по коридору.

– Проклятье! – Дин ударил кулаком по полу.

Сэм же бросился к женщине, которая упала, едва демон покинул ее тело. Она смотрела в пустоту широко открытыми глазами, в ее горле что-то клокотало. Сэм опустил на колени:

– Все хорошо. Мы позовем помощь.

Федра вцепилась ему в руку и впиалась в него взглядом, давась, но не в силах произнести ни слова. Потом ее хватка ослабла, голова с глухим стуком упала, а глаза, потеряв блеск, остекленели. Дин подошел к Альберто и проверил пульс:

– Этот тоже готов. Пора смываться, Сэмми, а то не хочется оставаться здесь, когда Юрий обнаружит три трупа.

– Ага, – Сэм не горел желанием вот так просто бросить на полу тела четы Федреготти и подружки Дина, но трупы непременно вызовут вопросы, на которые «агенты Данко и Хелм» едва ли смогут внятно ответить.

– Ты нормально?

– Ага, – Дин отпустил фирменную ухмылочку. – Даже почти и не больно.

Младший Винчестер знал, что обычно такая ухмылка довольно наиграна, но спорить не стал. Они спустились по боковым лестницам, прошмыгнули через пожарный выход и поспешили к Импале.

– Помнишь, как я сказал, что не хочу даже загадывать про третью волну?

– Ну да, – Дин ослабил галстук и сел за руль.

– Я позвоню Бобби, введу его в курс дела.

Дин просто кивнул и завел машину.

– Привет, Сэм, – Бобби поднял трубку после второго гудка. – Я, к сожалению, еще не нашел заклинания, которое бы поднимало духов такого уровня.

– Проехали, – и Сэм рассказал, что произошло за последнее время.

– Боже, – отреагировал Бобби. – Последний Калуза?

– Ты знаешь что-то про Последнего Калуза? – Сэм специально повторил имя, чтобы Дин мог следить за разговором.

– Да, приблизительно. Это дух, настигнутый сущностями всего племени. Он мстит всем, потому что они живы, в то время как калуза мертвы. Если верить преданиям, это на редкость могущественный призрак.

– Просто здорово. А сейчас он еще могущественен.

– Я пороюсь в книгах, может, смогу уточнить что-нибудь. перезвоню позже.

– Спасибо, Бобби, – Сэм спрятал телефон. – Похоже, Федра не обманула. Это мстительный дух, обозленный на всех, кто не является коренным американцем. Или даже на всех, кто не калуза.

– А так как калуза вымерли, – подхватил Дин, – то вообще на всех.

– Вполне возможно. Бобби покопается в книгах и перезвонит, если что-нибудь выяснит. Надо ехать на стройку: там все началось и там кости.

– Нам бы пригодилась бочка соли. В свете нынешних событий поджог стройплощадки начал казаться мне неплохой идеей.

– Не уверен, что сработает, Дин. Он получил заряд соли и даже глазом не моргнул, плюс он способен убить даже демона. Не думаю, что наши обычные методы сработают.

– Значит, поищем необычные методы, – огрызнулся старший Винчестер. – Но я одно тебе скажу: я лучше в ад загремлю, чем буду работать с этой демоншей.

– И главное, никакого двойного подтекста, – ухмыльнулся Сэм.

– Ага. Хватит с нас и Руби.

Младший Винчестер промолчал. Он знал, что Дин считает его сотрудничество с Руби огромной ошибкой и не хотел снова заводить бесконечного спора. Через несколько минут Импада въехала на подъездную дорогу гостиницы «Нейлор-Хаус». Первым делом Дин раскопал в багажнике кусок мела:

– Не думаю, что наша демоническая знакомая просто возьмет и отвяжется, так что надо подготовиться.

Шеннен Боделл приходилось то и дело напоминать себе, что врезать клиенту по яйцам – не выход, и вообще плохо для бизнеса. Вместо этого она делала все возможное, чтобы заставить Кевина Линденмута подписать контракт на строительство нового дома на месте разрушенного «Катриной». И будь она проклята, если позволит его поведению поставить ее затею под угрозу, особенно если учесть, что копы изо всех сил старались свернуть проект.

Строители остались на площадке после заката – просто сидели и ничего не делали, как и весь день до этого. Парни из профсоюза понимали, что они должны придти на работу, чтобы им заплатили, даже если фактически никакой работы и не было. Рабочий день закончился, но Линденмут попросил строителей остаться, пока он и Шеннен «утрясут некоторые вопросы». Рабочие против такой сверхнормы не возражали, и Шеннен представляла, как радостно впишет оплату сверхурочных в счет Линденмуту, равно как и расходы за освещение.

– Давайте еще разок и напрямую, – Линденмут потряс перед носом Шеннен наманикюренным пальцем, и золотые браслеты на его запястье зазвенели. – Парочка старых придурков забрела на стройку, заработала по сердечному приступу, и из-за этого вам придется прекратить строительство?

Линденмут носил белую рубашку с коротким рукавом, которая стоила месячной зарплаты рядового строителя, выглаженные шорты-хаки и начищенные мокасины – наиболее близкий к деловому костюму вариант одежды в Ки-Уэсте.

– Нет, – Шеннен заговорила очень медленно, чтобы удержать себя в руках. – Двое людей погибли здесь при загадочных обстоятельствах, и перед смертью они нашли кости под фундаментом. Полиция изучает...

– Я видел этих людей, мисс Боделл. Они оба очень стары и, скорее всего, просто не вынесли зрелища дурацких костей.

Шеннен не стала сообщать, что один из погибших был ее двадцативосьмилетним работником, а второй было едва за двадцать. Шеннен действительно стало жутко, хотя Том ей не особо нравился. Мало того, что сама его идея отомстить бывшей подруге казалась довольно-таки противной, так он еще и попытался подкатить к Шеннен. Ей, трудящейся в сфере, где рабочий коллектив чуть ли не на сто процентов мужской, хамское поведение строителей было до лампочки, но Том ее действительно достал. Впрочем, когда он не сучился, то был хорошим работником, и потом, даже отпетые хамы не заслуживают такой смерти. Какой бы она ни была.

– Мистер Линденмут, дело не столько в погибших, сколько как раз в костях.

– Кому нужны какие-то древние кости?

– Ну, хотя бы семьям тех, кому они принадлежали.

Линденмут закатил глаза:

– Я вас умоляю, мисс Боделл! Я тщательно изучил эту недвижимость, прежде чем ее покупать, и если там нашлись кости, то они настолько стары, что установить их происхождение невозможно.

– В наше время наука творит чудеса, мистер Линденмут. Кстати... если кости и вправду

настолько стары, то они могут принадлежать коренным американцам, и тогда вместо копов подключится правительство. Они прикроют стройку на месяцы, а то и навсегда, если это какое-то захоронение или что-то вроде.

Линденмут всплеснул руками и начал бегать туда-сюда:

– Это просто смехотворно! Я выложил за это большие деньги! Деньги, заработанные собственными руками!

Судя по рукам мистера Линденмута, единственное, что они делали, это выписывали чеки людям, которые действительно зарабатывали ему деньги. Шеннен терпеть не могла толстосумов, которые прикидывались, что они как все. Черт, скажи он, что заработал деньги своими мозгами, и Шеннен бы уважала его чуть больше. Но она ничего не сказала по той же причине, по которой не могла пнуть его по яйцам: его руки выписывали чеки и ей тоже.

С Атлантического океана дул свежий ветерок, но волосы Линденмута остались уложенными, пока он не взъерошил их пальцами – да и при этом не слишком потревожил прическу.

– Послушайте, мисс Боделл, я понимаю, что ситуация сложная, но строительство нужно закончить к лету.

Шеннен поморщилась:

- Все зависит от костей, мистер Линденмут. Но, если честно, судя по их количеству, в лучшем случае к лету мы только начнем строительство.
- Вы серьезно? Это же просто смешно!
- В моей практике был случай, когда строительство отложили на пять лет.

Дело было во Флориде, и даже ситуация оказалась похожа: ураган обнажил кости семинолов. Это вылилось в большую бучу – не только из-за останков, но и из-за того, что выявились многочисленные нарушения планировки и конструкции. Дело для Флориды, в общем, обычное, но Шеннен не думала, что ее рассказ утешит Линденмута, поэтому не стала вдаваться в подробности.

Линденмут выхватил из футляра телефон и отошел на дорожку:

- Я сделаю несколько звонков, если позволите. Без обид, но тут нужен особый подход.
- Делайте, что угодно, – вздохнула Шеннен.

Она строила дома во Флориде уже десять лет – с тех самых пор, когда ее муж Руди умер, оставив свой бизнес. И, между прочим, ей дело удавалось во сто крат лучше, чем этому ленивцу. Когда Шеннен начинала, бизнесу угрожало банкротство, а теперь он процветал под руководством той самой женщины, про которую Руди как-то сказал: «Она никогда не сможет вести дело! Никогда и ни за что!» Потом муж умер от сердечного приступа, сломав слишком много жареного цыпленка, и Шеннен посвятила жизнь тому, чтобы доказать, как он ошибался. Например, она наладила связь с политиками – и местными, и из Таллахасси^[58]. Она прекрасно изучила их порядки и поэтому знала, что с нынешней ситуацией ничего не поделаешь, особенно если кости действительно принадлежат индейцам. А ввязываться в конфликт с местными племенами было верным путем к катастрофе, тем более что многие племена могли позволить себе хороших законников и

журналистов. Так что ничего путного из «особого подхода» не выйдет. Политики во Флориде с готовностью ввязывались во всякие нелегальные дела, но бежали сломя голову от тех, которые могли открыться и выглядеть хотя бы неэтично. К тому же высказывание уважения к захоронению поднимет их шансы на повторное избрание, и возможность и дальше брать взятки. Или Линденмут считает, что сдюжит «особый подход» только потому, что у него между ног что-то болтается?

Шеннен подошла к прорабу Крису, который сидел на складном стуле и читал спортивную колонку «Майами Гералд», бормоча: «Чертова Оклахома...». Наверняка в статье говорилось про футбольный матч «Фиеста Боул», в котором Западная Виргиния победила Оклахому со счетом 48:28. Остальные газетные листы лежали на земле, придавленные кофейной кружкой.

- Сколько ты потерял, когда Западная Виргиния победила? – поинтересовалась Шеннен, зная, что Крис интересовался подобными играми только в том случае, когда делал ставки.
- Не в том дело, что они выиграли... я не угадал разницу. Двадцать проклятых очков.
- А ты поставил на большее количество?

Крис пожал плечами:

- Получил бы больше денег.
- Если бы да кабы.

Крис снова пожал плечами и сунул лист под кружку:

- Любой каприз за ваши деньги. Что сказал красавчик?
- Он думает, что позвонит кому надо, и все разрешится само собой.

Крис сложил могучие руки на груди:

- На какой планете? Он решил, что у него связи лучше?
- Вообще-то, вреда от этого не будет. А вдруг он нас удивит, и мы сможем вернуться к работе.
- Ага. Эй, мы, кстати, собрались помянуть Тома в баре «У капитана Тони». Они предоставят нам бильярд на пару часов.
- Я приду, – кивнула Шеннен.
- Мисси там небось пляшет от радости.

Шеннен совсем не хотелось обсуждать личную жизнь Тома:

- Думаю, я...

Внезапно все прожекторы на стройплощадке погасли, и все погрузилось в темноту, которую немного разбавляли лишь случайный фонарь и месяц в небе.

- Что, босс, опять за электричество не заплатили? – с ухмылкой поинтересовался Крис.

Вопрос был вполне уместный, потому что уличный фонарь остался гореть, а значит, дело было не в перебоях с электричеством. Кроме того, Шеннен платила за электроэнергию. Так что она пропустила остроумную реплику Криса мимо ушей, тем более что не могла прекратить раздуться от гордости, когда он звал ее боссом.

Линденмут уставился на телефон:

– Не работает.

Гарри, рабочий, достал собственный мобильник:

– И мой тоже.

Чей-то еще ай-под отрубился так же, как и остальные телефоны.

– Мистика какая-то, – проговорила Шеннен. – Ладно. Давайте...

И тут она увидела его – крупного мужчину, который выглядел так, будто сошел со старого рисунка: боевая раскраска, красно-черно-белая маска, черные волосы и пояс из костей. Из одежды на нем была только набедренная повязка и ничего больше. Шеннен подумала, что он довольно сексуальный.

– Боже правый, – заметил Крис. – А я думал, мы Хэллоуин вот уж как два месяца назад отпраздновали.

– Чудесно! – с досадой воскликнула Шеннен. – Начали подтягиваться психи!

В общем и целом, она поддерживала индейцев: в конце концов, многие их сородичи вымерли в свое время, так что они имели право на причуды. Но даже в такой ситуации без придурков не обойтись, и Шеннен решила, что этот фрукт притащился наводить беспорядки на стройке.

Тем временем «фрукт» устрашающе громко заговорил:

– Мы последние калуза, и мы отомстим!

У Линденмута отвисла челюсть:

– Последние кто?

Шеннен знала о всех племенах, проживающих во Флориде, но калуза среди них не значилось. Если она не ошибалась, племя калуза когда-то тоже жило здесь, но давным-давно исчезло с лица земли. Ясное дело, мужик сбрендил окончательно!

– Некогда эти острова принадлежали нам. Мы были могущественными воинами, правящими на суше и на воде. Идущие на нас войной умирали, жаждущие помощи обретали ее. Мы были калуза, и никто не мог уничтожить нас.

Внезапно Шеннен поняла, что псих говорит не по-английски и не по-испански (*других языков она не знала*), но все же каждое его слово оставалось понятным. У Шеннен был с собой «Вальтер ППК» – на вполне законных основаниях, надо сказать – и теперь она осторожно потянула пистолет из сумочки, стараясь не делать резких движений.

– Но потом пришли чужеземцы и принесли свои болезни, подкосившие калуза. Теперь же настало время для мести. Вы умрете первыми.

Выронив сумку, Шеннен схватила пистолет обеими руками и сняла его с предохранителя:

– Обломись, приятель! Если тут кому и достанется, то это тебе, если сейчас же не уберешь отсюда свой полуголый зад!

– Мы выше боли, выше страданий, выше смерти. Мы не живем больше, но возьмем с собой и вас.

Он шагнул к Шеннен, и она нажала на спусковой крючок, почувствовав отдачу. Пуля пролетела насквозь. Едва Шеннен выстрелила, на индейца набросились Крис и Гарри. Гарри размахивал гаечным ключом – он такими делами не гнушался. Однако индеец взмахнул рукой, и оба застыли: их кожа сморщилась, обтянув кости, обвисли мышцы, глаза потускнели и запали. Линденмут начал издавать странные невнятные звуки, а Шеннен продолжала стрелять, но все пули летели сквозь индейца, будто того здесь и не было. Невозможно! Она видела его, слышала, и он сотворил что-то с Крисом и Гарри. Патроны вышли, но Шеннен продолжала жать на спусковой крючок вхолостую, не в силах остановиться, поверить в происходящее, не в силах принять это. Том болтал о своих любовных передрягах; Крис делал ставки, а у Гарри остались жена и дочь в Тампе^[59] и сын-студент в университете Пердью, в Индиане. Еще один жест существа, называющим себя Последний Калуза, и еще трое парней упали на землю. А потом еще несколько. А потом Линденмут. И тут существо повернулось к Шеннен. Даже в тусклом свете она смогла разглядеть в прорезях маски его глаза – темные, пронзительные и очень злые. Шеннен десять лет прожила с алкоголиком и помнила, что у того были точно такие же глаза, когда он, пьяный и разъяренный, мог наброситься на нее. Глаза Руди в такие моменты пугали ее до смерти, но с глазами Последнего Калуза не могло сравниться ничто.

– П-пожалуйста, – заскулила она, опустив пистолет. – Пожалуйста, не надо...

– Поздно.

Шеннен увидела, как ее руки покрываются морщинами и складками.

– Н-нет!

– Да.

Ноги внезапно ослабли, и Шеннен опустилась на землю, а Последний Калуза запрокинул голову и издал душераздирающий крик. Это было последнее, что Шеннен слышала в своей жизни.

ГЛАВА 14

Едва свернув на Саут-стрит, Дин поспешно ударил по тормозам. Около площадки стояли полицейские машины, фургон судмедэкспертизы и была натянута оградительная лента. С десяток копов бродили по периметру, несколько человек носили форменные куртки медэкспертов, а один парень даже щеголял галстуком. Это был единственный галстук, который Дин увидел на острове помимо их с Сэмом собственных. А на земле лежало по меньшей мере два десятка укрытых с головой тел.

– Плохо дело, – проговорил Сэм.

Дин оглянулся, проверяя, не занята ли дорога, чтобы развернуть машину, а когда повернулся обратно, к Импале направлялся полицейский.

– Дерьмо!

Старший Винчестер принялся просчитывать варианты. Если пуститься наутек, копы пробьют по базе их номерные знаки, а при таком количестве мигалок разглядеть внешний вид и марку автомобиля не составит никаких трудностей. Островок маленький, и выследить такую заметную машину будет несложно. Собственно по номерам копы ни на кого не выйдут, и этот факт сам по себе подействует на них, как красная тряпка на быка, особенно если учесть просроченную регистрацию. С другой стороны, если притвориться невинными туристами, есть шанс уехать без проблем. В крайнем случае, можно сказать, что они собрались на пляж, а это единственная приличная дорога туда от «Нейлор-Хаус».

Потом Дин разглядел, что к ним приближается офицер Монтроз, и высунулся из окна:

- Здравствуйте, офицер!
- Так и думал, что вы тут объявитесь. Видите, что творится. Я пустил бы вас посмотреть поближе, но сейчас не могу.
- Это еще почему? – Дин сам удивился своей горячности, учитывая, что он совсем не ожидал оказаться на месте происшествия.

Монтроз оглядел площадку и указал на мужчину в галстук:

- Видите того разодетого парня? Это шеф полиции. В последний раз он почтил своим присутствием место преступления в девяносто втором году.
- Сколько погибших? – поинтересовался Сэм.
- Тридцать один. Но вся заварушка из-за того, что среди них – глава строительной компании. У нее было много друзей в Таллахасси, если вы понимаете, о чем я.
- О чем? – не понял Дин, потом до него дошло. – А! Столица.
- Высокопоставленные знакомые, – добавил Сэм.
- Именно, – подтвердил Монтроз. – Еще погиб Кевин Линденмут, а у него в друзьях были шишки даже побольше: поройся в его телефоне и найдешь личные номера губернатора и обоих сенаторов, – полицейский дернул плечами. – Будь здесь только полиция, я бы вас пустил, но шеф не слишком осведомлен во всякой чертовщине. Плюс тут народу куча...

Дин хлопнул по рулю:

- Хватит, мы уже поняли.
- Как они умерли? – продолжил расспросы Сэм.
- Так же, как парочка прошлой ночью. Из них словно жизнь высосали. Эксперты все еще пытаются придумать правдоподобное объяснение.
- Только время тратят, – отозвался Дин.
- Да, но только сомневаюсь, что ответ «Я не знаю» кого-то устроит.
- Возможно, – согласился Сэм. – Но мы...

Внезапно все погрузилось в темноту: фары Импалы погасли, двигатель прекратил фырчать и заглох, на полицейских машинах отключились мигалки, а взглянув на единственный фонарь, Дин убедился, что потух и он. Сэм вытащил из кармана сотовый:

- Телефон тоже сдох.

Братья рывком распахнули двери машины.

- Плохая идея, парни, – предупредил Монтроз.

Не обратив на него внимания, Дин бросился к багажнику. Сэм пару секунд наблюдал за ним, потом перевел взгляд на офицера:

– Мы имеет дело с призраком, который называет себя Последний Калуза. Он является воплощением всего племени, поэтому невероятно силен. К сожалению, то, что подхлестнуло всех местных призраков, сделало его еще сильнее. Если он решил что-то сотворить, то примется за дело сейчас же.

Дин перебросил брату ружье. С площадки доносились жалобы полицейских и экспертов на то, что ни машины, ни рации, ни прочие технические прикормы не работают. Но вдруг все притихло, и Дин, подняв голову, понял почему: Последний Калуза объявился снова.

– Мне кажется, – проговорил Сэм. – Или он стал еще выше?

В отеле индеец был ростом примерно с Сэма, а теперь башней возвышался над полицейским, который на несколько сантиметров обгонял планку в метр девяносто.

– Нет, тебе не кажется.

– Мы – последние калуза, – теперь его голос был еще ниже и звучнее, как если бы Джеймс Эрл Джонс^[60] заговорил в мегафон. – Вы станете жертвой. Мы мертвы и позабыты, но не потеряны. После жертвоприношения свершится месть, ибо никому не позволено играть в свои игры с калуза и остаться после этого в живых.

– Это еще доказать надо, – Дин вскинул ружье. – Я как раз в настроении поиграть.

– И я тоже, – поддакнул Сэм.

Братья выстрелили одновременно, и ружейный грохот раскатился в ночном воздухе. Последний Калуза даже ухом не повел, но, по крайней мере, полицейские вышли из ступора и принялись палить по призраку из пистолетов – за исключением Монтроза, который, наверное, единственный понимал, что если заряд соли не сработал, то пули точно не помогут.

– Все еще не впечатляет, – прогромыхал Последний Калуза и вытянул окутанную тусклым сиянием руку.

– Дин, может, нам... – начал Сэм и внезапно замолчал.

Дин круто развернулся и увидел, что брат застыл – не дышит, не моргает, ничего. То же случилось и со всеми присутствующими.

– Какого черта? – пробормотал Монтроз.

– Жертвоприношение свершится, – Последний Калуза поднял руку.

Дин почувствовал, будто кто-то схватил его за грудки. В следующий момент их с офицером вскинуло в воздух и отшвырнуло на тротуар. Тренировки отца и богатый опыт всевозможных падений позволил Дину снова вскочить на ноги, отделавшись минимальными повреждениями, а вот Монтрозу повезло меньше: он скорчился на земле, баюкая руку и кривясь от боли. Тем временем Сэм и все остальные безучастно, словно зомби, собирались на стройплощадке и подныривали под брезент.

– Сэм! – Дин рванул туда же, но словно врезался в невидимую каменную стену.

Из носа хлынула кровь. Отскочив и утершись, старший Винчестер принялся исследовать препятствие уже осторожнее: стена казалась глухой и твердой, хотя глаза твердили об абсолютно пустом пространстве. «Только барьера еще не хватало!» Боковым зрением Дин заметил, как вспыхнул свет, и оглянулся: двигатель Импалы снова заработал, зажглись фары. Тем не менее попавшие за возведенную призраком стену полицейские машины, ровно как и уличный фонарь, оставались в прежнем состоянии.

– Дело дрянь, – Дин подошел к Монтрозу и помог ему подняться. – Ты как?
– Неважно. Только что целую толпу моих близких друзей и коллег умыкнул свихнувшийся призрак. А еще рука болит.

У Дина зазвонил телефон. Первым побуждением было отделаться голосовой почтой, но звонить мог и Бобби, так что Дин вытащил сотовый и действительно увидел на панели имя Сингера:

– Бобби, умоляю! Скажи, что у тебя хорошие новости!
– С плохими вперемешку. Я выяснил, что собирается сделать Последний Калуза, но не знаю, как его остановить. Он выпивает чужую жизненную силу, а на закате приносит в жертву людей, чтобы свершить месть. И знаешь что, Дин? Только белых людей.
– Мы тебя обогнали, – поморщился Дин. – Наш большой приятель только что зачаровал Сэма и отряд полицейских. Один коп остался, но он семинол.
– Логично, – проворчал Бобби.
– Да, но почему он умыкнул Сэма, а меня оставил?

Бобби колебался, прежде чем ответить:

– Потому что тебя уже принесли в жертву, Дин.
– Прости, не расслышал?
– Твоя жизнь уже принадлежит демону, заключившему сделку, – судя по голосу, Бобби едва сдерживался (*Дин знал его не один год, но никогда не видел таким разозленным, как в тот день, когда сообщил, на что пошел, чтобы воскресить Сэма*). – Последний Калуза не может принести тебя в жертву, потому что такая жертва будет бессмысленна.
– Очешуешь.
– Слушай, я сейчас в аэропорту Су-Фолса, через час вылетаю на Ки-Уэст. С учетом загруженности в Атланте буду у вас к десяти утра, и останется еще несколько часов, чтобы обмозговать все это дело. Единственное, что сейчас скажу: посолиить и сжечь здесь не прокатит. Нам бы пришлось разыскать каждую кость каждого индейца-калуза, а кто его знает, где эти кости.
– Да уж, – проскрежетал Дин. – Здесь кости отыскиали, и то вон как забегали. Я полистаю папин дневник... может, возьму у Сэма ноутбук и пороюсь в интернете.
– Я позвоню, когда самолет приземлится, – сказал Бобби. – Можешь меня встретить.
– Хорошо.
– И вот еще что, Дин...
– Да?
– Мы обязательно вытащим его.
– Конечно, – Дин отсоединился и спрятал сотовый в карман.
– Вот ведь незадача вышла, а, малыш?

Дин развернулся, скидывая ружье: голос был Монтроза, но произношение резко отличалось от низкого протяжного говора полицейского. Монтроз – или точнее сказать, Федра – приветствовал его широкой ухмылкой:

– Остынь, Дино, ты же не хочешь поранить бедного офицера Монтроза, правда? А из своей пукалки ты только его тушку и продырявишь.

Дин опустил ружье и выхватил из-за ремня Кольт:

– Возможно, а вот с этим достанется и тебе.

– И снова все упирается в несчастного копа. Нет, ты правда собираешься прикончить стоящего на охране правопорядка офицера полиции, человека с женой и четырьмя детьми только потому, что тебе так не нравлюсь я?

– Монтроз присягал, что при необходимости отдаст свою жизнь ради защиты людей. А ты уже убила четверых – и это только те, о которых я знаю. Так что да, собираюсь, – Дин надеялся, что демон клюнет на его браваду, потому что, по правде говоря, убивать Монтроза ему совершенно не хотелось.

Вообще-то Дин был совсем не против рискнуть кем-то, если успех того стоил, и поступал так не раз. Тем более, став вместилищем демона, человек по-любому прощался с жизнью – взять хотя бы чегу Федреготти ради примера. Но так бывало только в том случае, когда демон занимал тело долгое время. Монтроз не пробыл одержимым и нескольких минут, и Дин не был уверен, что сумеет спустить курок. То есть, сумеет, конечно, но желания в данном случае не было.

«Боже, я в самом деле становлюсь сопливым нытиком... Вот как постоишь на пороге смерти, сразу начнешь о других задумываться...»

Не знай Дин Монтроза, даже не догадался бы, что тот одержим, потому что демон не щеголял фирменным черным взглядом. Дин все еще вспоминал, как дочка желтоглазого ублюдка сидела под пентаграммой, и Бобби сказал, что она обычная одержимая девушка, а потом спросил: «Вы что, не знали?», и казалось, что отрицательный ответ привел его в ужас. Отец утаил от них это и много чего другого, так что трюк с распознаванием одержимых Дин так и не просек.

А демон продолжал говорить:

– И потом, может, ты хоть сейчас выслушаешь мое предложение?

Дин ухмыльнулся:

– Я бы сказал тебе «Вали в преисподнюю», но...

– Послушай, Дин, мы оба хотим одного... – Монтроз шагнул было к Дину, но замер от щелчка курка.

Дин снял Кольт с предохранителя:

– Стой, где стоишь. Если хочешь поболтать, я почешу языком, но дай мне хоть один повод нажать на спусковой крючок – и ты труп.

Самозащита прежде всего. В крайнем случае, он будет стрелять в ногу. Монтроз, возможно, будет хромать всю жизнь, да и со службой придется распрощаться, но хоть жив останется. Когда Желтоглазый вселился в Джона, выстрел в ногу помог избавиться от демона, и папу убивать не пришлось. Вероятно, сработает и в этот раз.

– Хорошо-хорошо! – демон вскинул руки Монтроза в защитном жесте. – Но все-таки. Я хочу отомстить за Альберто, а ты – вернуть Сэма. Если мы объединим силы, то справимся.

– А вот интересно... как ты это себе представляешь?

– Я могу применить заклинание, которое направит энергию всех местных призраков в одно тело. Собственно, вариация того, что мы с Альберто и делали. Но для этого мне нужен доброволец.

– Чего париться, да подцепи любого прохожего.

– Я сказала, доброволец, – подчеркнул демон. – Последний Калуза чертовски силен, и если мне одновременно придется подчинять себе волю сосуда, то ничего не выйдет.

– Значит, ничего не выйдет, потому что я в жизни не стану по доброй воле водиться с вашей братией.

Оказалось, что у Монтроза жутко неприятный смех. Хотя, возможно, все дело было в демоне. Как бы то ни было, офицер запрокинул голову и громко расхохотался:

– Может, поздно уже отпираться? Не ты ли водился с нашей братией, когда малыш Сэмми лежал мертвый? Дин, мы уже выяснили, что ты из себя представляешь, теперь дело только за ценой.

Уже за одну последнюю фразу Дин был готов вышибить из демона дух, но вместо этого вспомнил про Сюзанну и еще одну погибшую и проговорил:

– Последние два человека, над которыми ты поколдовала, расплатились перерезанным горлом.

Демон пожал плечами:

– Кровь может пригодиться для ритуала, а кроме того, мертвые девочки не рассказывают сказки об итальянских туристах, которые спаивают их и похищают из бара. На твоём месте я бы не волновалась. Кровь не является необходимым компонентом, хотя и помогает.

– Думаешь, я поверю? Отнятая жизнь делает заклинание более мощным. Так откуда мне знать...

– Нет, пожертвованная жизнь делает заклинание более мощным. Как думаешь, почему Последний Калуза оставил тебя не у дел? Ты уже потерял жизнь, Дин, а твоему мясцу здесь еще год шататься. Мне нет никакого резона тебя убивать, – демон снова заулыбался.

– Разве что просто повеселиться, – улыбка угасла. – Но заклинанию от этого ни горячо, ни холодно.

Дин поверил сказанному только потому, что то же самое ему только что сказал Бобби. Но сама идея ему все еще не нравилась.

– Вот что, Дин, – проговорил демон. – Мне еще отдохнуть надо, а ты наверняка захочешь посоветоваться со своим приятелем из Южной Дакоты, и все равно до пяти сорока трех завтрашнего вечера ничего не случится. Мое предложение остается в силе. Встретимся с тобой и твоим дружкой Бобби около памятника самой южной точке страны, скажем, в пять.

Демон даже не стал ждать ответа: изо рта Монтроза вырвался черный дым и исчез в темном небе. Справившись с жестоким кашлем, офицер слабо проговорил:

– Да уж. Забавное ощущение, – он схватился за грудь. – Всегда хотел знать, каково это, когда в тебя вселяется демон.
– Правда, что ли?
– Нет, неправда.

В отдалении завывали сирены, все громче и громче.

– Кто-то заметил, что шеф не отвечает, – объяснил Монтроз. – Тебе лучше убираться, я прикрою. Свяжись со мной, ладно?

Дин что-то невразумительно промычал: у него были дела поважнее – и полез в машину.

«Обещаю, Сэмми, я тебя вытащу, – он развернул Импалу и снова выехал на Дюваль-стрит. – Даже если для этого придется работать с распроклятым демоном».

ГЛАВА 15

Сэму очень не нравилось быть одержимым. В последний раз этот ужас растянулся на целую неделю: дочка Азезеля (братья звали ее Мэг, хотя, строго говоря, это имя принадлежало несчастной одержимой девушке) выбралась из ада после обряда экзорцизма у Бобби и не только вселилась в Сэма, но и особым знаком заперла себя в его теле. На руке младшего Винчестера до сих пор держался след, оставшийся после того, как Бобби прижег этот знак – всего один из многочисленных шрамов, заработанных братьями за годы охоты. Так, Сэм все еще ждал, когда на указательном пальце отрастет ноготь, который вырвали те языческие боги в канун Рождества.

Вот и теперь Сэм великолепно осознавал, что происходит вокруг, но не мог ничего поделать, и это было очень и очень неприятно. Тогда он отделался тем, что убил мужчину и замучил девушку, но еще не вечер, как говорится. Надо было освободиться до того, как дела пойдут еще хуже.

Последний Калуза выстроил своих жертв вокруг выступающих из грязи костей. Теперь, когда землю расчистили тщательнее, оказалось, что костей еще больше – явно не к добру. Дина и офицера Монтроза сила индейца почему-то минула стороной. Сэм понятия не имел почему, но радовался, что хотя бы брат остался на свободе, если, конечно, призрак просто не убил его. Едва потеряв контроль над телом, Сэм пытался сопротивляться отчаянно, но безуспешно. Очевидно, Последний Калуза использовал выпитую недавно жизненную энергию для преувеличения собственных сил. Прибавить сюда ритал Федреготти, и Сэм сильно сомневался, что этого призрака удастся остановить. Младший Винчестер снова попробовал хотя бы пошевелить пальцем – тем самым, на котором не доставало ногтя – но ничего не вышло.

– Черт!

Так он понял, что может говорить. Что ж, и то хлеб.

– Что ты собираешься с нами делать?

Последний Каруза, стоящий в центре круга, развернулся и уставился на него из-под маски:

– Мы свершим месть калуза.
– Как?

Индейца перебил шеф полиции:

– О чем ты вообще с этим психом разговариваешь? Послушайте, мистер, я не знаю, что вы задумали, но...
– Молчать! – призрак махнул рукой, и шефу словно звук перекрыли, хотя его губы продолжали шевелиться.
– Оставь его в покое! – крикнул один из копов. – Ты не имеешь права...

Еще один жест – и полицейский тоже замолчал.

– А как насчет нашего права на жизнь? В свое время мы были самыми могущественными воинами. Одни приходили к нам за защитой и были вознаграждены, другие пытались забрать то, что принадлежит нам, и были наказаны. Их кости усеяли землю, став напоминанием о глупых чаяниях бросить нам вызов, – Последний Калуза расхаживал вокруг костей. – Наше племя процветало. Но потом пришли чужеземцы с их странными одеяниями и инструментами. И принесли свои болезни. Мы тоже много болели, но чужие болезни не поддавались целительным силам наших шаманов. Чужеземцам удалось то, что не удалось многим вражеским воинам: они уничтожили калуза.

Последний Калуза остановился перед Сэмом и пристально посмотрел на него. Младший Винчестер увидел, что глаза в прорезях раскрашенной маски беспрестанно меняют цвет. Низкий гулкий голос произносил слова на неизвестном языке, хотя Сэм великолепно понимал их, и эхом отражался от деревянной поверхности.

– Наши люди гибли, и тогда священники собрались вместе, понимая, что надо что-то делать. Когда в живых осталась лишь жалкая горстка калуза, один священник сумел собрать души мертвых воедино, чтобы однажды они смогли отомстить тем, кто уничтожил нас. Едва пришло время, мы вернулись. Мы отнимем жизни чужаков, как они когда-то поступили с нами. Это и есть месть калуза.
– Чудненько, – пробормотал Сэм.

Он заметил, что Последний Калуза выглядит довольно материальным, хотя зачастую призраки куда более прозрачны. В сущности, на то, что Последний Калуза не был человеком, указывало только полное отсутствие запаха. Сэм не мог учуять ничего: ни запаха краски, ни запаха дерева от маски, ни запаха тела самого индейца. Пахло лишь землей и солоноватым ветерком с океана. Так же было когда-то и с Молли: ее призрак, не отличимый от обычного человека и переживающий одно и то же на протяжении пятнадцати лет, был вполне осязаемым, но ничем не пах.

– Какой в этом смысл? – не сдавался Сэм. – Калуза как были мертвыми, так такими и останутся. Прошло больше двухсот лет. На полуострове за это время пожила не одна нация; не осталось ни одного человека из тех, кто вытеснил вас; большинство тех, кто здесь сейчас живет, даже не потомки виновных в вашей смерти.
– Смысл прежний: месть. И это самое главное, – Последний Калуза отступил. – Вы пробудете здесь до вечерней зари. Потом все будет кончено, – и он исчез.

Двигаться все еще не получалось. Сэм надеялся, что удастся образумить призрака, хотя и понимал, что шансы на это равнялись нулю. Мстительные духи, они как компьютер:

делают только то, на что запрограммированы, и ничего кроме. Что посеешь, то и пожнешь.

– Какого черта здесь творится? – спросил шеф полиции. – Это безумие какое-то, как может...

– Шеф, – позвал один из полицейских. – Мы вас уважаем, но все-таки заткнитесь уже. А ты... эй, парень!

Сэм сообразил, что обращаются к нему:

– А?

– Ты, наверное, один из тех охотников, про которых рассказывал Вэн?

Шеф побагровел:

– Охотники? Какое отношение может иметь какой-то болван, бегающий за оленями, к...

– Да, мы с братом познакомились с офицером Монтрозом вчера вечером. Меня зовут Сэм Винчестер.

– Знаешь, как остановить это существо, Винчестер? – к разговору присоединился второй коп.

– Есть много способов уничтожить привидение, – уклончиво отозвался Сэм.

– Хорошо говорить загадками, сынок, – сказал третий коп. – Нам этого добра на работе хватает. Лично я бы предпочел честный ответ фальшивым уверениям.

– Я тоже.

– И я.

– Да о чем мы вообще разговариваем? – завопил шеф полиции.

Поскольку начальника игнорировали собственные подчиненные, Сэм решил, что и ему можно:

– Я не уверен. От такого призрака можно избавиться двумя способами. Первый срабатывает почти с любым призраком: посолить и сжечь останки.

– Что значит «почти»?

– Ну, иногда тело кремируют или с останками случается что-нибудь, что приводит к их полному уничтожению. А иногда... – он заколебался. – Иногда призрак просто слишком силен.

На секунду все притихли. Потом взвыл шеф:

– Народ, вы сбрендили! Какие еще призраки? Это чушь!

– Босс, вы сколько прожили на Ки-Уэсте? – поинтересовался полицейский.

– Я не верю в привидений, – насмешливо откликнулся шеф.

– А это что было, по-вашему? Спецэффект? И почему вы двигаться не можете?

– Безумие, – забормотал шеф. – Просто... безумие...

Его бормотание заглушил медэксперт:

– Мистер Винчестер, вы говорили о двух способах и, насколько я понял, хотите сказать, что первый тут не сработает.

– Не сработает, – согласился Сэм. – Этот призрак является воплощением всего племени. Нам в жизни не собрать все останки.

– Отлично. А второй какой?

– Последний Калюза – мстительный дух, который пришел сюда с определенной целью. Некоторые такие призраки предупреждают о чем-то, другие пытаются сообщить, кто их убил. Когда они добиваются своей цели, то уходят сами.

– То есть, когда этот парень сделает, что хотел, он исчезнет? – уточнил коп.

– Ага.

– Превосходно! – воскликнул другой. – Получается, все, что мы можем сделать, это дожидаться, пока он уничтожит всех людей. Обалдеть.

– Не всех, – поправил Сэм. – Он сказал, что умрут «чужаки». Заметьте, офицера Монтроза он не тронул. Думаю, жертва придаст ему сил уничтожить всех, кто не является индейцами. Ну, или он оставит те племена, которые считает дружественными калюза.

– Сумасшедший дом, – проговорил шеф полиции.

– Согласен, – поддакнул коп. – Он хочет нас убить, потому что его люди заболели? Он же сам сказал, что во всем виноваты эпидемии! Никто не может за это отвечать!

– Что-то я не видел, чтобы ты пытался донести до него свою точку зрения, – огрызнулся медэксперт.

– А что, неясно, что этот парень и слушать не станет?

Не обращая внимания на спор, Сэм сосредоточился на внутренних ощущениях. Может, если посильнее сконцентрироваться, получится освободиться от невидимых пут? Прошло время (на часы, естественно, не посмотрим), но ситуация не изменилась. Тогда Сэм попробовал сосредоточиться еще немножко посильнее.

«Буду пытаться до завтра. Все равно больше ничего не остается...»

ГЛАВА 16

Дин ерзал на капоте Импалы, припаркованной на шоссе 1А около Международного аэропорта Ки-Уэста, и думал, что для хибарки со взлетно-посадочной полосой название получилось довольно напыщенное. С другой стороны, отсюда летали в другие страны, пусть многие из них и располагались ближе к Ки-Уэсту, чем сам остров к столице Флориды. Бобби пообещал, что прибудет в районе десяти. Дин мог бы зайти и проверить, но не хотел: там он бы оказался в опасной близости от самолетов. Хватало того, что эти адские механизмы летали над его головой, и шума, с которым они обрушивались... ладно, приземлялись на полосу. Дин в толк взять не мог, как Бобби вообще пришло в голову путешествовать именно таким способом. Хотя в их случае, когда времени оставалось только до заката, в полете было чуть больше смысла. Сэм не раз ныл, что просто смехотворно повсюду передвигаться автомобилем, и даже Дину приходилось признавать, что это их ограничивало. Но летать было дорого, равно, как и оставлять где-то надолго Импалу, хотя Бобби всегда мог уделить для нее пятак совершенно бесплатно. Вопрос с перевозкой оружия стоял гораздо серьезнее. Дин во многом полагался на их с братом способности подделывать документы, но куда легче обдурить проливающую слезы вдовушку или задержанную медсестру, чем охрану в аэропорту.

«Сэмми...»

Дин потряс головой и чуть из штанов не выскочил, заслышав рев очередного взлетающего самолета.

«Проклятье!»

Шоссе проходило по южному побережью острова, причем с одной стороны был пляж, а с другой аэропорт. Если Дин садился лицом к аэропорту, то наталкивался взглядом на

самолеты, и от этого зрелища его пробивал холодный пот. Если он садился лицом к океану (*бонусом в таком случае выступали женщины в купальниках*), то гул самолетов заставлял его врасплох, и Дин каждый раз чуть богу душу не отдавал. Если уж и страдать фобией, то боязнь самолетов при его работе – не худший вариант. Клаустрофобия или боязнь громких звуков мешали бы больше. Старший Винчестер был не против страха, пока он оставался здоровым: страх, от которого подгибаются колени, немеют руки и ноги, от которого невозможно сдвинуться с места и бросает в пот – это уже никуда не годится. И здорово мешает работе. Работа была для Дина всем на свете. Да, у него еще был Сэм, но брат тоже замысловато вписывался в понятие работы.

Дин присел на капот, снова вскочил и начал мерить шагами обочину.

«Жалко, что я не курю. Сейчас бы сигаретку...»

Конечно, курение бы сильно не помогло. И вообще, хватит с него проблем с ценами на бензин, чтобы еще заиметь привычку, которая обойдется в пять баксов за пачку. Но это тоже работа: и дешевые мотели, и дешевый кофе, и дешевое пиво, и дешевая еда, от которой артерии взвывают уже через секунду.

«С чего мне беспокоиться о здоровье? Какой смысл бояться инфаркта или рака легких в полтинник, когда я и до тридцати не дотяну?»

В кармане задребезжала вариация песни «Crossroads» Эрика Клэптона, и Дин достал телефон:

– Да, Бобби?

Видимо, на одном из самолетов он и прилетел.

– Самолет сел.

– Хорошо. Я на улице, скоро увидимся.

Минут двадцать Дин ждал в машине около терминала, потом Бобби с небольшой сумкой, наконец, вышел на улицу:

– Кое-что я выслал прямо в «Нейлор-Хаус». Не пришла еще посылка?

– Без понятия. Я там с ночи не был.

Он так понял, что Бобби упаковал отдельно вещи, которые самолетом не провезешь. Бобби забросил сумку на заднее сиденье и уставился на Дина через стекло:

– Ты нормально тут? У тебя синяки под глазами больше глаз в три раза.

Старший Винчестер помотал головой:

– Всю ночь рылся в папином дневнике. Ни черта не нашел ни про Последнего Калуза, ни про демонические ритуалы для уничтожения могущественных призраков. Потом меня достало сидеть в комнате, и я поехал кататься по архипелагу.

Бобби открыл дверцу и сел рядом с Дином:

– Познакомившись с летящей мыслью Джона, я бы сам захотел проветрить мозги. Ладно, давай разберемся, с чем мы имеем дело.

Дин пристегнулся: наличие в машине Бобби отчего-то подталкивало к соблюдению правил безопасности. Обычно старший Винчестер такими мелочами не заморачивался, хотя в последнее время пристегивался, когда брат настаивал, чтобы не давать повода к очередной ссоре: они и так слишком много грызлись. Кроме того, будучи в федеральном розыске, было бы глупо проколоться на сущей мелочи вроде непристегнутого ремня и попасть прямиком в загребушие ручки специального агента Хендриксона. В случае с Бобби, Дин воспользовался ремнем безопасности инстинктивно. А может, из уважения, если другой причины не подобрать.

Ночка выдалась неудачная. Можно не спать, если из этого есть какой-то результат, но Дин только и делал, что рылся в пухлой записной книжке, унаследованной от отца. После смерти жены Джон Винчестер охотился не один десяток лет и тщательно вел записи. Другое дело, что систематизировать записи он не стал: кроме откровенно ложной информации, занесенной в конец дневника, остальные сведения расползались по страницам в полном беспорядке. Сэм порывался сделать в своем ноутбуке базу данных, но все никак не хватало времени. Короче, Дин всю ночь разбирал папин странный почерк и строки а-ля сверху-вниз-наискосок только чтобы выяснить, что отец то ли никогда не сталкивался с подобным, то ли сталкивался, но записать не удосужился.

«Спасибо тебе, папа. Как всегда, здорово помог...»

А тут еще капитан Нейлор, не особо считаясь с собственным обещанием оставить Дина в покое, продолжал возникать в комнате и интересоваться, как продвигается, вперемешку с жалобами на проделки Федреготти. В конце концов, старшему Винчестеру надоело, и он удрал из комнаты.

– Получил мое сообщение?

– Да, еще в Атланте. Не нравится мне все это.

– Мне тоже, но если у тебя возникла идея получше...

– Дин, по сравнению с сотрудничеством с демоном любая идея получше будет.

– Да ну? – окрысился Дин. – А перебраться Колт тебе помогла обычная блондинка с просто ну ооочень черными глазами, да?

Бобби промолчал.

– Слушай, – продолжал Дин. – Ты сказал, что наш Тонто^[61] не может использовать мою жизнь, потому что меня уже принесли в жертву. Эта жертва была ради того, чтобы Сэмми мог жить. Я не хочу, чтобы эта жертва ушла впустую, поэтому мы в лепешку разобьемся, но Сэм не погибнет. Если для этого придется срабататься с долбаным демоном, будем работать с долбаным демоном.

– Дин, мне такая затея не нравится.

– Прости, но кого это колышет? Мы говорим про Сэма!

– Именно, и ты уже один раз сделал глупость, спасая его. Я не хочу, чтобы ты вляпался еще во что-нибудь, даже не подумав сперва, – Бобби обвиняюще ткнул Дина пальцем. – И не смей разговаривать со мной в таком тоне, мальчик. Я в этом деле куда дольше, чем ты, и я прекрасно понимаю, что случится, если все пойдет под откос.

Бобби не стал вдаваться в детали, а Дин не решился расспрашивать, потому что смутился. Как ни крути, Бобби был ему почти как отец. Черт, он в каком-то смысле был даже лучше отца и уж точно не заслуживал Диновых закидонов.

– Прости, Бобби.

– Не бери в голову, – сказал Бобби уже спокойнее. – Я не обиделся. Но учти, не один ты всю ночь на ногах.

Несколько минут они ехали в полной тишине.

– Что именно собирается сделать демон? – первым заговорил Бобби.

Дин выехал на Уайт-стрит:

– Она сказала, что заклинание направит энергию всех духов Ки-Уэста в единственный сосуд.

– И этим единственным сосудом будешь ты?

Дин кивнул:

– Ей нужен доброволец, иначе она потратит слишком много времени, чтобы подчинить волю человека, и не сможет как следует сосредоточиться.

– Логично, – Бобби поджал губы. – Последний Калуза обладает силами всего племени плюс силой людей, которых он убил. Благодаря ритуалу демонов, призраки на острове стали гораздо сильнее. Если собрать их в одном человеке...

– Получится один большой и страшный призрак, – договорил Дин.

– Черт возьми! – взгляд Бобби стал отсутствующим.

– Бобби? – окликнул старший Винчестер, выруливая на Итон.

Бобби встрепенулся:

– Я кретин. Надо было сообразить, еще когда твое сообщение получил. Похоже на разновидность манипуляций с гештальтом.

– Будь здоров.

Бобби не удостоил его ответом, и Дин немного расстроился. Сэм на такую реплику, по крайней мере, раздраженно закатил бы глаза, а Бобби просто объяснил:

– Это заклинание, когда несколько людей объединяются в одного.

– Видел когда-нибудь в действии?

– Не-а, – Бобби помотал головой. – Это очень сложная штукавина. Из тех, что творят монахи после пятидесяти лет медитаций.

– Или демоны между делом?

– Ага.

Дин вывел Импалу на подъездную дорогу к гостинице:

– То есть, фактически будем клин клином вышибать. Тонто – призрак с внутренней армией, и мы ударим по нему призраком с таким же довеском.

– Хорошее сравнение, да, – Бобби вылез из автомобиля и забрал с задних сидений сумку.

Бодж сидела на крыльце, а Снупи дремал, положив голову ей на колено.

– Привет, малыш-Динни! Тебе посылка. Ники унесла ее в дом.

Заслышав такое приветствие, Бобби покосился на Дина, но старший Винчестер мужественно проигнорировал его взгляд, затратив на это только чуть больше усилий, чем в случае с Сэмом:

– Спасибо, Бодж. А это наш друг Бобби.

– Приятно познакомиться, Боб. Я бы встала, но... – она кивнула на дрыхнущего бобтейла.

Бобби улыбнулся:

– У меня самого был пес. Ясное дело, если не бежит встречать гостей, значит, пушкой не поднимешь.

– Точно, – рассмеялась Бодж. – Если хотите, с завтрака еще что-то осталось.

– Спасибо, – Дин запрыгнул на крыльцо, задержавшись почесать Снупи.

Собака на миг приподняла мохнатую голову и хлопнулась обратно. Никки нашла за регистрационной стойкой. Дин познакомил ее с Бобби, расписался за посылку, потом они забрали большую коробку и пошли к столу, на котором расположились два кувшина с кофе, тарелки с нарезанными фруктами, тостер, буханка хлеба, масленка, баночки джема и несколько упаковок с сухими завтраками.

– Нормально позавтракать здесь можно только с шести до девяти, – печально сообщил Дин.

Он мог бы поесть плотнее, но в это время был где-то на Ки-Ларго^[62]. Бобби, впрочем, удовольствовался тем, что было: он налил себе кофе и сунул в тостер два куска хлеба.

Наевшись, они пошли в комнату Дина. Капитан Нейлор вполне предсказуемо ждал их там:

– Вижу, после исчезновения брата вы все же привели подмогу. Доброе утро, сэр. Я капитан Терренс Нейлор, узник этого проклятого дома.

Бобби оторопело отозвался:

– Э... Бобби Сингер. Друг Дина и Сэма.

– Мы заключили договор с мистером Винчестером, – объяснил капитан.

– Точно, – прошипел Дин. – Что вы оставите меня в покое, а потом я посолою и сожгу ваши кости, и все закончится. Но что-то вы со своей частью не спешите.

– Прошу прощения, – отозвался Нейлор без тени раскаяния. – Но мое кошмарное существование стало еще хуже.

– Уже рыдаю.

– Собственно, для этого нам нужна ваша помощь, – вмешался Бобби. – Ваша и всех остальных призраков острова.

– Уточните, мистер Сингер.

Бобби быстро объяснил суть заклинания и добавил:

– Если вы сможете побеседовать с другими привидениями, окажете нам большую услугу.

– Сомневаюсь, что имею такое влияние на моих почивших товарищей... однако, так как затронуты мои интересы, я приложу все усилия, – и призрак исчез.

Дин недоверчиво уставился на Бобби:

– Ты, правда, думаешь, что капитан Ахаб^[63] сможет уговорить других привидений объединиться?

Бобби пожал плечами:

– Попытка не пытка. И лошадь может заговорить.
– Прости? – недоуменно переспросил Дин, смутно подозревая, что при их-то жизни, возможно, Бобби действительно имеет в виду говорящую лошадь.
– Мне дядька рассказывал. Однажды мужика приговорили к смерти, и король спросил, хочет ли он что-нибудь сказать напоследок. Мужик и говорит: «Ваше величество, дайте мне год и я научу вашу лошадь говорить!» Король решил, что это забавно, и согласился отложить казнь на год. Отвели мужика на конюшню, а его друг говорит: «Ты свихнулся? Ты не научишь лошадь говорить, это невозможно!» А мужик такой отвечает: «Слушай, у меня есть год. Я могу за это время умереть. Король может за это время умереть. Ну, или чем черт не шутит – лошадь может заговорить».

Дин молча таращился на Бобби пару секунд, потом достал нож:

– Что ж, надеюсь, лошадь заговорит.

Он вскрыл коробку и вынул оттуда разнообразную охотничью утварь, включая святую воду, амулеты и оружие.

– Если я правильно понимаю, как работает заклинание, – проговорил Бобби. – Демон в кого-нибудь вселится и наложит на тебя чары.
– Почему бы ей не использовать самого одержимого?
– Если она сказала, что будет отвлекаться, сражаясь с волей человека, то, наверное, попытавшись прокачать через него энергию, испытает ту же проблему.
– Хорошо, что в нас никто вселиться не может, – вздохнул Дин.

После случая с Мэг Бобби дал Дину и Сэму амулеты, защищающие от одержимости. Позже братья сделали соответствующие татуировки у себя на груди, а амулеты хранили в Импале на всякий пожарный.

– Да, – Бобби поскреб бороду. – Надеюсь, сработает.
– Ты не уверен, что татушки помогут? – удивился Дин.
– Дин, ни в чем нельзя быть полностью уверенным, тебе ли не знать. А этот демон себе на уме. Может произойти все, что угодно.
– Пожалуй, соглашусь.
– Ладно. Так вот, что мы сделаем...

* * *

Бобби Сингер долгое время вел совершенно нормальную жизнь: жена, бизнес, счет в банке, уважение соседей – он был вполне счастлив, живя в соответствии с американской мечтой. Но потом что-то произошло с его женой: он сначала не знал, что именно, но в итоге ему пришлось убить ее, пока она никому не причинила вреда. Он ударил ее ножом второй раз – с первого не вышло – и только тогда она умерла, извергнув странный черный дым.

С этого момента Бобби не мог жить спокойно: даже не потому, что убил собственную жену, а потому, что понятия не имел, что с ней произошло. Он не был особенно начитанным, хотя неплохо разбирался в технике и ровно учился в школе. И после всего случившегося поклялся, что больше такого невежества не допустит: он начал изучать литературу, пустоватый дом при автосвалке, в котором он жил себе спокойно, быстро заполнился книгами, рукописями, картами и прочим в том духе. Никогда больше никто не умрет из-за того, что Бобби Сингер чего-то не знает! Когда Бобби узнал, что мог спасти жену обычным латинским заклинанием экзорцизма, почти таким же, как в фильмах, чувство вины усилилось. Более того, это чувство его чуть с ума не свело, но он выстоял и продолжал глотать любые попавшие в руки тексты, пытаясь узнать как можно больше о темном мире магии и всякой чертовщины.

Прошло время, и Бобби заработал определенный авторитет среди охотников – людей, работающих втайне и отслеживающих ночных чудовищ. Если кто-то нуждался в информации, обращались к нему. *(Кстати, если нужно было починить машину, обращались тоже к нему, потому что бизнес он не бросил.)* Охотники говорили, что если уж Бобби чего-то не знает, то это что-то и знать не стоит. А чувство вины все росло.

За годы он заполучил много друзей, но только Джон Винчестер раздражал его настолько сильно. Вспыльчивый, угрюмый, скрытный, встающий на дыбы всякий раз, когда не удавалось заполучить желаемое, он часто появлялся в доме Бобби на заре своей охотничьей карьеры. В последний раз, когда Бобби видел его живым, то едва сдержал порыв разрядить ружье Джону в живот. Единственной причиной, почему он не сделал этого еще раньше, были Сэм и Дин. Бобби любил мальчиков, как родных, и очень гордился, что они называли его «дядя Бобби», когда были помладше.

Изучив горы литературы о демонах, Бобби уяснил, что лучше с ними не связываться. Их надо изгонять, и все на этом. Нельзя разговаривать с ними, нельзя договариваться с ними, нельзя давать им ни единого шанса, потому что стоит тебе на миллисекунду ослабить бдительность – и конец. Вот почему Бобби так сердился, узнав, что Дин заключил сделку с демоном перекрестка, чтобы спасти брата.

«И какого черта я делаю, помогая Дину срабататься с еще одним демоном? Что я делал, попросив у Руби помощи с Кольтом?»

Все изменилось, это уж точно. Когда Дьявольские Врата открылись, демоны разлетелись повсюду, готовые к сражению. Как единственный выживший из всех любимчиков Азазеля, Сэм имел все шансы стать частью заварушки. К лучшему или худшему, но это означало, что Дин и Бобби присоединяются к нему. Оставалось надеяться, выбранная сторона победит.

* * *

Бобби и Дин снова навестили стройплощадку, подъехав так близко, насколько возможно, потому что барьер никуда не делся, более того, вокруг него создали внушительный кордон, включающий представителей местной полиции, полиции округа, полиции штата и военно-морского флота. Сходив на разведку, Дин вернулся в машину:

– Побеседовал с нашим приятелем Монтрозом. Говорит, весь день пытаются пробиться внутрь, но без толку.

– Не удивительно. Не думаю, что это возможно.

Дин сел за руль:

- Монтрозу удалось заглянуть внутрь. Говорит, Сэмми и остальной народ с ночи стоят вокруг костей и не двигаются.
- Порошок пробовал?
- Да, он пристаёт к барьеру, как ты и сказал, так что барьер теперь виден.
- Ладно, – Бобби взглянул на часы. – Почти пять. Пора на свидание с демоном.
- Угу.

Дин изо всей силы врезал по рулю, выкрикнул что-то неразборчивое и начал ругаться вполне внятно, наградив руль ещё несколькими тумаками. Потом он завел двигатель и молча развернул машину. Бобби не был уверен, хорошо ли, что Дин смог при нем вот так спустить пар, хотя в жизни не стал бы терять хладнокровие в присутствии Сэма.

Памятником самой южной точке служил кусок бетона в форме буй^[64], раскрашенный в черный, красный и желтый цвета. Памятник располагался на площадке на пересечении улиц Уайтхэд и Саут-стрит, самый юг Ки-Уэста, всего в двух кварталах от стройки. В пять вечера Бобби ожидал увидеть здесь больше туристов, фотографирующих друг друга около буйка, но возле памятника обнаружилась одна только симпатичная юная брюнетка. Она была невысокая, фигуристая, и весь ее наряд составляли джинсовые шорты, светло-зеленый лиф от купальника и того же цвета плетеные сандалии. Завидев Дина и Бобби, она чуть ли не подскочила и протянула тонкий цифровой фотоаппарат:

- Ох! Извините, не сфотографируйте меня около буйка? Для фейсбука^[65] позарез надо!

Дин изобразил одну из своих самых ослепительных улыбок:

- С удовольствием, но потом вам придется уйти. У нас тут встреча, и туристы на ней не приветствуются.
- Правда? Вы, случаем, не драгдилеры? Есть что-нибудь интересное?

Бобби надоел этот цирк. Единственной причиной, почему в хорошую погоду около одной из самых известных достопримечательностей острова нет людей, могло быть лишь то, что кто-то использовал свои способности, чтобы держать их в стороне.

- Хватит трепаться, леди. Мы пришли, так давайте делом займемся.
- Хороший ход, – добавил Дин. – Думаешь, меня будет легче уболтать, если вселишься в тело горячей цыпочки?

Глаза девушки залила чернота:

- Вообще-то да.
- Топорно сработано, – фыркнул Бобби. – Даже по меркам демона.
- По клиенту и работа, – парировала девушка. – Дина насквозь видно. Труднее было найти подходящую грудастую детку в бикини. Кроме того, я подумала, что Дину будет тяжелее бахнуть в меня из его игрушечного пистолетика, если заодно придется убить бедную невинную Кэт. Кстати, милая девочка. Собирается в Августана-колледж, это недалеко от твоего дома в Су-Фолсе, не так ли, Сингер? Она еще не определилась со специализацией и решила перед началом семестра провести пару недель здесь.
- Есть и другие способы, – процедил старший Винчестер.
- Ты не производишь впечатление изгоняющего дьявола, Дин.
- А он тут не один, – вмешался Бобби. – Мы будем работать с тобой, но только потому,

что из двух зол выбирают меньшее. Но имей в виду, Кольт у нас, и я знаю кучу ритуалов экзорцизма. Поверь, если я замечу, что хоть что-то пошло не так, я тебя убью, даже если придется пожертвовать Кэт. Мы друг друга поняли?

Демон улыбнулся пухлыми губами одержимой девушки:

– Яснее ясного, мальчики. А теперь приступим. Время – деньги, так что давайте за работу.

У Бобби засосало под ложечкой от смутного предчувствия, что до утра Кэт не доживет.

ГЛАВА 17

Сэм много сражался и не раз побеждал: богов и демонов, монстров и призраков – но в данный момент самой сладкой победой для него бы стала возможность пошевелить большим пальцем на левой руке. Наверное, потому, что большую часть дня он пытался это проделать. Солнце, проглядывающее в прорехи брезента, стало для Сэма и его товарищей по несчастью единственным способом проследить течение времени. Ночь была долгая и нервная, тем более, когда нет возможности взглянуть на часы, кажется, что время тянется, как жвачка. Когда встало солнце, всем стало полегче.

Сэм предлагал всем вздремнуть ночью, чтобы встретить Последнего Калуза отдохнувшими, но особого успеха не добился. Младший Винчестер спал в куда более необычных местах и позах, чем стоя на стройплощадке, так что дремать на ногах для него было не в новинку, но его компаньоны не могли похвастаться тем же опытом. Они были слишком перепуганы и взбудоражены, чтобы уснуть. Вместо этого до самого рассвета они подшучивали друг над другом и сплетничали, так что очень скоро Сэм узнал о жизни местного полицейского управления больше деталей, чем хотелось. Вклад в беседу Сэм внести не мог, поэтому сосредоточился на собственных мыслях. Надо было как-то преодолеть наложенный призраком паралич. Ясное дело, Последний Калуза носил в себе силу тысяч, а то и миллионов душ, включая выпитых за последнее время людей и демонов, но с другой стороны, ему приходилось контролировать пленников, одновременно занимаясь приготовлениями к жертвоприношению.

Сэм Винчестер мог быть чертовски упрямым, когда хотел.

«Не верите – спросите отца, когда я собирался в Стэнфорд. Или брата, когда я отказывался смириться с его смертью».

Он собрался с духом, сосредоточился, надавил волей, гримасничал от натуги и вообще из кожи вон лез. Потом надавил еще немного... Через много часов ему удалось-таки пошевелить большим пальцем.

«Палец есть, дело за остальным телом...»

Сэм открыл глаза, благодарный, что может хотя бы это. Последнему Калуза жертвы были нужны живыми, поэтому он позволил им дышать. Он позволил им моргать, должно быть, чтобы они ясно видели крушение мира. Что до способности говорить... По личному опыту Сэма, если враг оставляет твой рот свободным, то в девяти случаях из десяти это значит, что он хочет услышать, как ты кричишь.

Полицейские с экспертами как раз обсуждали какое-то происшествие – неплохой способ отвлечься от безумной ситуации, в которой они оказались: окунуться в ежедневную рутину.

- Они просто идиоты. А идиотам нырять нельзя.
- Если не будет идиотов, то мы останемся без работы.
- Аминь.
- Эти ребята ведь из Нью-Джерси были, так? Да что они у себя в Нью-Джерси знают о подводном плавании? Господи, у них даже ходовой катушки^[66] с собой не было!
- Ну, те дайверы из Джерси, которых я встречал, были совершенно безбашенные. Лучшие ныряльщики за всю мою жизнь. До случая с нашими шутами, конечно.
- А по мне, естественный отбор.

Пока они болтали, Сэм продолжал шевелить пальцем, надеясь, что отойдет и вся рука. У него одно время проявлялись умения предвидеть будущее, а однажды даже получился телекинез. Позже Сэм узнал, что это были предвестники способностей, которые позволили бы ему встать во главе армии Азазеля. С того момента, как Дин застрелил желтоглазого демона, от способностей не осталось и следа. Сэм впервые пожалел об этом: не то чтобы он желал возвращения демонических сил, но гибели большей части человечества тоже не хотелось. Солнечные лучи уже не падали прямо, напоминая, что времени в обрез. Сэм надеялся, что Дин тоже работает над проблемой. Черт, он надеялся, что Дин хотя бы жив! Младший Винчестер долго думал, почему Дина не зацепило, и, в конце концов, решил, что Последнему Калуза нужно было определенное число жертв. Дина, как лишнего, он мог просто-напросто убить.

«Надеюсь, я не прав. По-любому, надо продолжать».

Так что он стоял и все пытался пошевелить кистью руки.

* * *

Дин гнал Импалу так быстро, как только мог. Он хотел подъехать поближе к стройплощадке, но демон настоял заехать сзади. Старший Винчестер вообще хотел заставить его идти пешком, но тот просюсюкал:

- На сделку согласен, а пустить меня в твою драгоценную малюпусенькую машинку – нет?
- Именно, что нет.
- Дин, – укоризненно проговорил Бобби.
- Ладно, мне по барабану.

По прибытию на место Дин буквально вылетел из машины и рванул заднюю дверь:

- Вон!
- Как скажешь, папочка, – надула губки девушка.

Дин чуть не зарычал. Если бы он встретил Кэт в баре на Дюваль-стрит, всенепременно бы за ней приударил, но, зная, что внутри этого тела прячется «Федра», хотел только выхватить Кольт и угостить ее пулей. Вместо этого он просто вынул из-за ремня револьвер и вручил его Бобби. Бобби кивнул и взял его:

- Полагаю, пустая улица – твоих рук дело, малышка?
- Правильно полагаешь, – улыбнулась девушка. – Не могу работать при большой аудитории. Пока вы оба труснюки подтягивали, я просто заставила народ забыть, что здесь что-то происходит, и уйти с площадки. Это временно, к утру они опомнятся. Но к тому времени, так или иначе, будет уже не важно.
- Спасибо, с моими трусами никаких проблем, – Дин достал пакет порошка и бросил перед собой целую горсть: порошок застыл в воздухе, будто прилип к намазанной клеем стене.
- С моими тоже, – сладкая улыбка стала порочной. – Потому что эта юная леди трусиков не носит.

Дин зажмурился, глубоко вздохнул, выгоняя из воображения возникшую там картинку, и снова открыл глаза.

- Барьер двигается. Когда я врезался в него вчера вечером, он не прикрывал вон тот пожарный гидрант, – Дин указал на гидрант, теперь оказавшийся внутри огороженной территории.
- Наверное, виноваты наши приятели из полиции и военных сил. Их хлебом не корми, дай только попалить во что-нибудь, – предположил Бобби. – Должно быть, почувствовав сопротивление, барьер расширяется.

Кэт закатила глаза:

- Отличная дедукция, Ватсон. Класс уже в курсе. Давайте уже начнем, а? Десять минут шестого, а у нас полно работы. Сингер, не будешь так добр нарисовать на асфальте пентаграмму? Но только правильно.
- Ты имеешь в виду неправильно? – язвительно усмехнулся Бобби.
- Полегче, горячий южный парень. Ты хочешь, чтобы у нас получилось или нет? Для демонического ритуала нужна перевернутая пентаграмма.
- Да-да-да, – Бобби достал из кармана кусок мела и принялся чертить.
- А мне что делать? – поинтересовался Дин.

Демон достал нож:

- Просто стой на месте и будь хорошим мальчиком, – и он молниеносно полоснул ножом по своей правой ладони.

Дело было сделано так быстро, что Дин едва успел заметить движение, а все было уже кончено. Он бросился к девушке и схватил ее за руку с ножом:

- Какого черта ты...
- Может, хватит уже дергаться?

Кэт потянулась и вытерла ладонь о подбородок Дина. Почувствовав теплую липкую кровь, старший Винчестер инстинктивно хотел утереться, но девушка с легкостью освободила руку и теперь уже сама перехватила его запястье:

- Кровь связывает нас для заклинания. Повторяю для глухих танкистов: ты хочешь, чтобы все получилось?
- Я не позволю тебе причинить вред девушке.

Взгляд Кэт потяжелел, глаза заволокло черным:

– Дин, брось корчить из себя младенца. Чтобы сделать омлет, нужно пожертвовать парой яиц. Мне этот мясной костюмчик по-любому живым нужен. Я всего лишь разрежала ей ладонь – не вены на запястьях, не сонную артерию и не бедренную. Так что возьми себя в руки и дай мне делать то, что положено.

– Валяй, – процедил Дин.

– Вот и чудненько, – она снова заулыбалась, сверкнув голубыми глазами, и провела раненой ладонью по щеке Дина.

– А теперь что? – поинтересовался старший Винчестер, чувствуя себя вконец запачканным.

– Приготовься. В твоё сознание разом набьются духи очень несчастных людей. Выбери что-нибудь подходящее – счастливое воспоминание, веселую мысль, любимую песню, горячую девушку – и сосредоточься на этом, откинув все остальное. Надо, чтобы ты продолжал трезво мыслить и не слушал голоса в голове, – демон придвинулся ближе, и Дин почувствовал запах хлора (*должно быть, Кэт недавно купалась в бассейне*). – Уверен, что справишься?

– Не был бы уверен, не соглашался бы, сука. Давай уже.

Девушка хохотнула:

– Вот это мой мальчик.

– Фиг тебе.

– Пентаграмма готова, – Бобби выпрямился.

Девушка взглянула на его работу:

– Ух ты.

– Что? – смутился Бобби.

– Никогда не видела такой аккуратной пентаграммы, нарисованной вручную.

«Бобби в своем репертуаре», – усмехнулся Дин.

Девушка закрыла глаза и задышала медленнее, усаживаясь в позу лотоса. Дин не сразу сообразил, что она не опустилась для этого на асфальт, а так и продолжает висеть в воздухе над пентаграммой. Когда девушка открыла глаза, они были черными.

Бобби стоял в стороне, вытянув руку с Кольтом:

– Не думай, что моя невероятно аккуратно нарисованная вручную пентаграмма защитит тебя от пули, леди.

– И не мечтай, малыш-Бобби. Слушай, я понимаю, что мы друг другу не доверяем. Мы просто сделаем работу, прикончим Последнего Калуза, спасем мир, отомстим за Альберто, а потом я снова примусь изображать обитель зла для твоих супер-друзей^[67], договорились?

– Звучит неплохо, – пробормотал Дин.

Он повернулся спиной к демону и Бобби и сосредоточился на том, чтобы успокоить дыхание. В детстве папа пытался отправить его в школу боевых искусств, но ничего не вышло. Они слишком много переезжали, и Дину приходилось постоянно начинать все сначала. К тому же, у него были проблемы с дисциплиной. В конце концов, отец взялся за старшего сына самостоятельно, обучая его тому, что им показывали в морской пехоте. Элементы восточных единоборств там тоже присутствовали, включая контроль дыхания.

Дин вытянул руки перед собой, подтянул к груди, вдохнул на шесть ударов сердца, задержал дыхание на три и опустил руки, выдохнув на очередные шесть ударов сердца. Потом он повторил упражнение несколько раз, одновременно выбирая, на чем бы сосредоточиться. Это было не счастливое воспоминание (*маловато их выходило*), не любимая песня (*хотя Дин рассмотрел кандидатуру «Kashmir»^[68]*) и не ночь с красоткой (*слишком много их пришло на ум*). Дин выбрал то, что наверняка не позволит ему улететь слишком далеко в дальние дали.

«Бери своего брата и беги так быстро, как только сможешь. И не оглядывайся. Ну, Дин, пошел!»

«Сэм не умрет. Я не позволю. Ты защитишь свою семью, что бы ни случилось».

«Я выручу тебя, Сэмми. Только держись».

«И не оглядывайся».

Он открыл глаза. Кэт бормотала что-то на неизвестном языке, точно не на латыни. Если учесть, что она демон, этот язык мог быть еще древнее. Потом бормотание стихло. А Дин начал кричать.

ГЛАВА 18

...он повторял: «Сегодня тот самый день» уйму лет. Охота за сокровищами в обрамленных рифами морях южной Флориды стала страстью для него и его семьи с пятидесятих годов. Но когда в 1968 году он узнал о затонувшем корабле «Nuestra Senora de Atocha», невероятно богатом испанском судне, найти его стало целью всей его жизни. Корабль затонул в районе архипелага Флорида-Кис, около острова Ки-Уэст. Они с женой и детьми переехали в Ки-Уэст и продолжили искать невероятные сокровища. Поиск клада занял не один десяток лет и отнял жизнь старшего сына. И все же они не сдавались, повторяя «Сегодня тот самый день». С помощью доходов от магазина плавательных принадлежностей, инвесторов, жаждущих урвать часть сокровищ и людей, готовых работать практически бесплатно, он продолжал искать, надеяться и не терять силы духа. Над ним насмехались, называли загребущим кладоискателем, шарлатаном и мошенником. Но здесь, в Ки-Уэсте, стало поспокойнее. Каждая собака знала спятившего старого охотника за сокровищами и его не менее спятившую семейку. И потом, кто его знает? А вдруг он все же найдет свои сокровища? Вдруг когда-нибудь действительно настанет тот самый день. И жарким июльским днем 1985 года это случилось. Его младший сын, Кейн, обнаружил корабль, пока он сам закупал новые ласты. Так они нашли клад – больше тысячи серебряных слитков и сундуки с тремя тысячами монет в каждом. И вот теперь он шел по улицам, и его поздравляли даже совершенно незнакомые люди. Все они знали его, ведь он был уже местной знаменитостью, хотя и считался сумасшедшим. Он буквально раздувался от гордости и молча благодарил погибшего десять лет назад Дирка.

«Жалко, что ты не дожил до этого дня, сынок».

Высокий парень с взлохмаченными волосами и серо-зелеными глазами подошел к нему и оживленно потряс за руку:

– Сегодня знаменательный день, правда?

«Сэм...»

Она больше не могла терпеть. Когда они покинули Ки-Ларго, все пошло наперекосяк. Ей нравилось там жить, но папа получил новую работу, и мама настояла на переезде в Чаттанугу^[69], хотя шла середина учебного года, и все ее друзья остались на прежнем месте. Осталось все: поездки в Ки-Уэст и Майами, прогулки на лодке отца Элли, помощь в наблюдении за птицами и фестивале дикой природы в Марафон-Ки... Она сражалась изо всех сил: устраивала истерики, плакала, повторяла, что ничего не выйдет. «Я буду выглядеть жалко!», «Ничего не получится!», «Все будут ненавидеть меня!» В последнем она не сомневалась, зная, как относятся к тем, кто переводится в новую школу в разгаре учебного года: их просто забивают. Но ее никто не слушал. Никогда не слушал. В общем, они переехали в Чаттанугу, и все дети набросились на нее: «Салага!», «Тут тебе не Флорида!», «Почему бы тебе не придти на тусовку? Как это, не знаешь, куда идти? А почему?» Потом она совершила роковую ошибку, решив выпить с классными парнями и не подозревая, что классные парни запаслись рогипнолом^[70]. В ее рассказ об изнасиловании никто не поверил. К тому же она едва могла что-то вспомнить, кроме смутных обрывков: сначала несколько парней стянули штаны, а потом постоянно болело между ног. Мама решила подать в суд, но папа сказал, что она сама напросилась. К счастью, в аптечке мама держала кучу таблеток. Предназначения многих из них она не знала, да и сама мама наверняка уже запуталась, ведь лекарств было так много. Так что она просто опрокинула содержимое каждой бутылочки на журнальный столик. Проглотив таблетки, она почувствовала, как комната идет кругом, и увидела папу... Хотя он был сам на себя не похож: слишком молодой, не лысый, а наоборот, с густой шапкой волос. Да и глаза были не того цвета...

«Сэм...»

Он глазам поверить не мог. Кукла? Они могли заключить его куда угодно, а выбрали куклу. Это просто дурацкая религиозная пропаганда. Они утверждали, что его поступки идут от сатаны, но сатана не имел к этому никакого отношения. И потом, разве Бог не сотворил все? Если так, то его заклинания тоже шли от Бога и вовсе не от Люцифера. Но священники и кардиналы настояли на обратном, и ему вынесли приговор. И неважно, что он узнал о монсеньоре Теодоре. Он был просто еретик и поклонник темных искусств. Никто не верил, что у монсеньора есть дети от четырех разных прихожанок. Неужели никто не обратил внимания, что женщины рожали огненно-рыжих младенцев, хотя их мужья в это время сражались за премьер-министра Абердина^[71] на Крымском полуострове? А вместо этого его сожгли на костре. Он знал, что на небеса путь заказан, но удивился, попав не в ад, а в куклу, сделанную домоправителем монсеньора. Видимо, он не один промышлял черной магией. Заключенный в тюрьму из тряпок и соломы, он побывал на Багамских островах, в обеих Америках, а потом стал рабом ребенка. За несколько десятилетий он действительно разозлился. Потом мальчик вырос, сошел с ума и умер, а он очень радовался, что сыграл в этом определенную роль. Он остался в крохотной комнатке, обустроенной специально для него. Люди приходили, глазели, тыкали пальцами, забавлялись видом маленькой комнатки с маленькой мебелью. Вот и сегодня завалилась очередная группа зевак, и их вел молодой человек с копной спутанных волос и серовато-зелеными глазами:

– А это Рэймонд.

«Сэм...»

...он лежал в спальне в Белом доме и таращился в потолок, слыша лишь дыхание своей жены Бесс. Только в тишине своей комнаты под аккомпанемент дыхания жены он позволил себе усомниться, а правильно ли поступил. Когда репортеры спрашивали о

бомбежке Хиросимы, он непреклонно утверждал, что приказ был верным. В бытность его офицером артиллерии все называли Первую мировую войну «войной, которая закончит все войны», но последний конфликт показал, что они чертовки заблуждались. Конфликт растянулся на годы, и его необходимо было как-то прекратить. Немцы сдались в мае, и пора было японцам, которые, собственно, и втянули американцев в эту войну, сделать так же. Но американские парни – его парни – продолжали умирать. Этому надо было положить конец. Его мантрой всегда было «Никогда ни за что не извиняйся», и он никогда не извинялся за свои приказы: ни перед японцами, бомбившими Перл-Харбор, ни перед американцами, которые, благодаря его действиям, смогли жить в меньшей опасности. Но сейчас, в темноте и одиночестве, он думал, а правильно ли поступил. «Не будь ослом, – твердил он себе. – Ты главнокомандующий. Фишка дальше не идет, и ты поступил верно». Он тихонько выбрался из кровати и пошел к двери. Надо попросить кого-нибудь принести стакан теплого молока и постараться заснуть. Открыв дверь, он увидел очень высокого парня с копной густых волос и серо-зелеными глазами. Парень вежливо спросил:

– Чем могу помочь, сэр?

«Сэм...»

...он стоял у смертного одра Агнес и гадал, что теперь с ним будет. Он всегда думал, что выйдет на пенсию, продаст корабль и проведет последние годы вместе с Агнес в их чудесном доме. Но чахотке оказалось наплевать на его планы. Все случилось так быстро: вот Агнес сидит в гостиной и пишет письмо, а он на крыльце читает газету и разглядывает экипажи на булыжной мостовой, а потом вдруг Агнес говорит, что плохо себя чувствует, и уходит в спальню, но не может заснуть из-за кашля. Когда жена начала кашлять кровью, он вызвал врача. Врач поставил тот диагноз, которого он и боялся: Агнес заболела чахоткой, и ничего не поделаешь. И вот она лежит мертвая, а он остался один. Когда он выстроил дом, жилище как раз подходило для растущей семьи. Даже когда дети повзрослели, завели собственные семьи и разъехались, их в доме было двое, не считая заглянувших в гости друзей. Теперь дом казался опустевшим, и он не знал, что делать.

– Простите, капитан, – окликнули его.

Он оглянулся и увидел темноволосого молодого человека с серовато-зелеными глазами.

– Да?

– Мы уже можем забрать вашу жену.

«Сэм...»

...он смотрел, как горит военный завод, чувствуя, как в нос бьет едкий запах, потом побежал к зданию, разыскивая выживших, чтобы отнести их к лазарету. Совсем недавно он приехал из Милана, вызвавшись работать водителем кареты скорой помощи для Красного Креста. В Париже творилось черти что: когда они с друзьями пытались погулять по городу, вокруг падали немецкие снаряды, а потом еще это... Он бежал к пожару и находил только трупы, но, увидев мертвую девушку, остановился. Война – не женское занятие. Здесь не должно быть женщин. Молодые люди погибают, да – ему самому было только восемнадцать, когда он вызвался работать шофером, хотя эти дураки утверждали, что ему нужны очки. Он хотел помогать и живым, и погибшим. Раненые нуждались в помощи, мертвые – в приличном погребении. Нельзя оставлять погибших на поле битвы. Он поднял девушку и понес ее прочь. Она, конечно, была мертва, но это не причина

бросать ее тело огню, и он понес труп в импровизированный морг, поспешно сооруженный около развалин завода. Они сносили туда новые и новые трупы – мужчин и женщин – а трупы все не кончались. Потом он вернулся и нашел смутно знакомого парня в солдатской форме. Из-под шлема выбивались спутанные каштановые волосы, а серо-зеленые глаза неподвижно смотрели в затянутое дымом небо.

«Сэм...»

Он с удовольствием флиртовал с туристами обоих полов, заглядывающими в магазин на Дюваль-стрит. Даже когда он узнал, что болен СПИДом, начал терять вес и испытывать проблемы с кожей, то продолжил стоять за прилавком, продавая туристам глупые футболки и еще более глупые сувениры. Марти разрешил ему работать, пока он может держаться на ногах. Судя по тому, как он выкашливал легкие, работать осталось недолго, но он поклялся себе, что использует оставшееся время на полную катушку. И вот высоченный парень (просто глоток воды в жаркий день!), с густыми каштановыми волосами и серо-зелеными глазами, за которые душу продать не жалко, подошел прямиком к нему.

– Чему могу помочь?

– Мне нужна футболка для брата.

«Сэм...»

Только за письменным столом он чувствовал себя живым. Он сидел в крохотном съемном коттедже, с тетиной авторучкой и тетрадкой, и стихи просто лились на бумагу. Всего несколько стихов попали в печать, и гонорара едва хватало на счета, но пока он мог писать, ему было все равно. Днем он работал уборщиком в здании суда, а вечером писал стихи и только тогда жил по-настоящему. В дверь постучали:

– Вам посылка!

Он открыл дверь, ожидая увидеть почтальона, но этот парень был выше, и у него была лохматая шевелюра, и...

«Сэм...»

Она обожала толпу. Да, иногда люди жадничали с чаевыми, иногда забывали аплодировать, иногда требовали «Free Bird» в сотый раз, иногда откровенно грубили, но, в общем и целом, играть на гитаре в «Булл» было в удовольствие. Хотя сегодня народу было не густо, и она неспешно пощипывала струны любимой гитары. Закончив играть «Me and Julio Down By the Schoolyard»^[72] для парочки за ближайшим столиком, она заметила у барной стойки высокого парня, склонившегося над легким пивом.

– Есть пожелания?

– Леди, вы знаете «Brown-Eyed Girl»?

«Сэм...»

Призраки собирались в нем, и Дину казалось, что он сейчас потеряет себя среди мертвецов: Мэл Фишер, известный кладоискатель; Альтея МакНамара, девушка-подросток, покончившая с собой после группового изнасилования; Рэймонд, та самая кукла из Кае Везо, которая, оказывается, вмещала дух жившего в девятнадцатом веке

колдуна Калеба Дэшвуда; президент Гарри Эс Трумэн, приказавший сбросить атомную бомбу на Японию; Эрнест Хемингуэй, доброволец Красного Креста во время Первой мировой; продавец Жозе Сандовал, гомосексуалист, умерший от СПИДа; поэт Джонатан Гомез; Бонни Боуэрс, певица, погибшая во время подводного погружения, и многие-многие другие. Но Дин сосредоточился на Сэме, на том, что надо спасти брата, и это помогало ему держаться. Взяв себя в руки, Дин почувствовал то, что не испытывал никогда в жизни, даже представить себе не мог: словно весь мир держался на кончиках его пальцев. Дин забрал чужие радости, надежды, мечты, сомнения, замешательство, горе, страдания, любовь, ненависть, забрал чужие жизни – все они теперь текли сквозь его тело. Он думал, что берет от жизни все, но как же он ошибался! Хотя сами по себе прочувствованные жизни были не слишком радостными, у Дина все еще оставался его охотничий азарт – от уничтожения чудовищ, от спасения жизни. Но даже такое яркое ощущение бледнело и меркло по сравнению с тем, что с ним происходило сейчас: как будто всю жизнь он видел мир в черно-белых тонах, а потом вдруг смог различить каждый оттенок спектра. Он видел не просто улицу, стройку, небо и океан – он видел все: как электричество бежит по проводам, как радиоволны рассекают воздух, как энергетические каналы пронизывают землю. Первым делом Дин опробовал свою новую силу на барьере вокруг стройплощадки, разнес его вдребезги. Ясное дело, призрак заметил неладное и возник прямо перед старшим Винчестером.

– Привет, Тонто, – Дин растянул губы в злой улыбке. – Ну, теперь-то ты впечатлен наконец?

ГЛАВА 19

Последний Калуза помнил, что когда-то его племя было могущественным. Помнил потому, что это было причиной их мести и их существования. Калуза не приняла чужаков. Хуже всего были их священники, называющие себя миссионерами, которые пытались заставить калуза верить в одного бога и дошли до того, что утверждали, будто видящая душа единственного сына их бога и еще одна душа неясного происхождения вместе с самим богом всего лишь иное воплощение Трех Богов. Но калуза отринули чужого бога и остались преданы Трем Богам. Чужеземцы только и делали, что вымаливали у своего бога прощение за свои прегрешения. Более того, этот бог позволял иноземцам и дальше совершать плохие поступки, им, утешающимся знанием, что их слабый легковверный бог все равно примет их, стоит преклонить перед ним колени. А еще чужаки ничего не знали о мире духов. Ну, они утверждали, что верят в два загробных мира: один для тех, кто грешил, второй для тех, кто нет. Вернувшись в мир живых, Последний Калуза понял, что чужаки одержали победу и захватили земли, которые племя когда-то считало только своими. И теперь они знали о мире духов еще меньше, чем прежде. Темные духи пытались подчинить Последнего Калуза, ложью обратить его в свое услужение, но жажда мести была слишком сильна. Один темный дух так и погиб, убитый собственной силой, обращенной против него же. Когда солнце уйдет за горизонт, Последний Калуза, наконец, сможет отомстить. Чужаки сполна поплатятся за содеянное.

И вдруг барьер пал. Последний Калуза изумился: никто в этом невежественном мире не мог такое сделать, а темный дух, оставшийся в живых, был слишком слаб. Когда Последний Калуза нашел источник разрушений, он увидел мертвую душу, брата одного из жертв. Он уже был во власти темных духов, присвоивших его жизнь. Последний Калуза не мог принести его в жертву, поэтому оставил в покое. Теперь эта мертвая душа изменилась: в ней металось множество видящих душ, и все они носили смрад темного духа. Кажется, Последний Калуза напрасно думал, что здесь никто не знает о мире духов.

И все же месть свершится: мертвые пели о ней, и Последний Калуза слышал их песню. Потом мертвые запели, обращаясь к Трем Богам, и Последний Калуза начал танцевать.

– Ну тебя, Тонто, – сказал Дин. – Устроил тут танец дождя.

В нем собрались не только собственные боевые умения и умения Джона Винчестера, бывшего морпеха, но и умения десятков офицеров флота, не говоря уж о бывшем офицере артиллерии Гарри Трумэне – собрались и слились в один энергетический удар, который Дин и направил на Последнего Калуза. Удар прошел впустую.

– Проклятье! – Дин попытался еще раз.

Последний Калуза продолжал читать заклинания и танцевать. Джонатан Гомез шепнул Дину на ухо:

– Ярость без страсти ничего не значит. Повсюду лишь гнев.

Последовав совету Гомеза, Дин собрал страсть Мэла Фишера к поиску сокровищ, страсть Бонни к игре на гитаре, страсть Джонатана к поэзии, страсть Хэмингуэя к любви и снова ударил. Хотя внешне Последний Калуза продолжил танцевать, он запнулся и физически, и в словах. Закатное небо прорезала молния, тучи собрались, словно из ниоткуда.

«Боже, это что, действительно был танец дождя?»

Подняв руки к темнеющему небу, Последний Калуза взревел:

– Началось!

– Черта с два.

Дин пустил в ход защиту Трумэна, желавшего уберечь свой народ; Хэмингуэя, который хотел спасти солдат, работая шофером для Красного Креста; капитана Нейлора, который всегда пропускал вперед свою команду; свое желание спасти Сэма и возвел над стройплощадкой собственный защитный барьер. Над морем прокатился гром, и молния угодила прямиком в барьер, но тот выстоял. Последний Калуза повернул к Дину лицо, прикрытое устрашающей маской, и сказал:

– Ты не помешаешь нашей мести!

– А вот увидишь! – Дин собрал страсть вместе с жадной сражаться и защищать и запустил получившийся шар в Последнего Калуза.

Ударом того снесло со стройплощадки, и Дин шагнул к нему, подстегнутый уверенностью Трумэна, что одной бомбы недостаточно, убежденностью солдата, что нужно увериться в полном и окончательном разгроме врага, собственным опытом, говорившим, что всегда надо убедиться, что монстр окончательно мертв – и все это заставило его идти за призраком. Гром и молнии разошлись вовсю, хлынул ливень. Дин не чувствовал струй дождя, но ощущал силу грозы, видел, как невероятный даже для Флориды дождь лупит по тротуару и взбивает грязь. Гроза ударила так неожиданно, что Дин на долю секунды замешкался – и на него обрушилась боль.

Дину часто бывало больно: его швыряли в воздух, сбивали с ног, в него стреляли, его резали и кололи, он был не понаслышке знаком с действием электричества, его пинали, били ногами, пробивали его спиной столько дверей, что невозможно подсчитать, он сидел

в машине, которую снесла фура... Если собрать всю эту боль, получился бы лишь отголосок того, что Дин испытывал сейчас. Побочный эффект от способности чувствовать все состоит в том, что ты действительно чувствуешь все. Восприимчивость возросла до невероятных высот, а боль — до агонии. И все-таки Дин продолжал держать защитный барьер. Пусть он умрет (*чего там, он и так мертвый*), но этот сукин сын не заберет Сэма. Боль усилилась вместе с ливнем: длинные потоки дождевой воды начали оставлять вмятины на крышах полицейских автомобилей (*но не Импапы, как смутно, но с гордостью отметил Дин*).

Накатило отчаяние. Хуже того, души мертвых только усугубили ситуацию: болезненная депрессия Хемингуэя, подтолкнувшая его к самоубийству; опустошенность Альтеи, вызванная тем, кто никто не поверил ее рассказам, и заставившая ее покончить с собой; медленное умирание Жозе от смертельной болезни, пожирающей его тело; ужас приговоренного к смерти Калеба; собственное, тщательно скрываемое отчаяние перед неизбежной экскурсией в преисподнюю. Под этим грузом старший Винчестер чуть было не сдался.

«Сэм...»

Дин быстро затолкал отчаяние на задворки сознания, где всегда прятал свои страхи и сомнения, извлек на свет божий музыку Бонни, поэзию Джонатана, жизнелюбие Хэмингуэя и бросился в бой.

Недостаточно.

«Дерьмо! Откуда он берет силу?»

И только потом Дин сообразил, что эта сила была с Последним Калуза постоянно — он просто поначалу не хотел растрчивать ее на Дина. Но даже после этого старший Винчестер не желал сдаваться. Дин пустил в ход упорство Трумэна, которого в течение большей части политической карьеры никто не принимал всерьез; Хэмингуэя, которому упрямство стоило не одного брака; Бонни, которая сражалась со всеми прелестями быть женщиной в сфере искусства, освоенного в основном мужчинами; Жозе, который пронес свой живой оптимизм через последние дни; Джонатана, который не оставлял надежды стать известным поэтом, хотя так и умер уборщиком; Калеба, который сдерживал гнев и ярость, и, наконец, собственное упрямство. Все это он вложил в самое важное сейчас — стремление уберечь Сэма. Тут боль накатила с еще большей силой, и Дин закричал, запрокинув голову к небу, и дождевая вода заливала ему горло.

* * *

Бобби Сингер много чего повидал в жизни, но такого раньше видеть не довелось. У него все волосы дыбом встали — и под кепкой, и на загривке, и даже в бороде. Он стоял на обочине через улицу от стройплощадки, напротив парящего над пентаграммой демона. По правую сторону Дин сражался с Последним Калуза. Всех троих окутывало свечение, от демона к Дину тянулась тоненькая ниточка энергии. Из-за призванной Последним Калуза грозы на улице стремительно темнело, и все ближайшие фонари погасли, но улица все равно переливалась, как рождественская гирлянда. Свет вокруг Кэт был пламенно-оранжевым, вокруг Дина — красным. Видимо, цвет огня имел какое-то отношение к силе демона. Свет вокруг Последнего Калуза был голубым, и Бобби понятия не имел, что бы это могло значить. Бобби волновали две вещи. Во-первых, Дин явно проигрывал. В первую секунду он отбросил противника, но призрак быстро наверстал позиции. Дин

закричал, и такого душераздирающего звука Бобби никогда не слышал. Это как-то не укладывалось в понятие небольшого поединка силы. Более того, сияние вокруг Дина стало светлеть, а Последнего Калюза окутывал уже ярко-синий свет. Это ладно, Бобби видел, как Дин из худших ситуаций выкарабкивался, и все-таки надеялся, что у того есть шансы на победу. Хуже было другое: с Кэт было, мягко говоря, неважно. Из ее носа, глаз и ушей струилась кровь; шелковистые волосы теперь выглядели жесткими и ломкими, по всему телу вздувались волдыри. Демон выжигал свой сосуд изнутри. Несомненно, демон мог перебраться в новое тело: Бобби заранее позаботился о том, чтобы им не оказаться, но не удивился бы, если бы тварь держала поблизости свежий костюмчик. Другое дело, что заминка, пока демон перебирается в новое вместилище, могла стать для Дина смертельной. И потом, все еще оставалась возможность, что амулеты не сработают, и демон вселится в Бобби. Эта перспектива приводила его в ужас. Бобби мало чего боялся, но этого – да, этого он боялся. Он бы лучше умер, чем оказался на месте жены, Сэма, Мэг... И держал Кольт наготове, стараясь учесть любое развитие ситуации.

* * *

Перед тем, как услышать крик брата, Сэм почти смог освободиться. Он понял, что брат поблизости, слышав его колкие реплики, причем, судя по всему, с Дином был кто-то довольно... сверхъестественный.

«Господи, неужели он все-таки согласился на предложение Федры?»

Эта догадка, как и свободная уже рука, подхлестнули Сэма, и он рванулся изо всех сил, чтобы тут же шлепнуться в грязь. Он так долго простоял неподвижно, что теперь даже сомнительный вкус земли казался сладким. Остальные жертвы все еще были скованы.

- Что ты сделал?
- Как ты это сделал?
- Блин, да вытащи уже и нас, а?

Сэм с трудом поднялся на ноги и рванулся наружу, но тут почувствовал, что все тело снова цепенеет. Что-то застало его на половине шага и начало опять подтягивать к прежнему месту в кругу.

- Нет, нет, только не это, – пробормотал Сэм сквозь зубы, пытаясь противиться Последнему Калюзу, который хотел подчинить его своей воле.

В черепе вспыхнула боль, похожая на ту, что накатывала во время видений. Снаружи тем временем пошел дождь, сильный дождь, и громкое стакатто капель по брезенту эхом отдавалось в его несчастной голове. А потом закричал Дин.

- Дин! – громко позвал Сэм.

Он сомневался, что брат услышит, но одновременно с криком подался вперед. И внезапно шлепнулся ничком, и все остальные вместе с ним.

- Я могу двигаться!
- Какого черта?
- Ох, моя нога!
- Что произошло?

Сэм вылез из ямы, отдернул край брезента, выбрался под стену дождя... и увидел, что брата окутывает сияние. А потом с пальцев Дина сорвался сгусток света и ударил в Последнего Калуза. «Каждый раз, когда я думаю, что повидал в этой жизни все, что-то случается и поднимает планку чуть выше» – подумал Сэм, разглядывая искаженное лицо брата. Потом он увидел и Бобби. Тот стоял на другой стороне улицы, направив Кольт на женщину, зависшую в воздухе над пентаграммой. У женщины были черные глаза, и тонкая светящаяся ниточка тянулась от нее к Дину.

«Он и правда согласился сотрудничать. Отчаянные времена требуют отчаянных мер...»

В этот момент Сэм понял, каким был идиотом. Все два года, открывая в себе проявления крови Азазеля, Сэм считал себя грязным, не таким, как все... считал себя злом. А Дин настаивал – частенько, надо сказать – что Сэм просто дурак. Теперь он видел Дина под заклинанием демона, чувствовал, какая сила течет через тело брата, и все же Дин был... ну, не в порядке, конечно, но все же он оставался самим собой. Точно так же (*Дин предвидел это?*) самим собой оставался и Сэм.

Одному Дину не справиться. К счастью, ему и не придется. Атаки Дина то ли ослабили Последнего Калуза, то ли просто заставили его отвлечься от жертв. Теперь Сэм мог помочь. Он помчался к Импале, припаркованной неподалеку. Сначала он хотел посмотреть в полицейских машинах (*они стояли поближе*), но здесь, во Флориде, желаемого в них могло и не оказаться. Бобби заметил его и окликнул по имени, но Сэм бросился к багажнику и открыл его своим ключом. По бокам машины тут же побежали потоки воды. Внутри Сэм нашел пакет соли, который братья возили с собой на всякий случай, и канистру бензина.

– Сэм, какого черта ты делаешь? – крикнул Бобби, когда младший Винчестер побежал назад к стройке.

– Что могу, то и делаю, – отозвался Сэм.

Нырнув под брезент, Сэм, промокший к этому моменту насквозь, направился напрямик к костям.

– Что ты делаешь? – удивился полицейский.

Не обратив на внимания на вопрос, Сэм разорвал пакет и высыпал соль на видимые кости, потом открыл канистру.

– Хочешь посолить и сжечь их?

– Эй, ты же сам говорил, что не поможет! – окликнул его медэксперт.

– Не поможет, – согласился Сэм.

Он полил кости и землю вокруг них бензином, зажег спичку и бросил ее на кости, радуясь, что брезент не пустил сюда влагу.

– Так к чему все это?

Сэм откинул с глаз мокрые пряди:

– Убить не убьет, но будет больно.

Последний Калуза закричал, когда часть его занялась пламенем. Он не понимал, что происходит, но было ужасно больно. Как будто души из него вытаскивало по одной. Как будто люди его племени снова умирали один за другим, унесенные болезнями и пулями чужаков. Собравшись с силами, Последний Калуза залатал дыру, снова становясь единым целым. Но на это ушли время и сила, и он стал уязвимее для мертвой души.

Краешком сознания Дин заметил, как Сэм бежит к Импале и возвращается с солью и бензином. «Вот это мой братишка!» – гордо подумал он, радуясь, что Сэм смог освободиться и что он, Дин, внес в его освобождение свой вклад. Пусть уничтожение костей не убьет Последнего Калуза, но силы у него будут уже не те. Кaleb шепнул Дину:

– Да, это создание станет слабее. Тогда, может быть, мы сможем одержать верх.

Дин услышал рев пламени, охватившего скелеты, и почувствовал, что призрак стал меньше. Да, теперь, когда Сэм организовал барбекю из костяшек, Последний Калуза вернулся к тому росту, какого он был в номере Федреготти. Воспользовавшись заминкой, Дин собрал воедино страсть и боль, упрямство и жизнерадостность, воинственность и миролюбие, отчаяние и надежду и вложил их в один-единственный удар.

– Хорош, Тонто. На своих двоих отсюда уйдет только один. И это будешь не ты!

Ради американского народа...

Ради моей бедной Агнес...

Ради всех мальчиков, которые не пережили войну...

Ради мамы с папой...

Ради всех туристов, которые скрасили мои последние дни...

Ради музыки...

Ради азарта погони...

И за Сэма.

Дин ударил силой. Сквозь капли дождя, бегущие с козырька кепки, Бобби увидел, как сияние вокруг Последнего Калуза поблекло, а сам призрак уменьшился в размерах вскоре после того, как Сэм нырнул под брезент. «Хорошо сработано, малыш» – подумал он и тут же заметил, что свет, окутывающий Дина, стал кроваво-красным. А потом Дин ударил по Последнему Калуза всем, что у него было. Да, только что он кричал просто жутко, но тот крик казался невинным шепотом по сравнению с воплем, который вылетел изо рта призрака. Сияние вокруг Последнего Калуза практически сошло на нет, а сам он стал прозрачным. Улыбка демона лучилась жестоким весельем. Волосы девушки снова заблестели, кровотечение остановилось, сошли волдыри. В выражении лица Дина сплелись мука и решимость, потом он снова закричал, но уже не от боли, а от волны адреналина, как кричат бойцы, голыми руками разбивая блоки льда. Тут вспыхнул свет, и Бобби ослеп. Он плотно зажмурился, заслонился рукой, но все равно продолжал видеть свет, очень надеясь, что с этой вспышкой Последний Калуза развоплотился. Чуть позже Бобби пришлось моргнуть не один десяток раз, чтобы прогнать всполохи перед глазами. Тем временем дождь прекратился.

Из-под брезента выглянул Сэм. За его спиной Бобби увидел отсвет пламени. Демон встал на ноги, все еще улыбаясь. От пентаграммы и следа не осталось, только асфальт почернел и пошел трещинами. Дин, замерев, таращился в пространство перед собой. Бобби и Сэм одновременно кинулись к нему:

– Дин, ты как?
– Не-а, – сказал демон, и Бобби снова отшвырнуло на обочину.

Он вскочил на ноги и покосился на Сэма, который тоже оказался на земле.

– Простите, мальчики, – сказал демон, – но большое перемирие закончилось. Теперь сила Последнего Калюза со мной и не слишком покорный сосуд тоже. Да, Дин?

Дин выговорил, продолжая смотреть вперед:

– Пошла ты, сука!

«Лучше, чем ничего», – подумал Бобби. Он решился и, мысленно попросив у Кэт прощения, нажал на спусковой крючок. Пуля взрезала воздух и вдруг остановилась, а секундой позже звонко ударилась о асфальт.

– Отличная попытка, малыш-Бобби, но провальная. Пошли, Дин. Мы заберем кое-что из твоей комнаты и отправимся по делам.

Дин развернулся и покорно зашагал к Импале. Сэм громко позвал его и бросился следом, но снова отлетел. Старший Винчестер сел за руль, демон забрался на пассажирское сиденье, и Импала поехала к Дюваль-стрит. Бобби и Сэм пытались догнать ее, но не могли приблизиться ближе, чем на пару метров. Благодаря татуировкам, братья могли противостоять одержимости, но демон стал настолько силен, что просто управлял телом Дина. А еще они лишились средства передвижения.

– Побежали, – крикнул Сэм уже на бегу. – До гостиницы совсем недалеко!

Бобби бросился за Сэмом, потому что только так можно было продолжать разговор:

– А смысл? Пока мы добежим, они уже уедут!

Но Сэм промолчал, и Бобби, раздраженно фыркнув, побежал следом.

ГЛАВА 20

Добравшись до Итон-стрит, Сэм совсем запыхался. Они с Бобби бежали по Дюваль, пробиваясь через толпы туристов и завсегдатаев баров, совсем не настроенных уступить дорогу двум дебилам, которым вздумалось нестись галопом по улице, где все ходят прогулочным шагом. Где-то на полпути до Бобби дошло, как может получиться, что Дин с демоном все еще будут в гостинице, но он все равно предупредил – между попытками ухватить воздух а – что надо приготовиться к худшему. Когда произойдет то самое худшее, тогда Сэм и будет с этим разбираться, но он надеялся, что демон слишком высокомерен, чтобы заметить.

Около «Нейлор-Хаус» младший Винчестер вздохнул с облегчением: Импала по-прежнему стояла возле дома. Ники и Бодж читали в холле. Снупи, валяющийся на полу, вскочил на лапы и помчался навстречу Сэму и Бобби, надеясь, что его почешут.

– Ты там поосторожнее, Сэмуайз^[73], – широко улыбнулась Бодж. – Дино привел с собой красотку, так что, думаю, они захотят уединиться.

Решив не прояснять ситуацию, Сэм отделался невнятным «угу», увернулся от жаждущего внимания бобтейла и поспешил в сад. Не увидев никого около их с братом домика, он обрадовался еще больше. Сэм запрыгнул на крыльцо, распахнул дверь, однако войти не стал. Дин все еще стоял навытяжку, но теперь улыбался:

– Рад тебя видеть, Сэмми.

– И я тебя.

Кэт бросилась к двери, но внезапно остановилась – прямо под изображением Ключа Соломона, которое братья нанесли на потолок после визита в «Хаятт». О Ключе они впервые узнали от Бобби: это была демонская ловушка, круг, из которого не мог выйти ни один демон. Обычно охотники использовали его, чтобы удержать одержимого на время обряда экзорцизма. Именно так Сэм и собирался поступить. Кэт поняла его намерения и завизжала:

– Не смей! Я убью твоего брата! Выпусти меня, а то сломаю ему шею!

– *Regna terrae*, – ответил Сэм. – *Cantate Deo, psallite Domino qui fertis super caelum caeli ad Orientem Ecce dabit voci Suae vocem virtutis, tribuite virtutem Deo...*

– Если бы ты могла его убить, убила бы уже, – проговорил Бобби. – Вывод? Ты не можешь.

Когда-то Сэму приходилось подглядывать в отцовский дневник, но теперь он, наверное, мог бы изгнать демона, не просыпаясь:

– *Exorcizamus te, omnis immundus spiritus omnis satanica potestas, omnis incursio infernalis ad-versarii, omnis legio, omnis congregatio et secta diabolica. Ergo draco maledicte et omnis legio diabolica adjuramus te cessa decipere humanas creaturas, eisque aeternae Perditionis venenum propinare...*

Изо рта, ушей и носа Кэт заструился черный дым:

– Нет! Только не это! Я не позволю!

– Прости, сестренка, – сказал Дин. – Не думаю, что я тебе нужен. Ты без разрешения выкрала меня из-под носа начальства демона перекрестка и, боюсь, заработала себе проблем.

– *Vade, Satana, inventor et magister omnis falla-ciae, hostis humanae salutis. Humiliare sub potenti manu dei, contremisce et effuge, invocato a nobis sancto et terribili nomine, quem inferi tremunt. Ab insidiis diaboli, libera nos, Domine. Ut Eccle-siam tuam segura tibi facias libertate servire, te rogamus, audi nos. Ut inimicos sanctae Ecclesiae humiliare digneris, te rogamus, audi nos...*

Кэт упала, снова вскочила и вlepила все еще неподвижному Дину пощечину.

– Хороший ход, малышка, но после всего того, что со мной случилось, от шлепка какой-то сучки плакать не стану.

– Нет! Нееееет!!!

Сэм улыбнулся:

– *Ut inimicos sanctae Ecclesiae te rogamus, audi nos. Terribilis Deus de sanctuario suo. Deus Israhel ipse truderit virtutem et fortitudinem plebi Suae. Benedictus Deus. Gloria Patri.*

Едва он произнес последнее слово, Кэт запрокинула голову, из ее рта повалил черный дым и исчез в Ключе Соломона. Девушка упала на пол без сознания. Освободившись от невидимых пут, Дин присел около нее и проверил пульс:

- Жива, но ей, наверное, надо в больницу.
- Я сделаю, – вызвался Бобби. – Меня никто не разыскивает, так что...
- Просто попроси Ники и Бодж, – предложил Дин. – Они все устроят.
- Уверен? – недоверчиво спросил младший Винчестер.
- Поверь, Сэмми, им можно доверять.
- Ладно, – все еще сомневаясь, согласился Сэм и перевел взгляд на брата. – Ну, а сам-то как?
- Если честно, Сэмми... чертовски странно было. Я всего не помню, только отрывки жутковатых воспоминаний и какие-то сумасшедшие эмоции, и... – Дин вздрогнул. – Не знаю. И да, спасибо, что сжег кости.

Сэм пожал плечами:

- Ну, надо же было кому-то выручать твою задницу, – он подавил зевок. – Не знаю, как ты, а я бы вздремнул годик-другой.
- А я наоборот. Меня как будто к сети подключили.
- Ты так и выглядел, – Сэм еще раз взглянул на брата и заметил, что волосы у того торчат, как иголки у ежика. – И сейчас выглядишь.

Дин нахмурился и бросился к зеркалу:

- Господи! – он попытался пригладить прическу ладонями, но волосы снова поднимались.
- Ладно тебе, – хохотнул Сэм. – Стильный видок.
- Разве что для Лондона восемьдесят пятого года. Дерьмо, – он вздохнул. – Не важно. Я только что спас человечество от мести вымершего индейского племени, и это стоит отметить кружечкой пива. Или шестью кружечками. Ты идешь?

Сэм отрицательно вскинул руки. Учитывая настроение Дина, он подозревал, что только помешает брату разгуляться.

- Нет, я пас. Ты иди, а я подожду врачей.
- Ага, – Дин снова посмотрел на лежащую без чувств девушку. – С ней все будет хорошо.
- Наверное. Смотри, сколько она помнит. Я имею в виду, мы-то уже привыкли...
- Не к такому, – возразил старший Винчестер. – Оно было... совсем по-другому. Как будто ко мне в голову набилось человек сто, – его передернуло. – И знаешь что? Хемингуэй и правда тот еще мудака.

* * *

Когда Дин проснулся, в его черепе наявничал круги случайный товарный поезд. Солнечные лучи светили сквозь стекло и слепили глаза, усиливая головную боль, а во рту будто кто-то сдох. Дин хотел сесть и тут только заметил, что в постели не один. Он таращился на обнаженное женское тело несколько секунд, прежде чем пришло озарение. Точно! Вчера Дин вернулся в бар «У капитана Тони», там снова играла «Grande Skim Latte», и он встретил женщину по имени Бесс.

«Нет, дурак! Ее зовут Марта! – Дин помотал головой. – Агнес? Марти? Джин? Сью?»

Это были имена женщин, которых любили духи, недавно наполнявшие его сознание. Воспоминания о них постепенно таяли, но имена запомнились, и неудивительно, потому что чувства, которые ассоциировались с этими именами, оставались в силе.

Как бы не звали женщину, она казалась весьма горячей даже во сне. Она спала на боку, обнимая подушку, демонстрируя изящный изгиб талии. В воображении Дина пронеслись обрывки вчерашнего вечера: они танцевали медленный танец под «Wonderful Tonight» Клэптона; она решила оставить свой бюстгальтер вместе с другими на стене и сняла его, даже не расстегнув рубашку; они пили... в общем, что-то пили, а потом вернулись в гостиницу и занялись любовью.

Раздался негромкий стук в дверь, но даже этот звук эхом отдался в черепе. Дин выглянул из комнаты и увидел Сэма. Разыскав и натянув плавки, старший Винчестер выскользнул за дверь и прошептал:

– Она еще спит.

Сэм, кажется, хотел отпустить какой-то комментарий, но передумал:

– Я разговаривал с Бобби. Он сказал, с Кэт все будет хорошо. Она утверждает, что ничего не помнит.

– Это хорошо.

Дин знал, что обычно одержимые запоминают все, от чего только хуже, но эта девушка, наверное, подавила воспоминания.

– Еще я говорил с офицером Монтрозом. Они списали вчерашнее на странную грозу. Дело насчет смертей останется открытыми, чтобы политики были довольны, но ясное дело, что его не раскроют.

– Здорово. Значит, работа закончена?

– Не совсем, – сказали сзади.

Дин развернулся и увидел капитана Нейлора:

– Капитан! – он нахмурился. – Вас все еще слышно.

– Вас тоже было слышно, мистер Винчестер. Более чем... – с улыбкой парировал призрак.

– Что ж, раз вы закончили прелюбодействовать, вы можете выполнить свою часть сделки, так?

– Да-да, разумеется, – Дин похлопал глазами. – Слушайте, мне надо помыться и попрощаться с подругой. Давайте встретимся около ореха, под которым вы похоронены, через час.

– Договорились.

Часом позже Дин проводил новую знакомую (*причем имени ее так и не вспомнил, а спрашивать не решил, тем более, что она тоже ни разу не назвала его по имени*) и принял душ. Сэм пока объяснил Ники и Бодж, зачем нужно копать яму под деревом. Когда старший Винчестер вышел из душа – волосы, слава богу, улеглись, как положено – и оделся, Бобби уже вернулся из больницы. Потом они втроем вышли в сад и копали под деревом, пока не наткнулись на останки.

– А почему без гроба? – удивился Сэм.
– Я так решил, – капитан Нейлор снова появился. – Я хотел, чтобы мое тело послужило удобрением для сада.

Бодж, вышедшая из дома с кувшином воды со льдом, заметила:

– Хорошее решение, капитан. Сад просто чудесный.
– Жаль, что вы не хотите остаться, – добавила Ники. – С собственным привидением наша гостиница имела бы невероятный успех.

Садовой лопаткой Дин расчистил землю вокруг костей.

– Это весьма печально, – заметил Нейлор.

Дину же подумалось, что горюющий призрак выглядит довольно комично. Сэм посолил кости, Бобби полил их бензином, а Дин стоял с зажигалкой наготове и вдруг понял, что как-то неловко сжигать останки, когда их непосредственный владелец витает рядом и контролирует процесс.

– Ну, может, кто-нибудь хочет что-нибудь сказать? – неуверенно предложил он.
– Я бы сказал, – вызвался Нейлор. – Не каждый день выпадает шанс произнести речь на собственных похоронах.
– Валяйте, – Дин вернул зажигалку в карман.
– Не знаю уж, в рай я отправлюсь или еще куда. Кажется, чистилище я уже прошел, пробыв в своем доме столь долго. Но теперь, благодаря добрым людям, я могу, наконец, уйти. Неважно, где я в итоге окажусь, но с уверенностью скажу, что моя жизнь... моя загробная жизнь... стала богаче после знакомства с двумя молодыми людьми, которые стольким пожертвовали. Я горд, что знаком с вами обоими, мистер и мистер Винчестеры, и я надеюсь, что вы останетесь островком надежды в этом темном мире.

Дин даже не ожидал, что старикашка способен на столь прочувствованные слова. Впрочем, эмоции капитана, хоть и смутные, еще оставались в нем, и Дин сказал:

– Думаю, вам не стоит сомневаться в вашей дальнейшей судьбе. Для нас было честью познакомиться с вами.

Призрак кивнул. Убедившись, что больше нет желающих что-нибудь сказать, Дин опять вытащил зажигалку и склонился над костями. Через пару секунд над останками взвилось пламя, и капитан Нейлор исчез.

– Покойтесь с миром, капитан.

Братья бы остались на острове подольше, но Сэм напомнил, что в городке Ниа-Бэй, штат Вашингтон, каждое десятое января происходит серия загадочных исчезновений. Если выехать немедленно (*а городок этот лежал на побережье так далеко от Ки-Уэста, насколько это возможно, чтобы оставаться на континенте*), то можно успеть туда вовремя. Распрощавшись с Ники, Бодж, Снупи (*который радостно облизал Дину все лицо*) и Яфетом (*который бесплатно всучил им еще три стихотворения*), братья повезли Бобби в аэропорт.

– Хорошо сработали, мальчики, – Бобби обнял их по очереди.

Дин не очень приветствовал обнимашки, но с Бобби мирился. Потом они выехали на шоссе №1 и покатали через архипелаг к северу. На Сeven-майл Бридж Сэм проговорил:

– А ты знаешь, что все здешние призраки по-прежнему очень активны? Я имею в виду, мы изгнали демона, а капитану Нейлору хоть бы хны.

– Получается, Хемингуэй продолжает выпихивать из музея кошатников? – ухмыльнулся Дин.

– Ага, а Трумэн – играть в карты в Малом Белом доме. И черт его знает, что еще там творится. Надо думать, потусторонние экскурсии по Кае-Везо останутся популярны даже после двойного убийства.

– Ага, – Дин потянулся к куче кассет, пытаясь отыскать нужную. – Спасибо, что вытащил мою задницу из этой передрыги.

– И ты мою, – проговорил Сэм. – Кстати, сдаваться я не собираюсь.

– Я знаю, – Дин вздохнул. – Что ж, и лошадь может заговорить.

– Чего?

– Забей, – Дин наконец выудил кассету и включил музыку.

Под громкие звуки «Brown-Eyed Girl» Ван Моррисона Имвала уносила братьев все дальше от Ки-Уэста.

ОТ АВТОРА

Те из вас, кто читал мою предыдущую книгу «Больше никогда», помнят, что в ней я советовал плейлист, который можно слушать, читая книгу. Так как я ленивый, я не буду воспроизводить здесь этот список, но отсылаю вас к нему, плюс добавлю еще несколько песен.

- The Animals – House Of the Rising Sun
- Asia – Heat of the Moment
- Bachman-Turner Overdrive (BTO) – You Ain't Seen Nothing Yet
- The Band — Don't Do It (*или версия Rock of Ages или The Last Waltz*)
- Boston – Don't Look Back, Foreplay/Long Time
- Creedence Clearwater Revival – Run Through The Jungle
- The Charlie Daniels Band — The Devil Went Down to Georgia
- The Doobie Brothers – Long Train Running
- Huey Lewis And The News – Back In Time
- John Fogerty — Eye of the Zombie
- Screamin' Jay Hawkins – I Put a Spell on You
- Jethro Tull — Pibroch (*Cap in Hand*), Some Day the Sun Won't Shine for You, Valley
- Van Morrison — Brown-Eyed Girl
- Queen — Fat-Bottomed Girls, One Vision
- Billy Squier — The Stroke
- The Temptations: «Ball of Confusion (That's What the World is Today)»
- Tom Waits — Gun Street Girl, Mr. Siegal, Tango Till They're Sore

Есть один музыкант, Пол Торн, которого я впервые увидел на концерте Марка Нопфлера. Вы можете познакомиться с его работами на www.paulthorn.com, но каждый раз, когда я слышу его музыку, особенно изумительный альбом «Mission Temple Fireworks Stand», то сразу вспоминаю о «Сверхъестественном». Так что, можете добавить в список и его песни. Чтобы прочувствовать колорит Ки-Уэста, я советую все альбомы Майкла МакКлауда и «Black and Skabuddah». Первый играет практически ежедневно в баре «Причал для шхуны» и очень известен на Ки-Уэсте (он написал «The Conch Republic

Song», послужившую эпиграфом к книге), вторые – двое парней из Нью-Йорка – играли в моем любимом салуне «У капитана Тони», а потом переместились в «Слоппи Джо». Я несколько раз летал на Ки-Уэст и, слушая их диски, всегда с радостью вспоминаю этот чудесный остров.

(И нет никакого Джимми Баффетта)

— Кейт Р.А. де Кандидо,
где-то в Нью-Йорке, январь 2008

Благодарности автора

Как обычно, благодарю своих чудесных издателей Джона Моргана, Криса Церази и Эмили Крамп, а также еще более чудесного агента Люсьен Дайвер; благодарю Эрика Крипке, Бена Эдлунда, Джона Шибана, великолепную Сару Гэмбл и всех сценаристов, которые еженедельно расписывают приключения Сэма и Дина Винчестеров. Благодарю Джареда Падалеки, Дженсена Эклза и Джима Бивера, которые подарили свои внешность и голоса Сэму, Дину и Бобби.

Спасибо различным интернет-ресурсам: «Супер-вики», официальному сайту «Сверхъестественного», статьям в Википедии и пользователям, которые поддерживали, обсуждали, разбирали до мелочей сериал и жаждали очередной серии, особенно обитателям различных сообществ на LiveJournal и форумах TV.com, TelevisionWithoutPit.com, the Supernatural FaNily Club на spnfamily.yuku.com. Также приношу благодарности сайтам дома-музея Хемингуэя, «Булл-энд-Уистл» и Малого Белого дома за место действия, и официальному сайту Эрнеста Хемингуэя. Огромное спасибо добрым работникам отдела о Ки-Уэсте в Публичной библиотеке округа Монро, откуда я почерпнул много знаний о жизни кладоискателей и индейцев калуза, а еще художнику Теодору Моррису за изображения калуза. Наконец, благодарю Rachael, a.k.a. RaeSoFShine, которая в своем блоге raesofshine.blogspot.com привела и разбила на части ритуал экзорцизма из сериала.

За вычитку и неоценимые отзывы благодарю Констанс Кокран, Кару Кокс, Джен Кроуфорд, Грейс-Энн Андреасси де Кандидо, Хайди Эллис, Марину Франтс, Николаса Найта (*автора замечательного «Путеводителя по Сверхъестественному»*) и Лесли МакБейн. И еще спасибо всем, кто писал мне по электронной почте после выхода книги «Больше никогда». Надеюсь, эта вам тоже понравится.

Спасибо Кеси Полу и всем в додзе за поддержание здорового духа в здоровом теле.

И еще всем, кто живет со мной: и людям, и кошкам – за все.

Благодарности переводчика

Переводчик *появляется и нагло вклинивается* в свою очередь от всего сердца благодарит мультязычный словарь «Мультитран» и словарь «Лингво», словарь английского сленга «Urban Dictionary», ну и, разумеется, поисковую систему «Гугл», куда же без нее *исчезает*

Копирайт

Эта книга является художественным произведением. Персонажи, события и диалоги созданы воображением автора и не могут рассматриваться как реальные. Все совпадения с происходящими в действительности событиями и людьми, живыми либо умершими, случайны.

— Keith R. A. DeCandido

Перевод — Кана Го

1. **Костяной ключ** – острову Ки-Уэст (*архипелаг Флорида-Кис, штат Флорида*) испанские колонисты дали имя «Кае Везо», дословно означающее «костяной ключ».
2. **Малый Белый дом** - резиденция бывшего президента США Гарри Трумэна.
3. **«Маргарита»** - коктейль, содержащий текилу с добавлением сока лайма или лимона, цитрусового ликера - трипл-сек, и льда.
4. **Во время падения шара** – падение со шпиля огромного шара на Таймс-сквер, Нью-Йорк, знаменует наступление Нового года.
5. Дик Кларк – американский бизнесмен, теле- и радиоведущий, в том числе ежегодного шоу «Dick Clark's New Year's Rockin' Eve», включающего прямой эфир из Нью-Йорка во время падения шара.
6. **Райан Сикрест** - американский теле- и радиоведущий, лауреат «Эмми», продюсер, актер. С 2005 года в шоу «Dick Clark's New Year's Rockin' Eve» присутствует при падении шара на площади, в то время как Дик Кларк комментирует происходящее из штаб-квартиры «Эй-Би-Си Ньюз».
7. **«Американская эстрада»** - американское музыкальное варьете-шоу.
8. **«Американский идол»** - телешоу, смысл которого заключается в соревновании на звание лучшего начинающего исполнителя в США.
9. **Мы пристукнули двух богов** – отсылка к серии 3.08 «Очень сверхъестественное Рождество».
10. **Шала** - марихуана.
11. **Мы замочили... семь смертных грехов** – отсылка к серии 3.01 «Великолепная семерка».
12. **«Ван Хален»** - американская хард-рок (*хэви-метал*) группа.
13. **Дана Скалли** – агент ФБР, скептически настроенная напарница Фокса Малдера в сериале «Секретные материалы».
14. **Ее имя пишется с «ай» на конце, а не с «уай»** - то есть, не «Теггу», а «Тегги».
15. **«Boston»** - американская рок-группа.
16. **Бурбон-стрит** – улица в Нью-Орлеане, Луизиана, известная своими ресторанами, барами, стрип-клубами и сувенирными магазинами.
17. **Снупи был биглем** – Снупи, вымышленный пес породы бигль, - популярный персонаж серии комиксов Peanuts, а также герой мультфильма «Снупи, вернись домой!»
18. **Бастофер Джонс** – солидный кот из мюзикла Эндрю Ллойд Уэббера «Кошки».
19. **«Time of My Life»** - песня американской группы «Franke and the Knockouts», прозвучавшая в фильме «Грязные танцы» в исполнении Bill Medley & Jennifer Warnes; **«Paradise by the Dashboard Light»** - песня из альбома американского рок-певца Марвина Ли Эдея.
20. **Гарри Трумэн** - тридцать третий президент США.
21. **Кемп-Дэвид** (*Шангри-Ла*) - загородная резиденция президента США в штате Мэриленд.
22. **Та же история, что с цыпочкой Молли и фермером Грили** – отсылка к серии 2-16 «Смерть на дороге».

23. **Я помню, как ты квохтал над коллекцией пластинок** – отсылка к книге Кейта Р.А. де Кандидо «Больше никогда».
24. **«The Who»** - британская рок-группа.
25. **Бульбулятор** – самодельный бонг, устройство для курения (*конопли, табака*).
26. **...собственному остроумию** – экскурсовод сыграла на фразе из обихода игроков в покер «Фишка дальше не идет», получившей более широкое распространение благодаря президенту США Гарри Трумэну, который сделал ее своим девизом.
27. **Карибский кризис** - чрезвычайно напряженное противостояние между Советским Союзом и Соединенными Штатами относительно размещения Советским Союзом ядерных ракет на Кубе в октябре 1962.
28. **«Старик и море»** - повесть Эрнеста Хемингуэя (1952); рассказывает историю старика Сантьяго, кубинского рыбака, и его борьбу с гигантской рыбой.
29. **Хендриксон сделал выводы из ошибок, допущенных в Милуоки** – отсылка к серии 2-12 «Ночной оборотень».
30. **Когда они снова столкнулись в Грин-Ривер** – отсылка к серии 2-19 «Фольсомский тюремный блюз».
31. **«В гостях у сказки»** - «Girls gone wild», эротик-шоу.
32. **«House of the Rising Sun»** - народная американская песня, баллада; **«Like a Rolling Stone»** - песня американского автора-исполнителя Боба Дилана.
33. **«Devil with the Blue Dress»** - песня американского певца Митча Райдера.
34. **«Good Golly Miss Molly»** - песня американского певца Литл Ричарда.
35. **Брюс Спрингстин** - американский рок- и фолк-музыкант и автор песен.
36. **«Гетто»** - американский мультсериал, пародия на американскую культуру и межрасовые отношения.
37. **«Jenny Take a Ride»** - песня американского певца Митча Райдера.
38. **Целитель вылечил его, но взамен погиб совершенно посторонний парень** – отсылка к серии 1-12 «Вера».
39. **Отец отдал свою жизнь за то, чтобы Дин выздоровел после аварии** – отсылка к серии 2-01 «Пока я умирал».
40. **Волнение в Силе** – волнение в энергетическом поле (*Силе*) в фильме «Звездные войны»
41. **Поль Баньян** – лесоруб-великан из американского фольклора.
42. **Билли Барти** – американский актер и общественный деятель, рост которого составлял около 1м 12 см.
43. **Субдуральная гематома** – скопление крови между оболочками головного мозга.
44. **Уильям Петерсен** – американский актер, наиболее узнаваем по роли Гила Гриссома в телесериале «C.S.I.: Место преступления».
45. **Саут-стрит** – то есть, Южная улица.
46. **laissez-faire** – политика невмешательства.
47. **«Монти Пайтон и Священный Грааль»** - кинофильм комик-труппы Монти Пайтон 1975 года, комедия, в которой юмористически обыгрывается известная легенда о короле Артуре, его соратниках, их скитаниях в поиске Чаши святого Грааля.
48. **Тим Заклинатель** – персонаж фильма «Монти Пайтон и Священный Грааль».
49. **Уловка с малярными одеялами** – один из способов истребления индейцев: им продавали одеяла, зараженные различными болезнями.
50. **Доктор Хаус** – главный герой популярного одноименного американского телесериала о выдающемся враче.
51. **Соус таргар** - классический холодный соус французской кухни из сваренного вкрутую желтка, растительного масла и зеленого лука.
52. **Парочка в Огайо** – отсылка к серии 3.04. «Город грехов».
53. **Хэнк Уильямс** – американский автор-исполнитель.

54. **Викканка** – последовательница викки, западной неоязыческой религии, основанной на почитании природы.
55. **Специальный агент Данко, специальный агент Хелм** – Рик Данко и Левон Хелм были участниками канадско-американской рок-группы «The Band».
56. **«Чужой»** - классический научно-фантастический триллер; в одной из сцен его детская особь выбралась из тела члена экипажа.
57. **«Дьюи победил Трумэна»** - во время выборов 1948 года газета «Chicago Tribune», основываясь на прогнозах социологов, заблаговременно сообщила о победе республиканца Томаса Дьюи и поражении действующего президента Гарри Эс Трумэна, вынеся на первую полосу заголовок: «Дьюи победил Трумэна». Однако Трумэн победил. Известно его фото с номером газеты с таким заголовком.
58. **Таллахасси** – столица Флориды.
59. **Тампа** - третий по размеру город штата Флорида.
60. **Джеймс Эрл Джонс** – американский актер, также озвучивал Дарта Вейдера в эпопее «Звездные войны», Муфасу в мультфильме «Король-Лев» и др.
61. **Тонто** – вымышленный персонаж, индеец-компаньон Одинокого Рейнджера.
62. **Ки-Ларго** – статистически обособленная местность в округе Монро (Флорида).
63. **Капитан Ахаб** – персонаж классического романа Г. Мелвелла «Моби Дик», капитан, посвятивший жизнь охоте на белого кита.
64. **Памятником самой южной точке служил кусок бетона в форме буя, раскрашенный в черный, красный и желтый цвета.**

65. **Фейсбук** – популярная социальная сеть.
66. **Ходовая катушка** – катушка с длинным прочным шнуром.
67. **Обитель зла для твоих супер-друзей: «Обитель зла»** - научно-фантастический фильм ужасов; **«Супер-друзья»** - американский мультсериал о команде супергероев.
68. **«Kashmir»** - песня английской рок-группы «Led Zeppelin».
69. **Чаттануга** - город на юго-востоке США, штат Теннесси.
70. **Рогипнол** – (флунитразепам), снотворное, которое часть используют для изнасилования, так как оно сравнительно дешевое и не имеет цвета и запаха.
71. **Абердин** – область Шотландии и город в северо-восточной ее части.

72. «**Me and Julio Down By the Schoolyard**» - песня американского рок-музыканта Пола Саймона.
73. **Сэмуайз** – полное имя хоббита Сэма, друга и слуги Фродо, из эпопеи «Властелин колец».